

НОВОСИБИРСКИЙ ВРЕМЕННОК

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
НОВОСИБИРСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№ 1 • 2022

Телефон: 8 (383) 2952189

Адрес редакции: 633103,
Новосибирская область, г. Обь,
Военный городок, 127

Email: npds@yandex.ru

Сайт: journal.dsnsk.ru

Учредитель и издатель: Духовная
образовательная организация
высшего образования
«Новосибирская православная
духовная семинария»

Издается с 2020 года

Номер свидетельства
Роскомнадзора Эл № ФС77-81498
от 6 августа 2021 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Протоиерей **Павел Кизюн**, ректор Новосибирской православной духовной семинарии, кандидат богословия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Протоиерей **Борис Пивоваров**, доктор богословия

Иеромонах **Методий (Зинковский)**, доктор богословия, кандидат технических наук

Леонид Григорьевич Панин, профессор, доктор филологических наук

Протоиерей **Александр Реморов**, кандидат богословия

Вадим Викторович Журавлев, кандидат исторических наук

Иеромонах **Платон (Флах)**, кандидат философских наук

Протодиакон **Дмитрий Цыплаков**, кандидат философских наук

Елена Леонидовна Сузрюкова, кандидат филологических наук

Евгения Владиславовна Комлева, доктор исторических наук

СОДЕРЖАНИЕ

История Русской Церкви	4
Протоиерей Павел Кизюн. «Духовный регламент» Петра I и духовное образование в России XVIII века	5
Протоиерей Максим Мальцев. Подвиг мученичества и страданий за веру Христову на примере сибирской семьи	12
Иерей Марк Дылевский. Стоглавый собор: предпосылки, ход, значение	21
Катехетика и миссиология	36
Иерей Игорь Морозов. Библейское понимание миссии и молодежное служение	37
Иерей Дионисий (Денис) Васильев. Эволюция церковного отношения к научному знанию: от Климента Александрийского и Тертуллиана к Святым Отцам IV-V вв. (на материале комментариев к первой главе Книги Бытия)	41
Иерей Марк Дылевский. Примат римского папы: предпосылки, значение и критика	48
Работы учащихся НПДС	57
Диакон Антоний Шамилов. Камчатский апостол	58
Агеев Иван Викторович. Учение святителя Кирилла Иерусалимского о Церкви и ее таинствах	63
Егоров Арсений Александрович. «Дидахи» как древнейший катехизис	74
Иванов Дмитрий Дмитриевич. Мужья апостольские	84

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Протоиерей Павел Кизюн

Ректор Новосибирской православной духовной семинарии, кандидат богословия

ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ ПЕТРА I И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ XVIII ВЕКА

ДОКЛАД НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ XXV НОВОСИБИРСКИХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ

«К 350 — ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА I: СЕКУЛЯРНЫЙ МИР И РЕЛИГИОЗНОСТЬ»

Аннотация. «Духовный регламент» утвержден императором Петром I и имплементирован манифестом от 25 января 1721 года, которым устанавливалась Духовная коллегия как верховная инстанция церковного управления и также как «министерство» в государстве, с момента открытия 14 февраля - Святейший Правительствующий Синод. «Духовный регламент» определял положение и задачи Святейшего Правительствующего Синода и устанавливал систему верховного наблюдения над деятельностью Церкви. Впервые «Духовный регламент» был опубликован 16 сентября 1721 г. Его значение вышло за рамки инструкции для одной из петровских коллегий и имело огромное влияние на систему духовного образования.

Ключевые слова: «Духовный регламент», Святейший Правительствующий Синод, духовное образование.

Pavel Kizyun, Archpriest

Ректор of Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, Candidate of Theology

THE SPIRITUAL REGULATIONS OF PETER I AND SPIRITUAL EDUCATION IN RUSSIA OF THE XVIII CENTURY

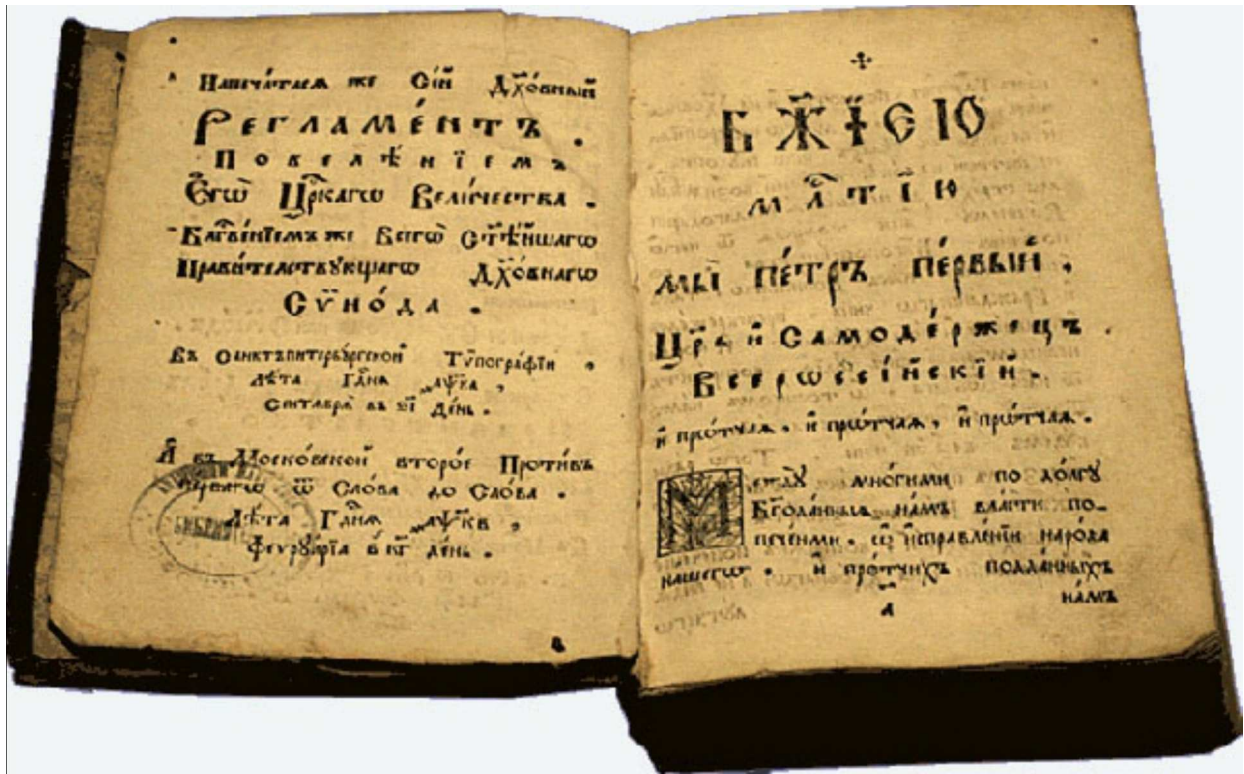
REPORT AT THE PLENARY SESSION OF THE XXV NOVOSIBIRSK CHRISTMAS EDUCATIONAL READINGS

"TO THE 350TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PETER I: SECULAR WORLD AND RELIGIOSITY"

Abstract. The "Spiritual regulations" were approved by Emperor Peter I, and implemented by the manifesto of January 25, 1721, which established the Ecclesiastical Board as the supreme authority of church administration and also as a "ministry" in the state, from the moment of opening on February 14 - the Holy Governing Synod. The "Spiritual Regulations" defined the position and tasks of the Holy Governing Synod and established a system of supreme supervision

over the activities of the Church. The "Spiritual Regulations" were first published on September 16, 1721. Its significance went beyond the scope of the instructions for one of Peter's colleges and had a huge impact on the system of spiritual education.

Keywords: Spiritual regulations, Holy Governing Synod, Spiritual education.

Начало высшего духовного образования в России, как, впрочем, и светского, восходит к учреждению в 1685 году Славяно-греко-латинской школы, ставшей родоначальницей системы высшего образования в нашем Отечестве. Братья Лихуды, иеромонахи Иоанникий и Софроний, прибывшие из Греции по просьбе царя Феодора (1682 г.), организовали школу в Заиконоспасском монастыре г. Москвы — школу, которая стала способна не только обучать, но и готовить себе педагогов-преемников. Из учеников греческих братьев образовалось целое поколение первых русских ученых: Поликарпов, Феолог, Головин, Козма, Иов, Палладий Роговский и другие. Открытие этой школы ознаменовало выбор в пользу т.н. «грекофильской» партии. Преподаваемые предметы были похожи на античную доктрину «семи свободных искусств», разделявшихся на тривий и квадрий. Грамматика, пиитика, риторика, логика, физика преподавались частично на греческом, частично на латинском языках.

В самом начале необходимо охарактеризовать понимание образования в XVII-XVIII веках. Дело в том, что когда мы сегодня говорим о духовном образовании, то понимаем, прежде всего, богословское его наполнение: изучение Священного Писания и святоотеческого наследия, а также сопряженные с ними дисциплины. В Синодальную эпоху духовное образование понималось, прежде всего, как образование для детей духовенства, для духовного сословия и мало чем отличалось от остальных видов образования. Выходцы из духовной школы могли с легкостью поступать в светские вузы и, имея хорошую образовательную базу, показывать отличные результаты как в учебе, так и в научной деятельности. Поэтому тема духовного образования во всех классических пособиях рассматривается в контексте зарождения, развития и реформирования образовательной системы в России в целом.

Конец XVII века, по замечанию Игоря Корнильевича Смолича, отмечался совершенно неудовлетворительным уровнем образования духовенства, и этот вопрос рассматривался на Поместном Соборе 1667 года. «Однако никаких решительных мер для того, чтобы поправить положение, предпринято не было». Духовенство было сословным, и для того, чтобы оно было образованным, необходимы были школы для детей священников. На практическое решение этого вопроса, начиная с XVIII века, были направлены многочисленные указы Петра I. В 1714 г. создаются «цифирные школы» для всех сословий, посещение которых предписывалось и сыновьям дьячков, и подьячих. Создание школ для духовенства в это время предпринимали частным образом и некоторые архиереи, выходцы из Малороссии: епископ Иоанн (Максимович) (1697-1712) в Чернигове, митрополит Димитрий (Туптало) (1702-1709) в Ростове Великом, митрополит Филофей (Лещинский) (1702-1712, 1715-1728) в Тобольске, митрополит Дорофей (Коротков) (1715) в Смоленске. Но, к сожалению, твердого и последовательного плана обучения в этих школах мы не видим.

Новым толчком к развитию духовного образования послужил «Духовный регламент», который стал законодательным актом, написанным в форме манифеста, определявшего правовой статус Церкви Синодального периода. Составлен он Псковским архиепископом Феофаном (Прокоповичем) по заданию Петра I. В нем были отражены не только взгляды его составителя, но и самого Петра Великого. «Книга сия, Духовнаго коллегіума описание и рассуждение содержащая...» «Духовный регламент» имел одновременно и нормативно-инструктивный, и программно-методический характер и в течение всего XVIII и отчасти XIX в. служил для Святейшего Синода и епископата Русской Церкви основой взглядов на систему духовного образования.

Этим документом упразднялось в России патриаршество и вводилось коллегиальное управление Синодом с подчинением его верховной власти императора. Здесь же выделяются два блока, в которых рассматриваются вопросы духовного образования. Оба они находятся во второй части Регламента. Что же Регламент говорит о духовном образовании?

Первый блок содержится в описании обязанностей архиереев и охватывает с 9-го по 13-й параграфы.

9-й параграф призывает каждого епископа иметь при архиерейском доме школу «для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных», при которой «был бы учитель умный и честный», который учил бы детей не только читать, но и понимать прочитанное.

С одной стороны, эта фраза является констатацией факта, что «прежнее церковное образование в школах допетровской России, достигавшееся путем начитанности, не могло удовлетворять требованиям новой России, поставленной Петром I на путь реформ». А с другой, она показывает, что к получению духовного образования могли иметь доступ не только дети клириков, но и прочих сословий.

Об этом прямо говорится в 14-м правиле Регламента: «...должны все протопопы и богатшие, и инии священницы детей своих присылать в академию. Мощно тоеж указать и градским лучшим приказным людям, а о дворянах, как собственная воля будет Царского Величества». По мысли составителей, духовное образование должно стать доступным для всех сословий. И на примере всего XVIII века мы видим, что в таковых школах наряду с сыновьями духовных лиц обучались дети служилого дворянства, мещан и даже крестьян. Например, выходцами из Киевской академии были шляхтич Стефан Яворский и купеческий сын Феофан Прокопович, ставшие известными деятелями Русской Церкви. Смолич, говоря о надсословном характере духовных школ XVIII века, приводит статистику Киевской акаде-

мии за 1790 год, по которой наряду с 419 воспитанниками духовного звания числились 232 разночинца, т.е. выходцы из недуховного сословия.

Второй блок начинается подзаголовком «Домы училищные и в них учителя и ученики, тако ж и церковные проповедники»; он значительно превосходит по объему текста первый блок и состоит из 22 пунктов.

Здесь сначала указывается на благотворность науки для усиления могущества России, а затем доказывается, что ереси возникали не по причине учености, а как раз из-за ее недостатка. «Учение доброе и основательное есть всякой пользы, как Отечеству, так и Церкви, - корень и семя и основание», гласит Регламент.

Здесь мы находим рекомендации по формированию преподавательского состава. Для первого года преподавания достаточно одного или двух учителей, знающих латынь или греческий язык для преподавания грамматики, причем 9-й пункт предполагает совмещение разных курсов. Грамматику в первом полугодии возможно совмещать с географией с использованием карт и глобуса, а во втором — с историей, где предполагается перевод с хорошей латыни краткой универсальной истории. Регламент приводит аргумент для такого совмещения: «...се вельми полезно; ибо ученицы великое ко учению возымеют доброхотство, когда невеселое языка учение толь веселым мира, и мимошедших в мире дел познанием, растворено им будет...»

Для самой грамматики здесь же мы находим рекомендованное передовое учебное пособие — «Латинскую грамматику», изданную в Париже по приказу Людовика XIV или, как буквально написано в Регламенте, «повелением Короля Людовика четвертаго надесять».

10-й пункт Регламента определяет учебную программу, которая предусматривает восемь классов обучения по следующим предметам: 1) грамматика вместе с географией и историей, 2) арифметика и геометрия, 3) логика и диалектика, 4) риторика, 5) физика и «краткая метафизика», 6) политика, 7) и два года богословия. Также рекомендуется изучение греческого и латинского языков, «если будут учителя».

Возглавлялись школы ректором префектом. Обязанности ректора отличались от нынешнего: он с префектом должен был посещать школы два раза в неделю и контролировать учителей, «тако ж и вопросами отведовать учеников, знают ли, что уже должно бы им знать».

18-й пункт приведем целиком: «Буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив, и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестоким наказании одолеть ему невозможно, хотя б и остроумен был: выслать из Академии, чтоб бешеному меча не дать».

Принимались в духовные училища, как мы сегодня сказали бы, «абитуриенты» все без разбора, и первый год обучения проходил с испытанием на соответствие 18-му пункту Регламента. Если студента отчисляли, то для такового последствия были самые неприятные. Его отдавали в солдаты, и последующее образование для него было более недоступно.

«Духовный регламент» определял место, где должна была быть расположена школа. «Место академии не в городе, но в стороне, на веселом (т.е. живописном) месте удобное», чтобы городская суета не препятствовала прилежанию учащихся (правило 19-е).

22-й пункт посвящен организации семинариума или общежительного корпуса, в котором студенты должны были жить и учиться. Он состоит из 26 подпунктов.

Училища должны были устраиваться по принципу закрытого учебного заведения «образом монастыря». Все учащиеся размещались по кельям или избам по 8-9 человек примерно одинакового возраста. При них должен находиться префект, который следил бы, чтобы се-

минаристы вели себя благочинно. К префектам больших требований не предъявлялось; достаточно, чтобы он был человеком «честного жития, только б не вельми свирепый и не меланхолик, летами от 30 до 50-го года». Должность префектов можно рассматривать как начало института дежурных помощников проректора по воспитательной работе.

В первые три года обучения учащиеся должны были находиться в стенах школы безвыходно.

Кроме ректора и префектов в семинариуме должны были быть двое, называемые экзаминаторами, которые контролировали бы успеваемость учащихся. Должность экзаминаторов можно рассматривать как начало института проректоров по учебной работе.

В качестве рычагов влияния на студентов оговариваются прещения, которые префект и экзаминаторы могли применять как средства воспитания и принуждения к успешному обучению. Младшие учащиеся наказываются розгами, средние и старшие — «словом угрожительным». В случае неисpravления следующая мера — донос ректору. Если к этому прибавить строгий распорядок дня, практически безвыходное пребывание в стенах школы в течение всего времени обучения, постоянный контроль, то положение студентов было весьма непростым.

13-й подпункт признает, что такая жизнь студентов «кажется быти стужительное и заключению пленническому подобное. Но кто обыкнет так жить, хотя чрез един год, тому весьма сладко будет». Возможно, и сам архиепископ Феофан Прокопович понимал крайнюю строгость подобного воспитания, и поэтому были включены смягчающие эту систему рекомендации по организации мероприятий, «что здраво полезно есть и скуку отгоняет». Каждый день определялось на гуляние семинаристам по два часа: «А гуляние было бы с играми честными и телодвижными... которые с потехою подают полезное некое наставление».

Также Регламент предполагал организацию поездок раз или два в месяц на природу и раз в год в столицу.

Устанавливался монастырский обычай чтения за трапезой, хотя здесь оговаривается, что оно должно быть не обязательно церковное, но и о выдающихся военачальниках и ученых.

Для учеников предполагается дважды в год или чаще организовывать диспуты и другие мероприятия, называемые Регламентом «комедиями или риторскими экзерцициями», для развлечения и развития студентов.

19-й подпункт предусматривает возможность поощрения хорошо и прилежно учащихся.

Завершает цикл «развлекательных» подпунктов упоминание о возможности в праздники играть на музыкальных инструментах или слушать музыку.

Далее говорится о необходимости иметь при семинарии аптеки и доктора, о платных образовательных услугах для учащихся, чьи родители богаты.

Последние подпункты (24 — 26-й) посвящены завершению обучения в духовном учебном заведении и дальнейшей деятельности выпускника.

Ознакомившись со статьями Регламента, мы можем видеть, что его терминология до конца не проработана. Так, одна и та же должность подразумевает разный спектр обязанностей. Не всегда очевидно, духовное заведение какого уровня имеется в виду. Однако Регламент фактически определил развитие духовного образования в стране на долгое время. Он лег в основу взглядов на духовно-нравственное воспитание и образование для Святейшего Синода и епископов не только XVIII, но и XIX века после школьной реформы 1808-1814 гг.

Создаваемая Регламентом духовная школа органически вписывалась в новую государственную структуру страны. В ней мы видим не только строгость, но и всестороннюю заботу об учащих, создание условий для обучения (проживание, библиотеки, досуг, здоровье и т.д.), а ее выпускники имели преимущества при назначении на должности. Таким образом, «Духовный регламент» закладывал систематический подход к решению вопроса о духовном образовании на государственном уровне.

После издания Регламента епископы приступили к организации духовных школ, или училищ. Первые появляются в Петербурге при Александро-Невском монастыре, в Нижнем Новгороде, в Твери и Белгороде, в Казани, Коломне, Вятке, Суздале, Холмогорах, Рязани и Вологде. С 1731 года, в царствование императрицы Анны Иоанновны, эти школы получили название семинарий, которые должны были устраиваться во всех епархиальных центрах и иных городах. Наряду с семинариями продолжали существовать и начальные духовные школы. К началу 1740 года было 17 семинарий, 2 академии (Киевская и Московская) и большое число начальных духовных школ. К 1750 году было уже 26 семинарий. А к концу XVIII века в России существовало 46 семинарий и 4 академии. Хотя нужно признать, что последние классы богословия были далеко не во всех семинариях, а количество духовных академий в России впоследствии не увеличивалось, хотя вопрос об открытии новых академий вставал неоднократно. В качестве вероятных мест для открытия новых духовных академий уже в XIX веке рассматривались Вильна (совр. Вильнюс), Иркутск, Томск, Тифлис (совр. Тбилиси), Почаев. Часто лучших студентов отзывали в «светскую команду» для приобретения других профессий или просто в «приказный чин», о чем мы говорили выше, так как в продолжение всего XVIII века система духовного образования была единственной уже налаженной и раскинувшейся учебно-методической сетью в России. Среди лиц, обучавшихся в XVIII веке в духовных учебных заведениях в России и прославивших себя на светских поприщах, можно указать великого ученого М.В. Ломоносова, поэта В.К. Тредиаковского, создателя русского фарфора Д.И. Виноградова, государственного деятеля М.М. Сперанского. В XIX веке историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, византологи В.Г. Васильевский и Ф.И. Успенский, художник В.М. Васнецов, поэт И.С. Никитин, министр финансов России и видный ученый И.А. Вышнеградский, академик и первый русский лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов.

В течение XVIII века были осуществлены и другие духовно-образовательные реформы, например, реформа 1798 года, но они не имели того глобального и государственного значения, какое имело издание «Духовного регламента».

К 1917 году в России действовало 60 духовных семинарий и около 150 духовных училищ.

Закончить это выступление хотелось бы словами протоиерея Георгия Флоровского, который, характеризуя этот период русской истории, писал: «Не следует уменьшать объем и значительность ученых и даже учебных достижений XVIII века. Во всяком случае, это был очень важный культурно-богословский опыт. И по всей России раскинулась довольно сложная школьная сеть».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Часть первая. М., 1996 г. С. 389.
2. Налетова Н.Ю. Реформирование отечественного образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы безопасности российского общества. М., 2013. №4. С. 28.
3. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. с. 19.

4. Налетова Н.Ю. Реформирование отечественного образования (историко-педагогический контекст) // Проблемы безопасности российского общества. М., 2013. №4. С. 27.
5. Цит. по: Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Часть первая. М., 1996. С. 392.
6. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. С. 28.
7. Там же. С. 29.
8. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. С. 32-33.
9. Там же. С. 31.
10. См.: Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Часть первая. М., 1996. С. 392.
11. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. С. 34.
12. Там же. С. 35.
13. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. Часть первая. М., 1996. С. 392.
14. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. С. 35.
15. Там же. С. 36.
16. Там же. С. 36-37.
17. Там же. С. 37.
18. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. С. 37-38.
19. Там же. С. 38.
20. Там же. С. 38.
21. Там же. С. 38.
22. Там же. С. 38.
23. Там же. С. 38.
24. Там же. С. 38.
25. Там же. С. 39.
26. Петр I Великий, Архиепископ Феофан Прокопович. Духовный регламент. М., Директ-Медиа, 2014. С. 39.
27. Флоровский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Париж. 1937. С. 114.

Протоиерей Максим Мальцев

Председатель комиссии по канонизации святых Кемеровской епархии Русской Православной Церкви, редактор епархиальной газеты «Золотые купола»

ПОДВИГ МУЧЕНИЧЕСТВА И СТРАДАНИЙ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОЙ СЕМЬИ

Аннотация. На материале из различных источников сделана попытка проследить судьбы представителей одного семейного клана в период гонений на Церковь в XX в. Показан трудный путь отстаивания веры Христовой самими членами этой семьи, а также их влияние на окружающих в деле сохранения истины Православия. Отмечается, что многим из них это стоило жизни, но они не отступились от Христа, даже находясь в тюремных стенах. Подчеркивается особая заслуга Софии Георгиевны Фединой, исповеднице веры, не только в сохранении ее в своем сердце, но и в ведении большой просветительской работы по увековечению памяти о родственниках, взошедших на свою голгофу в трудный период испытаний. Прослеживается мысль, что подвиг мученичества и страданий за веру должен служить высоким примером и нравственным ориентиром для наших современников.

Ключевые слова: семейный клан, сохранение памяти, священнослужители, православная вера, мученичество, нравственный подвиг, гонения на Церковь, страдания за Христа.

Maltsev Maxim, Archpriest

The Chairman of the Commission for canonization of saints of Kemerovo Diocese of the Russian Orthodox Church, editor of the diocesan newspaper "Golden domes"

THE FEAT OF MARTYRDOM AND SUFFERING FOR THE FAITH OF CHRIST ON THE EXAMPLE OF A SIBERIAN FAMILY

Abstract. Based on material from various sources, an attempt is made to trace the fate of representatives of one family clan during the period of persecution of the Church in the 20th century. It shows the difficult way of defending the faith of Christ by the members of this family themselves, as well as their influence on others preserving the truth of Orthodoxy. It is noted that many of them cost their lives, but they did not abandon Christ, even while in prison. The special merit of Sofia Georgievna Fedina, the confessor of the faith, is emphasized not only in keeping it in her heart, but also in conducting a great educational work to perpetuate the memory of relatives who ascended their Calvary during a difficult period of trials. The idea is traced that the feat of martyrdom and suffering for the faith should serve as a high example and moral guideline for our contemporaries.

Keywords: family clan, preservation of memory, clergy, Orthodox faith, martyrdom, moral feat, persecution of the Church, suffering for Christ.

Гонения на Православную Церковь в нашей стране начались с установлением советской власти. Причины непримиримой позиции большевиков лежали в идеологической несовместимости их учения и православной веры, религии вообще.

На законодательном уровне принимались декреты, которые, по выражению современника, сыпались как из рога изобилия [13, с. 50]. Первым документом, который объявил войну Церкви, стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Документ этот исключил Православную Церковь из числа субъектов гражданского права. Декрет ознаменовал разрыв многовекового союза Церкви и государства, послужил юридической подготовкой к изъятию церковных ценностей, к закрытию монастырей и духовных школ, к противоправным судам и расправам над священнослужителями и благочестивыми мирянами [22].

Начавшаяся Гражданская война была первой решительной попыткой большевиков разрушить Церковь как институт [10, с. 168].

Необходимость уничтожения Церкви получала дополнительную санкцию исходя из оценки места и роли, которые она занимала в истории России. Русское Православие рассматривалось как неотъемлемая часть императорской России, её идеологического оплота. Борьба с ним связывалась с борьбой со старым режимом. Церковь автоматически попадала в лагерь «контрреволюции», и против нее были применены обычные методы и способы борьбы с буржуазией [10, с. 56].

Церковь на территории Западной Сибири, входившей в состав Томской губернии, также испытывала гонения, начавшиеся в период смуты, впоследствии подвергалась расколам, спровоцированным властью. Практически все духовенство, которое не погибло в годы Гражданской войны, в 30-е годы прошлого века было репрессировано. К началу Великой Отечественной войны в Кемеровской области (в ее современных границах) закрылись все храмы, а перед революцией их насчитывалось около 200 [17, с. 23].

Трагически складывались судьбы священнослужителей, членов их семей. Многие приняли мученический венец, прошли через ад репрессий, но не отреклись от Христа. Разделить участь гонений, страданий, преследований за веру пришлось многим членам семейного клана, память о котором сохранила удивительная женщина, дочь репрессированного священника, исповедница веры, писательница Софья Георгиевна Федина.

Когда появилась возможность исследовать подвиг новомучеников на территории современного Кузбасса, были найдены сведения о расстрелянном в 1937 г. протоиерее Георгии Непомнящем, служившем в Лебедянском приходе. Стало известно, что жива одна из его дочерей, живущая в Москве. Во время общения по телефону и при личной встрече София Георгиевна благодарила Бога за то, что позволил дожить до этих дней, увидеть, как в нашей стране возрождается вера, за которую ее отец, члены их семейного клана и многие другие пастыри и миряне заплатили своей жизнью.

София Георгиевна родилась 26 августа (8 сентября по новому стилю) 1913 г. в селе Лебедянское (ныне Анжеро-Судженский городской округ Кемеровской области) Томского уезда Томской губернии, в семье протоиерея Георгия Вуколовича Непомнящих и его супруги Валентины Васильевны (урожденной Соколовой). У Софии был брат Николай (1910 г.р. - расстрелян в 1933 г.), сестры Валентина (умерла в 2011 г. в Усть-Илимске в возрасте 100 лет), Любовь, Вера, Надежда и младшая Зоя.

Детство Софии в большой дружной семье было счастливым, но коротким. В 1917 г. грянула революция. Софию со старшей сестрой исключили из школы, потому что их отец — священник, а значит, враг народа. Её несколько раз отправляли к родственникам, чтобы она могла продолжить учебу, но девочка никогда не скрывала, что её отец — священник, и снова оказывалась за порогом школы.

В 1932 г. София училась в Саратове на диктора. В это время она узнала, что арестовали её отца. В 1933 г. София работала на радио в одном из районов Алтайского края. После ареста старшего брата Николая её уволили с работы, и она поехала в Барнаул, к сестре, надеясь там найти работу. Но муж сестры Валентины, следователь Иван Адамович Козырев, поставил условие: публично, через газету, отречься от своего отца, считать его врагом народа. Этого София сделать не могла. Она вернулась в Лебедянку, где встретила с молодым человеком, Иваном Григорьевичем Мельниковым, который стал её мужем.

Вместе им удалось устроиться на работу в селе Мелехино Мариинского района: он — директором школы, она — учителем. София была рада этому, она смогла быть рядом с отцом, приезжала к нему в Мариинскую тюрьму. В 1937 г. арестовали мужа Софии и её саму. В этом же году Ивана Мельникова расстреляли. Софию осудили на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах как члена семьи служителя культа и за «контрреволюционную деятельность» [2, л. 41].

По воспоминаниям Софии Георгиевны, на последнем допросе был задан вопрос, верит ли она в Бога. Она призналась, что отказаться от Бога у неё и в мыслях не было, конечно, верит. Следователь заявил, что в этом её вина, и она сама себе подписала приговор [21, с. 38 - 39].

Сначала София работала на лесоповале, потом на строительстве железной дороги, первого участка Байкало-Амурской магистрали Тайшет — Усть-Кут. Вместе с другими заключенными валила лес, носила рельсы, бревна, делала кирпичи. И в лагере София не отказалась от Бога, жила все время с той верой, что Господь поможет ей вынести все испытания. И не иначе как Провидением Божиим она считала то, что начальники лагерей всячески оберегали её и не отправляли на тяжелые работы. Что-то чудесное было и в том, что всякий раз, когда заключенных отправляли в другой лагерь, Софию оставляли на месте. Она словно кого-то ждала. И вот однажды в лагере появился военврач Борис Федорович Федин. Раненым он попал в плен, бежал, вернулся к своим, и ему дали 25 лет. Вскоре он стал её вторым мужем. За год до освобождения начальник лагеря поженил их. София Георгиевна была освобождена 17 августа 1947 г.

Мужа освободили только через 7 лет. София Георгиевна ждала его вместе с сыном в городе Черемхово Иркутской области, где жила у матери Валентины Васильевны и сестры. А в 1954 г. воссоединившаяся семья переехала в Москву, и София Георгиевна до выхода на пенсию работала в библиотеке Колонного зала Дома Союзов [21, с. 71 - 72].

Отец Софии Георгиевны протоиерей Георгий Вуколович Непомнящих родился в Семипалатинске 17 апреля 1883 г. в семье мастера-краснодеревщика.

В 1904 г. окончил Бийское катехизаторское училище и служил учителем миссионерских школ в Алтайской духовной миссии. Священническую деятельность начал в 1909 г.: 29 августа был рукоположен во диакона, а 19 сентября 1910 г. — во священника. Назначение получил в Никольский храм села Лебедянское Томского уезда [18, с. 139 – 140], утвержден был и законоучителем Лебедянской школы [4, л. 67 об. - 68].

Молодой священник быстро снискал любовь и уважение своих прихожан: будучи талантливым резчиком по дереву, он собственноручно расписал стены храма, изготовил резной иконостас, основал в селе общество трезвости. Батюшка великолепно играл на скрипке и обучал этому искусству сельских ребятишек, очень многое сделал для того, чтобы в приходской школе они смогли получать достойное образование. Жители села знали, что в любую минуту дня и ночи могут обратиться за помощью к своему священнику и отец Георгий обязательно поможет.

С 1914 г. иерей Георгий Непомнящих состоял в епархиальном братстве трезвости, был членом благочиннического совета. 22 марта 1914 г. награжден набедренником, а к празднику Пасхи 1919 г. — скуфьей [19, с. 40]. После 1928 г. был назначен благочинным. Лебедянский приход — один из немногих, который в первые десятилетия советской власти оставался в канонической Церкви, сохраняя чистоту православия среди преобладающих расколов — обновленчества и григорианства. В это время лебедянский храм посещали прихожане из окрестных сел, не желавшие бывать в раскольнических храмах, многие из них оставались ночевать в гостеприимном доме батюшки.

Любовь паствы к священнику особенно ярко проявилась в тяжёлые времена, наступившие после революции. Один раз крестьяне спасли отца Георгия во время его поездки в соседнюю деревню Кайла, куда тот отправился с женой и маленькой дочкой для совершения треб. При выезде из деревни на них напал отряд красногвардейцев, началась стрельба. Крестьяне, подоспевшие на звуки выстрелов, отогнали нападавших и проводили повозку настоятеля до самого дома.

Другой раз вечером в дом священника ввалились красные, обвинив отца Георгия в «незаконном» хранении оружия, и попытались его арестовать. Один из прибывших решил подложить свое оружие, спрятав на вешалке в коридоре. Его схватили буквально за руку. Весть быстро разлетелась по селу, и крестьяне заполнили двор и дом настоятеля и не дали увести своего пастыря [21, с. 18-19].

5 апреля 1932 г. отец Георгий был арестован в селе Лебедянском и последующие пять лет провел в лагерях. Сначала его обвинили в том, что «являлся активным участником Анжерской группы Сибирской контрреволюционной организации иоаннитов, среди жителей и рабочих Анжеро-Судженского района вел контрреволюционную работу». Осудили Коллегией ОГПУ по Западно-Сибирскому краю по ст. 58 п. 2 УК РСФСР на 3 года исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в Орлово-Розовском, Сусловском, Мариинском отделениях Сиблага. Работал в мастерской по изготовлению мебели, ремонтировал квартиры тюремному начальству. В материалах дела есть такая запись: «Не перевоспитался, все еще носит свой священнический крест и молится своему Богу».

16 апреля 1934 г. постановлением особой «тройки» при ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю вновь осужден по ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР, срок наказания увеличен на 3 года, с переводом в штрафной изолятор на 2 года. Отбывал наказание в тюрьме № 2 Сиблага города Мариинска [3, л. 335, 461, 576, 578, 223, 224].

29 ноября 1937 г. последовало очередное обвинение в том, что «являлся активным участником контрреволюционной повстанческой военно-шпионской диверсионно-террористической организации, подготавливающей вооруженное восстание против советской власти, принимал активное участие в работе этой организации». Георгий Вуклович Непомнящих был приговорен «тройкой» при УНКВД по Новосибирской области к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 декабря 1937 г. [1, л. 26, 131, 132].

Мать Софии Георгиевны из дворянского рода Соколовых. Почти все мужчины этого рода были священнослужителями. Дед Софии Георгиевны со стороны матери, священник Василий Леонтьевич Соколов, живший в городе Сапожок Рязанской губернии, происходивший сам из семьи священника, оказался в Сибири как церковный миссионер. Был женат на Павле Алексеевне Дробининой. Умер отец Василий молодым, в 28 лет, и мама Софии Георгиевны Валентина воспитывалась у дяди — бийского купца Александра Алексеевича Дробинина. По дядиному благословию Валентина Васильевна вышла замуж за Георгия Вукловича Непомнящих.

У Василия Леонтьевича было три брата: Павел, Иаков и Дмитрий. О священнике Дмитрие Леонтьевиче Соколове известно лишь, что служил в Усть-Каменогорске и во время красного террора был живым закопан в известь.

Протоиерей Павел Леонтьевич Соколов родился в 1862 г. В 1884 окончил курс Томской духовной семинарии и 22 октября этого же года рукоположен во священника. Служил в храмах Бийского уезда, с 1910 по 1915 гг. в Вознесенской церкви города Барнаула. С 26 июня 1915 г. был настоятелем Преображенского собора города Кузнецка. В послужном списке 1915 г. в семействе значатся жена Мария Ивановна, 50 лет, и семеро детей. Старший сын Иоаникий, 1888 г.р., окончил курс Томской духовной семинарии и с 1915 г. служил псаломщиком в этом же соборе; Иоанн, 18 лет, учился в 4 классе Томской духовной семинарии; Зинаида, 28 лет; Евгения, 27 лет; Зоя, 26 лет; Капитолина, 20 лет; Калерия, 16 лет, обучалась в 4 классе женской гимназии [5, л. 7 об. - 9 об.]. В 1919 г. след отца Павла теряется: в декабре город Кузнецк был разгромлен красными партизанами, многие жители убиты. В одних воспоминаниях партизан говорится, что священника Павла Соколова оставили в живых, в других — что убили. Существует семейное предание, что отец Павел был живым закопан в землю.

Протоиерей Иаков Леонтьевич Соколов родился 15 октября 1870 г. в селе Курбатово Рязанской губернии. Окончил духовное училище и два класса семинарии. С 1888 г. назначен псаломщиком, 31 декабря 1894 г. рукоположен во священника [18, с. 245 – 246]. С 1898 по 1919 служил в селе Монастырском (оно же Прокопьевское). В послужном списке за 1915 г. есть сведения о жене Марии Михайловне, 1876 г.р., и сыновьях: Михаиле, 1894 г.р., окончил Красноярскую духовную семинарию, и Дмитрие, 1895 г.р., служил псаломщиком в селе Иткульском. С 1925 по 1932 служил в Кузнецком районе, в 1933 в селе Парабель (современная Томская область), с 1933 по 1934 в селе Лебедянском вместо арестованного отца Георгия Непомнящих. С 1935 служил в селе Бедаревском Сталинского района, в 1936 – 1937 гг. — в Троицкой церкви Томска. Арестован 6 июля 1937 г., расстрелян 8 октября 1937 г. в Томске [20, с. 297].

Не менее трагична судьба сыновей отца Иакова: Михаила, арестованного еще в 1933 г., тоже расстреляли, а Дмитрий пропал без вести.

Дядей братьям Соколовым был митрополит Никифор (Асташевский). Именно он стал крестным отцом Софии Георгиевны. По воспоминаниям, однажды он посадил ее на колени и сказал: «Трудно тебе в жизни придется. Но от Господа ты не отрекайся». Митрополит Никифор, в миру Николай Петрович Асташевский, родился 15 мая 1848 г. в селе Курбатовском Рязанского уезда Рязанской губернии в семье священника. Вскоре семья оказалась в Сибири, на служение в Томскую епархию в 1854 г. перешел отец Николая Петровича по призыву епископа Томского и Енисейского Парфения. Николай Асташевский окончил Томскую духовную семинарию, в 1874 г. Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия и был назначен на должность преподавателя Томской духовной семинарии на кафедре философских наук [14].

Указом Св. Синода от 22 августа 1897 г. назначен на должность ректора Красноярской духовной семинарии. 18 сентября этого же года епископом Томским Макарием (Невским) был рукоположен во священника в безбрачном состоянии, 21 сентября возведен в сан протоиерея по должности и 25 октября 1897 г. прибыл в Красноярск.

23 сентября 1914 г. Св. Синод перевел отца Николая из Красноярска на должность ректора Тобольской духовной семинарии. Прибыл в Тобольск он 1 октября этого же года. Определением Св. Синода от 5 – 8 мая 1915 г. уволен от духовно-учебной службы, «за выслугу срока на пенсию». Поселился в Томске, где проживал и работал врачом его родной брат.

Пострижен в монашество с именем в честь святителя Никифора I, патриарха Константинопольского, затем возведен в сан архимандрита [11].

25 сентября 1924 г. хиротонисан в московском храме мученика Никиты на Старой Басманной улице во епископа Новониколаевского (с 1926 г. — Новосибирского). Хиротонию возглавил Святейший Патриарх Тихон (Беллавин). На новообразованной кафедре вел активную борьбу с обновленческим и григорианским расколами. В 1927 г. возведен в сан архиепископа, 18 апреля 1932 г. — в сан митрополита [14].

В мае 1935 г. был отправлен на покой. Отойдя от дел епархии, не покинул Новосибирск. Чекисты уже готовились арестовать владыку, но не успели, он скончался 30 апреля 1937 г., в Великую Пятницу. Погребен на кладбище близ Успенской церкви в Новосибирске. В 1961 г. в связи с закрытием церкви останки владыки были перенесены на Заельцовское кладбище города Новосибирска [16].

Мужем двоюродной бабушки Софии Георгиевны, Степаниды Алексеевны, урожденной Дробининой, был протоиерей Александр Владимирович Дагаев. Родился он 10 апреля 1861 г. в Бийске, в семье настоятеля Успенского собора протоиерея Владимира Александровича Дагаева и его супруги Феоктисты.

Окончил Томскую духовную семинарию по I разряду. 8 ноября 1884 г. Александр Дагаев был рукоположен во священника. С 1888 г. — благочинный церковью Змеиногорского уезда Омской епархии [15].

С 30 декабря 1891 г. служил в Покровском соборе города Усть-Каменогорска, одновременно преподавал Закон Божий в Усть-Каменогорской женской гимназии. Благочинный церковью Усть-Каменогорского, Змеиногорского и Зайсанского уездов Семипалатинской области и Томской губернии.

По воспоминаниям старожилов города Усть-Каменогорска, отец Александр был человеком горячей веры, ревнителем православия, искренне любящим Бога и свою Родину. А в свободное время увлекался изучением истории Церкви и Российского государства, игрой на музыкальных инструментах, что было любимым занятием его многочисленной семьи.

В период, последовавший за 1917 г., отец Александр твердо отстаивал православную веру и монархию. Он открыто обличал с церковного амвона богоборческую, антихристианскую направленность большевизма, призывал народ стоять за Истину, быть со Христом, отстаивать православную веру. Отец Александр имел огромный авторитет среди жителей Усть-Каменогорска и прилегающих к нему областей, его проповеди оказывали большое нравственное и духовное воздействие на людей [6].

После убиения большевиками летом 1918 г. настоятеля Троицкой крепостной церкви города Усть-Каменогорска отец Александр занял его место. 11 января 1920 г. к отцу Александру в дом пришли вооруженные люди. Это было обеденное время, батюшка сидел за трапезой в окружении своей семьи. Пришедшие потребовали от него пройти с ними. Отец Александр подчинился приказу. Больше его в живых не видели.

Через два месяца матушку Степаниду Алексеевну вызвали в местное ЧК на опознание. Ей показали найденное в проруби Иртыша разрубленное пополам тело ее супруга. От тела были отсечены голова и правая рука. Пальцы усеченной десницы отца Александра были сложены для иерейского благословения. Останки священномученика отдали Степаниде Алексеевне для погребения.

После расправы над батюшкой из страха подвергнуться той же участи многие отвернулись от его семьи. Степанида Алексеевна вынуждена была уехать в город Павлодар, где скончалась в 1932 г.

По воспоминаниям старожилов Усть-Каменогорска, отец Александр был похоронен матушкой возле собора Покрова Пресвятой Богородицы, где он долгие годы был настоятелем. В 1930-е гг. церковь была разрушена, в настоящее время на ее месте городской парк. Существует и другая версия, согласно которой отец Александр был похоронен на городском кладбище [7].

Протоиерей Александр Дагаев причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских постановлением Священного Синода Русской Православной Церкви от 27 декабря 2000 г. [9].

В семье отца Александра и его супруги было восемь детей: Евфалия, Михаил, Мария, Вера, Иннокентий, Елена, Серафим, Иван [7].

Трагически сложилась судьба мужа дочери отца Александра Евфалии Алексея Порфирьевича Подойникова. Он родился в 1887 г. в Усть-Каменогорске. Будучи священнослужителем, был арестован в городе Риддер Восточно-Казахстанской области 23 августа 1937 г. Осужден «тройкой» при УНКВД по Восточно-Казахстанской области 6 ноября 1937 г. к высшей мере наказания. Реабилитирован 23 апреля 1958 г. президиумом Восточно-Казахстанского областного суда [12].

Также известна судьба одного из сыновей отца Александра — Иннокентия. Он родился в 1899 г. в Усть-Каменогорске. Окончил Томскую духовную семинарию. В период Гражданской войны служил в армии адмирала А.В. Колчака, женился на дочери протоиерея Алексея Дмитриевича Пчелина — Раисе. 14 марта 1933 г. был арестован в городе Барнауле, где работал заведующим фотографией горсовета Осоавиахима. Был приговорен к 10 годам концлагерей, отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения. Расстрелян 27 октября 1937 г. в Карелии, урочище Сандармох, реабилитирован посмертно. Его супруга Раиса Алексеевна умерла в 1959 г. на 55 году жизни в Ростове-на-Дону [8].

Два младших брата отца Александра — Митрофан и Григорий — тоже были священнослужителями и подвергались политическим репрессиям.

Итак, на примере одного семейного клана рассмотрена судьба людей, сохранивших веру Христову в самый трагический период нашей истории. Сегодня известно, что подвиг за Христа носил массовый, всенародный характер. Наш долг — сохранить память об этом подвиге. Заслуга Софии Георгиевны особая, она до последних дней своей непростой жизни вносила значительный вклад в дело увековечения памяти об этом подвиге. В последние годы она часто встречалась с молодежью, в частности, со студентами Свято-Филаретовского православного института. Молодых всегда восхищала её память на имена и события, интеллигентность и простота, душевная чуткость. Страдания, перенесенные ею, и почтенные годы не властвовали над ней. В свои 100 с лишним лет эта удивительная женщина сохраняла четкость речи, мысли, памяти и элегантно выглядела. Общение с ней приносило радость и восхищение. О жизни Софии Георгиевны снят документальный фильм «Последний вопрос». Сама она написала книгу воспоминаний «Верю, помню, люблю...», которая несколько раз переиздавалась.

Софии Георгиевне вместе с сестрой Зоей Георгиевной удалось несколько раз побывать и на родине, в Лебедянке и в Мариинске, поучаствовать в мероприятиях по увековечению памяти жертв репрессий. В 2008 г. на месте массового захоронения расстрелянных в Мариинске, на городском кладбище, был установлен поклонный крест. На въезде в Мариинск, вблизи

дороги, по которой отправлялись в лагеря заключённые, был возведён храм в честь Анастасии Узорешительницы и мемориальный комплекс памяти невинных жертв ГУЛАГа. В честь протоиерея Георгия Непомнящих названа одна из улиц Мариинска. Его память увековечена и в Лебедянке, где батюшка служил: силами местных жителей на месте храма был установлен поклонный крест — благоговейная дань подвигу веры, свершённому скромным сельским священником, его семьёй и другими православными земляками в годы безбожия и гонений на Церковь [21, с. 75 – 88]. Их земные судьбы преждевременно оборвались, но огонь веры, горевший в их сердцах, не должен угаснуть в сердцах наших современников, а подвиг их пусть служит высоким примером и нравственным ориентиром.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив УФСБ России по Кемеровской области. Д. П-2589.
2. Архив УФСБ России по Кемеровской области. Д. П-9479.
3. Архив УФСБ России по Кемеровской области. Д. П-13707.
4. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-170. Оп. 1. Д. 3952.
5. ГАТО Ф. Ф-170. Оп. 1. Д. 4505.
6. Дагаев Александр Владимирович. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: drevo-info.ru/articles/11914.html (дата обращения 07.03.2021).
7. Дагаев Александр Владимирович, протоиерей, священномученик [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/5692/> (дата обращения 07.03.2021).
8. Дагаев Иннокентий Александрович 1899. Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Дагаев_Иннокентий_Александрович_\(1899\)](https://ru.openlist.wiki/Дагаев_Иннокентий_Александрович_(1899)) (дата обращения 17.03.2021)
9. Журналы заседания Священного Синода от 27-28 декабря 2000 года // Русская Православная Церковь: Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. URL: patriarchia.ru/db/text/4924770.html
10. Коголь. Т. Н. Русская Православная Церковь и государство. 1917-1927 гг. (на материалах Западной Сибири) // Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1995.
11. Никифор (Асташевский). Открытая православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: drevo-info.ru/articles/17740.html (дата обращения 17.03.2021).
12. Подойников Алексей Порфирьевич 1887. Открытый список [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Подойников_Алексей_Порфирьевич_\(1887\)](https://ru.openlist.wiki/Подойников_Алексей_Порфирьевич_(1887)) (дата обращения 17.03.2021).
13. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Том 2. XX в. Монография. Барнаул. Издательство Алтайского государственного университета, 2015.
14. Ростислав, митрополит Томский и Асиновский. Жизненный путь и педагогическая деятельность митрополита Никифора (Асташевского Н.П.) [Электронный ресурс] // Труды Томской духовной семинарии. Сб.2. Томск: Томская духовная семинария, 2013. URL: <http://pravoslavie.tomsk.ru/tomsk/81/> (дата обращения: 23.03.2021).
15. Священномученик Александр Дагаев, пресвитер // Азбука веры: [сайт]. URL: azbyka.ru/days/sv-aleksandr-dagaev (дата обращения: 23.03.2021).

16. Сибирь православная № 1 (6) 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthedu.ru/nskeparh/mitropolit_nikifor/m_nikifor.htm (дата обращения: 23.03.2021).
17. Сквозь времена и годы. Кемерово, 2013.
18. Справочная книга по Томской епархии за 1914 год. Томск: Печатня С. П. Яковлева, 1914.
19. Томские епархиальные ведомости (ТЕВ), 1919. № 5-6.
20. Фаст. М. В., Фаст Н. П. Нарымская голгофа: Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советский период. Томск. М., Водолей Publishers, 2004.
21. Федина С.Г. Верю, помню, люблю... Москва, 2015.
22. Цыпин Владислав, протоиерей. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/110393.html> (дата обращения: 18.03.2021).

Иерей Марк Дылевский

Выпускник Новосибирской православной духовной семинарии. Священник храма в честь Рождества Иоанна Предтечи села Криводановка Новосибирской области

СТОГЛАВЫЙ СОБОР: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. Стоглавый собор, прошедший при митрополите Московском Макарии во времена Ивана Грозного, стал особой вехой в истории Русской Церкви. Настоящая статья анализирует историческое значение этого Собора. Богословские выводы делаются на основании знакомства с широким кругом источников и литературы.

Ключевые слова: Стоглавый собор, история Русской Церкви.

Mark Dylevsky, Priest

Graduate of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary. Priest of the church in honor of the Nativity of John the Baptist of the village of Krivodanovka, Novosibirsk region

THE STOGLAV SYNOD: BACKGROUND, COURSE, MEANING

Abstract. The Hundred-domed Cathedral, held under Metropolitan of Moscow Macarius in the time of Ivan the Terrible became a special milestone in the history of the Russian Church. This article analyzes the historical significance of this cathedral. Theological conclusions are drawn on the basis of acquaintance with a wide range of sources and literature.

Keywords: The Stoglav Synod, History of the Russian Church.

Историческое значение Собора 1551 г., созванного при св. митрополите Макарии и Иване Грозном, велико. Предметы соборных рассуждений были намечены в 69 вопросах, предложенных царем. Собор издал Уложение, разделенное по аналогии с «Судебником Ивана Грозного» на 100 глав. Отсюда и его название — «Стоглав», которое перенесено было и на сам Собор (хотя название «Стоглав» утвердилось за этим сборником лишь с конца XVI века). В самом же тексте упоминаются и иные наименования: или Соборное уложение, или Царское святительское уложение.

Собор состоялся в феврале-мае 1551 г. в Москве по воле Ивана Грозного, стремившегося к укреплению централизованной власти и крайне озабоченного состоянием церковных дел. В заседаниях участвовали в основном духовные иерархи во главе с митрополитом Макарием, но отчасти и Боярская дума. Деяния собора состояли из вопросов царя, подробных ответов на них, а также соответствующих постановлений.

Царские вопросы, направленные на искоренение ересей и народных суеверий, укрепление благочиния (с помощью исправления погрешностей и разночтений в богослужебных книгах, а также тщательного обоснования и унификации обрядов и уставов), принятие мер к развитию религиозного образования, вызывали самое благожелательное внимание со стороны иерархов. Предписания Собора, скрупулезно регламентирующие как проблемы гражданской и духовной юриспруденции, церковную обрядность, правила иконописания,

нормы жизни белого и черного духовенства, так, по мере возможности, и народный быт в целом, охватывают огромное число тем — от полемики по поводу вероисповедных догматов с «еретиками» до критики различных житейских обычаев, которые отвергались как безнравственные (считалось, например, что безбородость способствует содомскому греху) или как откровенно языческие. На основе «Стоглава» создавались и рассылались специальные указы и поучения, которые в целом, впрочем, не были строго кодифицированы.

Собственно научное изучение «Стоглава» начинается в дореволюционной историографии под влиянием общего внимания к деятельности земских соборов на Руси. Это внимание было связано с обострившимся в XIX в. интересом к сословно-представительным учреждениям.

Появляются и работы, всецело посвященные «Стоглаву». Одними из первых были статьи И.В. Беляева. Беляев высоко оценивал стиль и язык документа, отмечал одновременно и его простоту, и примеры ораторского мастерства при изложении речей Ивана Грозного. Д. Стефанович изучал «Стоглав» уже в 1900-х годах. Он упрекал Беляева в некоторой идеализации «Стоглава», но все же признавал, что «Стоглав и как литературный, и как законодательный памятник представляет собою редкое и выдающееся явление в истории русского церковного права». Стефановичем был также подробно рассмотрен вопрос об источниках «Стоглава». Как было отмечено, одним из источников постановлений являлась Библия, хотя составители не слишком часто обращались к этому авторитетнейшему для церковных деятелей источнику. К источникам «Стоглава» относят также «Кормчие» (сборники апостольских, соборных и епископских правил и посланий) и книги историко-нравоучительного характера.

Из остальных работ второй половины XIX — начала XX вв. следует выделить исследование историка и литературоведа академика И.Н. Жданова «Материалы для истории Стоглавого собора». Он собрал более двадцати грамот и наказных списков, в которых упоминается Соборное уложение 1551 года. Исследование «Стоглава» убедило автора, что вопросы, рассмотренные на Соборе, касались «...не только чисто церковных, но и государственных отношений». Исходя из этого, Жданов применил по отношению к Собору наименование «церковно-земский собор». Это определение приняли впоследствии и другие ученые, в частности, советские историки Л.В. Черепнин и С.О. Шмидт. В своей монографии «Становление российского самодержавства. Исследования социально-политической истории времени Ивана Грозного» Шмидт рассматривает только земские решения Собора 1551 года. Он отвергает общераспространенные утверждения, что Собор принял текст Судебника 1550 года. Автор полагал, что на Стоглавом соборе речь шла о приведении уставных грамот о местном самоуправлении в соответствии с Судебником 1550 года. Глава, посвященная Стоглавому собору в монографии Л.В. Черепнина, носит во многом характер обобщения всего того, что было сказано об этом Соборе ранее. Автор дает полную историографию вопроса и подробно обосновывает церковно-земский характер Стоглавого собора. Он высказал немало ценных мыслей о структуре «Стоглава», дал в ряде случаев текстологический анализ документа, что особенно важно.

Таким образом, в дореволюционной России «Стоглав» исследовали как церковные историки, так и светские. В их работах, однако, внимание уделялось главным образом изучению текста «Стоглава» с точки зрения богословия, давался скрупулезный юридический анализ норм церковного права, но не учитывались социально-экономические условия периода создания памятника. Во многом этот пробел восполнила советская историография.

А.А. Зимин продолжил исследование «Стоглава» как памятника русской публицистики XVI века. Автор разбирает политические взгляды участников Собора. Он рассматривает «Стоглав» как одно из звеньев общей цепи реформ Ивана Грозного. Положение это получило развитие в вышедшей в 1960 году монографии Зимина «Реформы Ивана Грозного». В данной работе автор считает решение Собора 1551 года компромиссом между «иосифлянским» большинством собора и «нестяжательским» окружением царя, отмечая при этом, что «...основная масса решений стоглава проводила в жизнь иосифлянскую программу».

Таким образом, советские авторы, интерпретировавшие содержание «Стоглава» и использовавшие его в своих исследованиях, как правило, рассматривали этот памятник в тесной связи с социально-экономической и политической обстановкой в России середины XVI в., с внутриклассовой и классовый борьбой того времени, как органическую часть реформ правительства Ивана Грозного. Они обращали при этом главное внимание на отражение в нем тенденций социально-политической и идейной борьбы того времени.

В исторической литературе о «Стоглаве» и Стоглавом соборе одной из основных проблем является проблема происхождения его текста в связи с полемикой о подлинности и каноническом значении «Стоглава», сложностью, нечеткостью и нелогичностью его структуры и состава.

Когда была приведена в известность вся сокровищница святыни и учения, украшавших Русскую Церковь, когда эта последняя предстала пред глазами митрополита Макария во всеоружии своих духовных доблестей, тогда уже ему не страшно было обнаружить и ее недостатки в полной уверенности, что она выдержит теперь какую угодно строгую критику. Это обнаружение язв русской церковной жизни и было сделано на Соборе 1551 года. Нельзя, однако, думать, что критико-обличительная обстановка Собора 1551 г. всецело принадлежит митрополиту Макарию. Если даже вопрос об инициативе Собора мы решим в пользу одного Макария на основании общего представления о нем как человеке, способном к крупным предприятиям, то ближайшее рассмотрение деяний соборных приводит исследователей к выводу, что на постановку отдельных вопросов здесь повлияли партии и лица различных до противоположности интересов и убеждений. Так, прежде всего, сам царь, как видно по многим данным, имел желание добиться от Собора в той или иной мере уступки церковно-монастырских недвижимых имуществ или их доходов в пользу нужд государственно-общественных, побуждаемый к тому настоятельной потребностью времени обеспечить поместьями все возраставший в своем количестве класс военно-служилых людей. Государя в его посягательствах на церковные вотчины поддерживала по идеалистическим соображениям партия «нестяжателей», т.е. единомысленников и учеников Нила Сорского, отрицавших право и нравственную пользу монастырей и монашествующей иерархии на владение населенными землями. За секуляризацию стояли тогдашние всеильные временщики Сильвестр и Адашев. Из участников Собора к ним примыкали рязанский епископ Кассиан и Троицкий игумен Артемий; последний даже письменно излагал царю свое личное мнение об истинном нестяжательном иноческом жителстве. В руках у Ивана Васильевича были и «27 поучительных глав о государственном управлении», писанных из заключения Максимом Греком и направленных, между прочим, против злоупотреблений иерархией своими вотчинно-владельческими правами. Но вся высшая иерархия была настроена, конечно, против таких тенденций, посягавших на дорогие для нее права, и на ее стороне был и сам митрополит Макарий. Последний представлял собой своеобразного реформатора-консерватора, т.е. был, по его собственному убеждению, только «реставратором» старых порядков русской национально-церковной жизни, будто бы украшавших ее прежде и лишь в недавнее время

«поисшатавшихся». Когда в конце 1550 г. государь раздал громадное количество земель в Московском уезде служилым людям, то, вероятно, обращался с запросом о покупке или уступке ему и некоторых вотчин митрополичьих, во множестве примыкавших к столице. Но митрополит с небывалой решительностью и смелостью дал отпор царским претензиям. Он написал царю «Ответ о недвижимых вещах данных Богови в наследие вечных благ», в котором буквально повторяет доводы Собора 1503 г. в защиту церковно-имущественных прав своей кафедры и затем пространно и красноречиво увещевает царя не нарушать их. После такого ответа царю со стороны уважаемого им митрополита понятно, что секуляризация церковных имуществ не могла быть ни предметом рассуждений, ни результатом Собора 1551 года. И только по окончании его, в особом заседании 11-го мая, государь постарался провести несколько постановлений, полагавших ограничение дальнейшему росту церковного землевладения.

Одно из основных мест в содержании «Стоглава» занимают вопросы судоустройства, организации церковного суда. В литературе отмечалось, что «Стоглав» впервые дает возможность составить представление об устройстве епархиальных судов в средневековой России и судопроизводстве в них. Действительно, с появлением «Стоглава» связана четкая регламентация устройства церковного суда, его юрисдикции, судопроизводства и т.д. Здесь особенно ясно видно, что постановления о церковных судах тесно связаны с общей Судебной реформой Ивана Грозного. О значении постановлений Собора о церковном суде можно судить по тому, как они излагались в наказных списках Соборного уложения 1551 года: ввиду их особой важности эти постановления помещались в самом начале списков. Несмотря на то что «Стоглав» был осужден и отменен Московским собором 1666-1667 гг., патриарх Адриан руководствовался постановлениями «Стоглава» о святительском суде даже после Собора 1666 года до 1701 года. Только с изданием «Духовного регламента» (1720 г.) «Стоглав» потерял значение для Русской Православной Церкви.

В Уложении затронуты главные стороны церковной жизни; в нем были собраны и систематизированы все нормы действующего права Русской Церкви. Исходным материалом послужили «Кормчая», «Устав» св. Владимира, постановления собора 1503 г., послания митрополитов. Постановления «Стоглава» касаются архиерейских пошлин, церковного суда, дисциплины духовенства, монахов и мирян, богослужения, монастырских вотчин, народного образования и призрения нищих. Собор предложил епископам и городскому духовенству устраивать школы для подготовки ставленников; мирянам предоставлялась возможность выбирать кандидатов священства. Надзор за благочинием собор возложил на поповских старост и «десятильников», а надзор над ними самими — на соборных священников, архимандритов, игуменов и протопопов. «Стоглав» отменил «несудимые» грамоты, тем самым сделав все монастыри и приходские причты подсудными своим епископам. Светским судам он запретил судить духовных лиц. В соборных постановлениях осуждались распространенные в народном быту бесчинства и пережитки язычества; судебные поединки, скоморошеские представления, азартные игры, пьянство.

Многие постановления «Стоглава» касаются богослужения. Некоторые из них (о двуперстии, о сугубой аллилуйи) стали впоследствии знаменем для старообрядцев. Эти постановления были отменены Большим Московским собором 1667 г., который объяснил факт их принятия «простотою и невежеством» отцов Стоглава. Вопреки постановлению собора 1503 г. «Стоглав» разрешил взимание ставленнических пошлин, но установил для них, равно как и для треб, твердую таксу. При этом было решено, что все эти дани должны собирать не архиерейские чиновники, а поповские старосты и десятильники. Собор 1572 г. издал грамоту о четвертом браке Ивана Грозного. В виде исключения этот брак не

расторгли, но на царя наложили епитимию. На основании «Томоса единения» Собор подтвердил недопустимость четвертого брака, подлежащего непременно расторжению.

Постановлением собора 1580 г. архиерейским домам и монастырям запрещалось приобретать новые земельные владения. Исключение было сделано лишь для бедных монастырей, но и они могли получать новые вотчины только через царские пожалования.

Более ста лет «Стоглав» рассматривался как сборник постановлений непререкаемой авторитетности. Но отношение к нему резко изменилось после Большого Московского церковного собора 1666-1667 гг. На нем были осуждены некоторые догматы, утвержденные Стоглавым собором. На Московском соборе было признано, что положения «Стоглава» были написаны «неразсудно, простотою и невежеством». Вслед за этим стала подвергаться сомнению подлинность данного сборника постановлений, а тем самым его значение как законодательного акта. «Стоглав» стал предметом жарких споров между раскольниками-старообрядцами, которые возвели в ранг незыблемого закона постановления Собора, и представителями официальной церкви, которые осудили «Стоглав» как плод заблуждения. Членам Стоглавого собора были предъявлены обвинения в невежестве, и, чтобы смыть с них позор, была выдвинута даже версия непричастности собора 1551 года к «Стоглаву».

В одном из первых своих посланий к царю Сильвестр говорит, что кроме неправды и «воровства» на Руси много других зол, прежде всего, плотских грехов и еретических мудрований. Он призывал карать их по примеру прежних государей немедленно и решительно, до полного искоренения. Эта задача поставлена была перед Стоглавым собором, который собрался в январе 1551 г. в Кремлевском дворце. Кроме митрополита на нем присутствовали девять архиепископов и епископов, множество архимандритов, игуменов, монахов и белого духовенства. Мирскую власть представляли Боярская дума, воеводы, правительственные чиновники (дьяки) и выборные от посадских людей.

Название первой главы («В лето 7059-е месяца февраля в 23 день...»), казалось бы, дает точную дату работы Стоглавого собора: 23 февраля 7059 г. (1551 г.). Однако исследователи расходятся во мнении, является ли эта дата указанием на начало заседаний Собора или определяет время начала составления Соборного уложения. Временем открытия Собора следует считать, как полагает Л.В. Черепнин, дату, указанную в первой главе, — 23 февраля 1551 г. По мнению же Д. Стефановича, эта дата, скорее всего, указывает на начало редактирования «Стоглава». Работу Собора можно разделить на два этапа — совещание с обсуждением ряда вопросов и обработку материала, хотя, возможно, что это были одновременные процессы. Это предположение подтверждается и самой структурой «Стоглава», последовательностью расположения глав и их содержанием. Л.В. Черепнин считал, что структура «Стоглава» «...очень нечеткая, не поддающаяся до конца осмыслению. Ответы иногда уходят от тематики, намеченной вопросами». И.Н. Жданов видел определенный порядок в изложении глав. Он считал, что в 6-й — 40-й главах «Стоглава» собраны материалы для наказа приходскому духовенству. Главы 43-я — 98-я обращены к церковным властям, т.е. к епископам, монастырским настоятелям, наконец, к царю. Беспорядочность в изложении материалов «Стоглава» зависела столько же от неумелости его собирателя, сколько от разнообразия тех материалов, которыми он располагал.

В первой главе в общих чертах намечена программа Собора: Собор отвечает на вопросы царя, который предлагал темы для соборного обсуждения. Участники Собора, как следует из текста, ограничивались высказыванием своих мнений по предложенным темам. В первой главе круг вопросов Собора излагается бегло, несколько путано; иногда приводятся ответы, иногда — нет. По существующим правилам Собор не имел права принять решение,

расходившееся с канонической литературой. Часть памятников этой литературы упомянута в первой главе «Стоглава»: правила святых апостолов, святых отцов Церкви, правила, установленные на соборах духовенства, а также поучения канонизированных святых. В следующих главах этот список расширяется. Стоглавый собор нередко сравнивается с Тридентским. Это справедливо в том смысле, что целью обоих соборов было упрочение авторитета Церкви. Но существенное различие их в том, что отцов Тридентского собора заботило, прежде всего, сплочение Католической Церкви и организация противодействия протестантским ересям. Стоглав же стремился предупредить возникновение ересей за счет унификации обрядов и богослужебной практики, а также укрепления церковной дисциплины.

У Стоглавого собора была и другая задача — утвердить как совершившийся факт перемещение православного царства в Россию. В соответствии с этим он был задуман как весьма представительное собрание, созванное по примеру древних Вселенских Соборов самим царем для разрешения наболевших проблем Церкви и определения ее роли в новых исторических обстоятельствах. Неудивительно, что один из важнейших вопросов, поставленных Собором, касался отношения священства и царства.

Иван открыл Собор заявлением, что у Церкви и государства общая цель как у двух взаимосопряженных частей единого целого, предусматривающая их деятельность в нерасторжимом единении и согласии. Иными словами, им был провозглашен классический идеал симфонии: «Молю вас, святейшие отцы мои, аще обретох благодать пред вами, утвердите в мя любовь, яко и в приснаго вам сына, и не обленитесь изрещи слова ко благочестию единомысленно о православной нашей христианской вере и о благосостоянии святых Божиих Церквах, и о нашем благочестии во царствии, и о устроении всего православнаго христианства. Зело бо желаю и радуюся и согласую сослужебен быти с вами и вере поборник во славу Святыя и Животворящия и Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Тем же и всякому разногласию отныне далече быти [царь] повелевает, всякому же согласию и единомыслию содержатися у нас».

В речи Ивана излагается его собственное видение личности и служения царя. Но уже и здесь прослеживаются в зачаточной форме идеи и понятия, развившиеся затем в концепцию «волного самодержавства». Достаточно сказать, что он призвал всех участников Собора еще более укрепиться в вере и благочестии, присоединиться к его молитве о прощении всех их бесчисленных согрешений и беззаконий в надежде, что Бог «...обратит ны на истинный путь Свой и Его заповедей, от них же заблудихом душевне и телеснее». Повторно прозвучавшее здесь в еще более живой и эмоциональной форме раскаяние в собственных грехах подкреплено утверждением, что за беззакония царя и его подданных наказывается вся держава и что тяжкие пороки, в которых погрязли многие подданные, несовместимы с истинно христианской жизнью. Иван возвращается к грехам боярства и вельмож, обвиняя их на сей раз в нарушении богоустановленного порядка, что проявилось в непослушании предсмертной воле Василия III. Бояре устранили членов Семибоярщины — регентского совета из семи бояр, назначенного править за малолетнего Ивана, и добивались для себя неограниченной власти. Царь опять припомнил преступления Шуйских, пренебрегавших опекунскими обязанностями и потакавших его юношеским страстям и бесчиниям.

Все это, по собственному признанию царя, обратило его душу к покаянию, а взор - к Церкви: «От сего вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилихся, и познах своя согрешения. И прибегах ко святей соборней и апостольстей Церкви, и припадох к Божию великому человеколюбию и ко Пречистой Богородице и ко всем святым, и к твоему первосвятительству, и всем иже с тобою святителем с истинным

покаянием прося прощения, еже зле содеях. И аз своим князем и боляром по вашему благословиению, Богу помогающе нам, нача же вкупе устроить и управлять Богом порученное ми царство».

Царь просит иерархов и клириков молить Бога о прощении его согрешений, о милости к нему и всему царству, каковая милость должна быть явлена в «изобилии плодов земных» и победах над супостатами. Духовенству надлежит пасти свое стадо и самого царя: «Мене, сына своего, наказуйте и просвещайте на всяко благочестие, якоже лепо есть благочестивым царем быти во всяких царских праведных законех и во всяком благоверии и чистоте, братию же мою и всех князей, и боляр, и все православное христианство неленостно и тщательно утверждайте и вразумляйте, да непорочно сохранят истинный христианский закон. Прежде сами, пастырие и учителя утвердитесь и умножите от Бога данный вам талант да и мы, видяще ваша добрая дела и духовная наказания [назидания] и Божественное Писание внимающе просветимся и да получим великую милость zde и в будущем веце от Христа Бога».

Царь заверяет иерархов и духовенство в своей готовности содействовать восстановлению благочестия и призывает их, в свою очередь, исправлять свои прегрешения, ибо пренебрежение пастырскими обязанностями — по нерадению или страху — навлечет на них гнев Божий: «Аще ли аз вам буду супротивен, кроме божественных правил вашему согласию, вы о сем не умолкните воспретите ми без всякого страха, да жива будет душа моя и вси под властью нашу». После смерти Василия III старые предания и установления (в том числе «самодержавство») «поисхатались»: заповеди Божии пришли в забвение, а попечение о душах — в небрежение. Обращаясь к иерархам, Иван испрашивал у них «святительского совета» и изъявлял желание «советовати» обо всем, что касается восстановления благочестия и веры. Далее он предложил ряд вопросов, ответы на которые приняли форму соборных определений.

Собор утвердил концепцию, лежавшую в основе «Домостроя» и предполагавшую безусловное послушание всех христиан духовным наставникам, которые ответят за своих духовных чад на Страшном суде перед Самим Христом. То был ответ на обращение царя, открывшее соборные заседания. «Стоглав» подтвердил неприкосновенность церковных имуществ. Нормы, которые были положены в основу этого решения, восходили к тексту, широко известному в средние века как «Константинов дар», и подразумевали куда более широкие выводы. Применяя их к себе, Московское царство самоутверждалось в достоинстве законного наследника римских и византийских императоров, «первого» и «второго Рима». Превращение Московского княжества в царство - imperium - означало для московского духовенства, что церковное, как и имперское, предания христианской экумены (выступавшие нераздельно) обрели новый центр. Этот новый центр, «Третий Рим», должен был обладать теми же правами и привилегиями, что и оба «ветхих».

Но, поскольку с юридической стороны Церковь и государство оставались все же раздельны, вопросы о неприкосновенности церковных имуществ и неподсудности духовенства мирским властям сохраняли свою актуальность. Собор подтвердил, что грехи иерархов и клириков подлежат наказанию от Бога, ибо, согласно апостольским заповедям, «...когда в даннем ему чину да пребывает, и не преступит заповедей Господних. Не суть бо наша, но Божия». Белое духовенство и монашествующие не могут быть судимы мирским судом, ибо «...священническое начало и власть от Небеснаго Царя установлена бысть. Неправедно есть тамо владети земному царю или судити таковая сия вся якоже ради Божественнаго установления многаго и нашим Священным Писанием утверждена даже и до скончания мира сего».

По существу, Церковь оставалась независимо существующим организмом в теле государства. Это ясно ощущали отцы Собора, стремившиеся гармонизировать «автономию» Церкви включением в текст «Стоглава» шестой новеллы Юстиниана. Но «симфония» мирской и духовной властей действительна лишь при условии доброй воли обеих сторон или опоры во всенародном признании и, во всяком случае, там, где сферы влияния и роли представителей обеих властей четко разграничены законами, пользующимися всеобщим признанием и уважением. Последнего же условия явно недоставало. К тому же роль царя и его положение относительно Церкви оставались двусмысленными. Да, он был призван повиноваться своему духовному отцу и искать духовной помощи и совета иерархии, не отличаясь в этом смысле от своих подданных. Но Иван не усматривал никакого противоречия между идеалом симфонии и тем образом государя, какой складывался в его сознании на основании детских впечатлений, а позже под влиянием чина венчания на царство и самостоятельного чтения. Образ этот поддерживали и Макарий с Сильвестром, видевшие православного царя главой христианского мира, защитником истинной веры и Церкви, равно как и молитвенником, чье ходатайство перед Богом избавляет державу от супостатов. Но Иван и сам (несомненно, под влиянием Макария) полагал, что для его царского достоинства благосостояние Церкви важнее благосостояния государства. Так, подтверждая за митрополитами Московскими право на ношение белого клобука, он говорил: «Прияхом скипетры Российскаго царства, мы, Великий Государь, Царь и Великий князь Иван Васильевич всея Руси, в обдержание и во осмотрение всех благых благочестиваго Российскаго царства, такоже и во благосостояние святых церквей и святых монастырей и мест».

По своему божественному происхождению единодержавие его не уступало власти священноначалия и, подобно последней, имело конечной целью спасение всех подданных. Уже в «Стоглаве» встречается одна из излюбленных идей Ивана о том, что истинное «самодержавство» — Божие благословение для страны и спасение для подданных. Согласно той же идее, в годы его малолетства государство стало отходить от начал, установленных прежними государями: бояре изменили систему правления, некогда приведшую Московское княжество к славе и процветанию, и этим навлекли на страну гнев Божий. Целью его, Иванова, царствования станет возвращение к «золотому веку» Московского государства через восстановление истинного единодержавия. То было мечтой не одного Ивана. «Ты, государь, — грозный и мудрый, — писал Иван Пересветов, — на покаяние приведешь грешных и правду во царстве своем введешь». Издавна владевшая Грозным мысль о «волном самодержавстве» побуждала его искать и практические пути ее воплощения. Но пока что он вполне довольствовался интерпретацией, какую давали ей Макарий и Сильвестр. Личное влияние последних наряду с любовью и уважением, которые царь питал к Адашеву, Курбскому и другим членам Избранной рады, не давали ему до поры узреть противоречие между высочайшим и единственным в мире служением земного наместника Бога, имеющего к Нему «прямой доступ», и необходимостью подчиняться священноначалию, посредствующему между ним и Богом. Но в беспокойно-пытливом уме Ивана вскоре начали зарождаться вопросы.

Как бы то ни было, решения Стоглавого собора никогда не оспаривались ни Иваном, ни его оппонентами. Все недоумения и жаркие споры вокруг них связаны были лишь с попытками провести эти решения в жизнь.

Среди правил «Стоглава», касающихся церковного искусства, одни являются определениями по частным и конкретным вопросам иконографии (глава 41, вопросы 1 и 7), другие относятся к самым основам и принципам иконописания, а также к иконописцам.

Из двух частных вопросов, обсуждавшихся Собором, один (7-й, гл. 41) касается возможности изображать на иконах людей не святых, живых и мертвых. В качестве примера ставивший вопрос царь ссылается на икону «Приидите, людие, триипостасному Божеству поклонимся». Здесь «...в исподнем ряду пишут цари и князи и святители и народ, которые живы суще, також пишут и Пречистыя Богородицы образ в деянии их есть на Тифине. И о том рассудити от святых отец писаний, достоин ли писати живых и мертвых на святых иконах молящихся». Собор отвечает, что предания и писания «древних святых отец» и «пресловущих живописцев греческих и русских», так же как и сами иконы, свидетельствуют о таком обычае. Как известно, традиция изображать в церковных росписях и на иконах людей не святых там, где сюжет этого требует, восходит к первым временам христианства. Такого рода изображения, следовательно, не были новшеством, а обычным явлением в практике церковного искусства. Собор и перечисляет в качестве примера существовавшие в его время такие иконографические темы, как Воздвижение Креста, Покров, Происхождение Древ Креста, Страшный Суд. В последнем случае «...пишут не токмо святых, но и неверных многие и различные лики от всех язык». В эту эпоху изображения не святых людей как на иконах, так и в церковных росписях должны были получить особое распространение в связи с новыми темами и композициями, в частности, в житийных иконах. Равновесие нарушалось, и не святым отводилось в композиции слишком часто и слишком большое место. И естественно, что возникает вопрос правильности таких изображений.

Другой вопрос еще более важен. Относится он к иконографии Святой Троицы: «У Святой Троицы пишут перекрестье ови у среднего, а иные у всех трех. А в старых письмах и в греческих подписывают: Святая Троица, а перекрестья не пишут ни у единого. А иные подписывают у средняго: ІС ХС СВЯТАЯ ТРОИЦА. И о том ответ. Писати живописцем иконы с древних образцов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочии пресловущии живописцы, а подписывать СВЯТАЯ ТРОИЦА. А от своего замышления ничтож претворяти». Как видно из текста, речь здесь идет о традиционном православном изображении Троицы в виде трех Ангелов.

Некоторые исследователи, такие, как Д. Стефанович, почему-то считают, что ответ отцов Стоглавого собора на заданный им вопрос не отличается определенностью или что «...вопрос так и остался неразрешенным, так как отцы Собора смогли дать лишь общее указание о необходимости придерживаться старых образцов», в частности, иконы Андрея Рублева. На самом деле по смыслу вопроса ответ был дан очень определенно и точно и совсем не оставил в силе оба указанных варианта, то есть только с надписанием СВЯТАЯ ТРОИЦА или с дополнением крестчатых нимбов и надписи ІС ХС, как это понял Стефанович. Собор определил делать лишь одну надпись: СВЯТАЯ ТРОИЦА, не сопровождая ни надписью, ни перекрестьями ни одного из изображенных. Правда, Собор не дал богословского обоснования своему предписанию: он ограничился ссылкой на авторитет Андрея Рублева и древних образцов. Как и в других случаях, в этом сказалась слабость «Стоглава», имевшая для русской иконописи в дальнейшем печальные последствия.

Возвращаясь к поставленному вопросу, нужно сказать, что большинство из сохранившихся изображений Троицы не имеет ни крестчатых нимбов, ни выделяющей надписи. Однако как в греческой, так и в русской иконографии и до Рублева, и после него средний Ангел, который всегда понимался как указание на вторую Ипостась, иногда, на более поздних изображениях, выделялся крестчатым нимбом с буквами О ОН, надписью ІС ХС и свитком в руке вместо жезла. На иконе Андрея Рублева никакого выделения не было, как показывает ссылка на нее «Стоглава». В эпоху борьбы с ересью жидовствующих, отрицавших Божество Христово и православное учение о Святой Троице, крестчатым нимбом иногда наделялись все три Ангела. Более того, встречаются иконы, хотя и редко, где не только над средним, но

и над другими Ангелами помещается надпись IC XC. И то, и другое можно понять как желание подчеркнуть равночестность изображенных. Но и то, и другое является прямым искажением православного вероучения. Хотя выделение среднего Ангела имеет принципиальное основание во многих святоотеческих толкованиях, в применении к данному изображению надписание IC XC неверно, так как имя Богочеловека применяется к образу, который не является Его прямым и конкретным изображением. «Когда Слово стало плотью, — говорит преподобный Иоанн Дамаскин, — тогда Оно и было названо Иисусом Христом». Участие всех трех Лиц в деле искупления в силу единства воли Святой Троицы представляет одну из основных истин христианской веры, «...но то же единство Божественной природы и воли Богочеловека с Отцом и Духом Святым исключает всякое перенесение страданий, приемлемых Им по человеческой природе и воле, на общую волю и естество Святой Троицы. Не Святая Троица состраждет Сыну и не единосущное Отцу и Духу Божество Сына терпит страдания и смерть; но Ипостась Сына терпит крестную муку по человечеству, приемля ее человеческой волей, которая одна во Христе отлична от единой Божественной воли, общей со Отцом и Духом». Таким образом, всякое уточнение в виде надписания или крестчатого нимба представляет собою или просто несуразность (три Христа), или же ересь, осужденную Церковью: «Иже Божеству страсть прилагающи, зауститесь вси чуждемудреннии».

В непосредственной связи с иконографией Святой Троицы находится вопрос об изобразимости Божества в 43-й главе соборных постановлений: «Да и о том святителем великое попечение и брежение имети, комуждо по своей области, чтобы гораздыя иконники и их ученики писали с древних образцов, а от самомышления бы и своими догадками Божества не описывали. Христос бо Бог наш описан плотью, а Божеством не описан, якоже рече святыи Иоанн Дамаскин: не описуйте Божества, не лжите, слепии, просто бо, невидимо, незрительно есть. Плоти же образ вообразуя, поклоняюся и верую и славлю Рождшую Господа Деву».

Текст, как видим, не отличается ясностью. По прямому его значению он относится как будто к Божеству Христа. С начала спора об иконах только иконоборцы обвиняли православных в попытке изобразить Божество, то есть Божественную природу. Таким образом, из противопоставления описуемости плоти Христовой и неопишуемости Божества скорее всего можно понять, что здесь имеется в виду какое-то другое изображение Божества, помимо воплощенного Сына Божия. Действительно, известно, что во время «Стоглава» уже существовало три изображения Святой Троицы: традиционная ветхозаветная Троица, так называемое «Отечество» — образ Бога Отца с Сыном в лоне и Духом Святым в виде голубя, а также новозаветная Троица: Отец и Сын на престолах с голубем между Ними. Но вопрос о содержании этих последних иконографических тем на Соборе прямо не ставился. В неясности соборного суждения некоторые исследователи видят «замалчивание точной иконографии Троицы». Но, как мы видели, об иконографии ветхозаветной Троицы, по поводу которой был задан вопрос, ответ был ясным. «Замалчивание», таким образом, относится к сюжету, который Собор, по-видимому, затрудняется определить и который выпадает из основоположного для православного богословия евангельского историзма. Действительно, приведенный текст, а также наказ иконописцам в начале 43-й главы и предписание о ветхозаветной Троице в 41-й главе, позволяют полагать, что вопрос об изобразимости Божества относится именно к изображению Бога Отца, которое два года спустя вызовет страстные споры, продолжающиеся до сего дня. Нужно напомнить, что изображение Бога Отца как в росписях, так и в иконах («Отечество») во время «Стоглава» было, по-видимому, еще необычным. Кроме того, и это, пожалуй, главное, нужно учитывать, что само это изображение, как увидим в дальнейшем из разбора этой

иконографии, в течение долгого времени было двусмысленным, не отличалось ясностью и допускало различные толкования.

Что же касается изображения так называемой новозаветной Троицы, то первый известный пример его мы видим на четырехчастной иконе Благовещенского собора. Написана она была после пожара псковскими мастерами по заказу ближайшего сотрудника митрополита Макария, протопопа Сильвестра. Незамеченным это изображение остаться не могло, тем более что именно на сюжет, входящий в эту икону («Приидите, людие...»), ссылается царь в вопросе об изображении на иконах не святых людей.

Нужно полагать, что «замалчивание» Собором иконографии Святой Троицы помимо ветхозаветной имело свои причины. Прежде всего, возможно, что не было ясного представления об изображении Божества ни у отцов Собора, ни у самого митрополита Макария. Но тогда непонятно, почему вдруг через два года именно изображение Бога Отца Макарий будет упорно защищать против Висковатого. Возможно, конечно, что его позиция в этом вопросе эволюционировала. С другой стороны, по мнению некоторых ученых, между Собором и митрополитом не всегда существовало единомыслие. Возможно, что не было его и в этом вопросе. Напрашивается поэтому предположение: не оттого ли происходит неясность суждений, что Собор не решился ни принять позицию митрополита, ни открыто ему противоречить и ограничился лишь намеками? Кроме того, мог повлиять на суждения Собора также и текст 3-го слова «Послания иконописцу», где, в отличие от 2-го слова, явно проявляется неясность и смешение понятий в отношении пророческих видений и чувственных явлений Ветхого Завета. Во всяком случае, присущая этому тексту неясность могла внести неуверенность в аргументацию Собора, который явно избегает наименования изображения, как будто ему самому непонятно.

В той же 43-й главе соборных постановлений сосредоточены вопросы, касающиеся основ иконописи и самих иконописцев. Здесь принципиальная сторона как бы растворяется в положениях второстепенного характера: морали, надзора над иконописцами, взаимоотношений между мастерами и их учениками и т.д. Собор требует писать иконы по старым образцам, «...по образу, и по подобию, и по существу, смотря на образы древних живописцев и знаменовати с добрых образцов». Это требование повторяется неоднократно и по разным поводам. Новая икона должна передавать образец, то есть того или то, что изображается (быть по образу), черты сходства изображенного (быть по подобию) и, наконец, по существу, то есть быть православной иконой, соответствовать церковному Преданию, установленному Церковью иконописному канону. В искусствоведческой науке это требование следовать древним живописцам, а также предписания «от своего замышления ничтож претворяти» и «от самомышления и своими догадками Божества не описывать» обычно рассматриваются, как стремление Собора ограничить творческую инициативу художника, даже как требование точного копирования образцов. Более того, один из авторов пишет: «На Соборе 1551 г., называемом Стоглавым, было вынесено решение о введении лицевых иконописных подлинников — трафаретов для изображения отдельных святых и целых композиций», при помощи которых якобы «Церковь пыталась подчинить искусство определенным правилам и канонам». Действительно, после «Стоглава» в широкое употребление входят лицевые иконописные подлинники. Однако «...приноровленные к изложению Пролога или краткого собрания житий святых по месяцам сборники появились лишь в конце XVI века и никогда не были ни напечатаны, ни законодательным образом апробированы». Содержание этих подлинников вырабатывалось не церковной властью, а теми же художниками. Они представляют собою сборники рисунков, схематических образцов, так сказать, пособий или материалов, которыми пользовались в разное время иконописцы. Эти схемы не имеют отношения к

художественности произведения. Их роль чисто документальная и информационная. Непредубежденному лицу, знакомому с их содержанием, ясно их место в творческом процессе: они ничего не предписывают, а лишь дают образцы, то есть схематическую характеристику святого или события и этим облегчают работу художника, ограждая его от исторически неверного представления о том или ином лице и, в конечном счете, от искажения памяти и предания Церкви. К вопросу о соотношении между правилами и художественным творчеством мы вернемся в дальнейшем. Здесь же достаточно сказать, что ни подлинники, ни древние образцы, которым предлагается следовать, никак не могут ограничить творческой свободы художника. Требование следовать древним образцам является совершенно нормальным и соответствует основам церковного искусства. Оно всегда существовало в Церкви. «Живописцы списывают иконы не с дурных изображений, а с прекрасных и отмеченных древностью», — писал еще в IX веке преподобный Феодор Студит. «Знаменоваться с древних образцов» не значит буквально их повторять. Это требование, предъявляемое Собором художнику, не может вредить его творчеству, даже будучи выраженным в еще более категорической форме, как, например, в «Кормчей книге». Как известно, «Кормчей» Собор широко пользовался при обсуждении различных вопросов. По-видимому, пользовался он ею и в вопросе об иконописании и иконописцах. Во всяком случае, в «Кормчей» мы находим столь явное сходство с Собором, что нельзя не видеть здесь определенного влияния на него: «И был бы иконописец хитр о подобии древних переводов и первых мастеров, богомудрых мужей, а собою бы вново не прибавлял ни единыя оты, аще убо и зело и то мнится смыслити, а кроме святых отец предания не дерзати». Требование «не прибавлять ни единыя оты и соборное от самомышления ничтож претворяти» — по существу одно и то же. Не творчество ограничивается этим, а отступление от «святых отец предания», то есть от православного вероучения, даже если такое отступление кажется продиктованным большими знаниями художника. «Правилам и канонам» церковное искусство подчинялось (точнее, направлялось ими) на протяжении всего своего существования и, как это с достаточной наглядностью и очевидностью показывает само это искусство, нисколько от этого не страдало.

Помимо конкретных вопросов и принципов иконописания главные распоряжения «Стоглава» направлены на то, чтобы повысить качественный уровень иконописи и нравственный уровень иконописцев. Этим двум последним целям и посвящена вся самая обширная 43-я глава, вникающая порой в самые разнообразные подробности жизненных положений и отношений. Здесь Собор, в противоположность принципиальным вопросам, высказывается гораздо более конкретно и пространно.

Очевидно, в это время, особенно по городам и селам, удаленным от центров, очень усилилась деятельность ремесленников. «А которые по се время, — говорит Собор, — писали иконы не учась, самовольством и самоловкою и не по образу, ино тем запрещение положите, чтобы училися у добрых мастеров. И которому даст Бог учнет писати по образу и по подобию, и тот бы писал, а которому не даст Бог и им вконец от такового дела престати, да не Божие имя такового ради письма похуляется».

Исходя из общего положения, в котором церковное искусство оказалось в середине XVI века, «Стоглав» пытается подчинить его высшему церковному надзору. «Також архиепископом и епископом по всем градом и весем и по монастырем своих предел испытовати мастеров иконных и их писем самим смотрети. Сами архиепископы и епископы смотрят над теми живописцами, которым приказано [наблюдать за другими] и брегут такового дела накрепко». Собор устанавливает надзор не только над качеством иконописи, но и над нравственным поведением иконописцев, и епископам предписывается налагать

запрещение в писании икон на мастеров и их учеников, которые начнут «...жители не по правильному завещанию, в пьянстве и во всяком безчинстве».

В постановлениях «Стоглава», действительно, «...уже не видно отношения к труду живописцев как к умному деланию, которое было характерно для Послания». Не видно и того же понимания иконы, какое было у его автора. Последний обращается к людям, единомышленным с ним в духовной практике исихазма и, шире, ко всем тем, для кого они были примером, кто по ним равнялся. Собор же обращается к преобладающей в его время массе иконописцев и их учеников, давая им лишь известный минимальный кодекс нравственных жизненных правил и учреждая контроль над их исполнением и над производством икон. Как мы говорили, именно на Руси в предыдущий период нашло наиболее полное воплощение в жизни и в искусстве то, что было в центре византийского богословия, поэтому Россия богословствовала по преимуществу не словом, а образом, так сказать, экзистенциально. Теперь это практическое претворение богословия в жизни начинает ущемляться: то духовное устройство, которое было характерно для «Послания иконописцу» в восприятии и творчестве иконы, полностью отсутствует в суждениях Собора. Теоретически он предъявляет правильные требования — «следовать древним живописцам», то есть следовать преданию. Но это требование, лишенное своей жизненной основы (умного делания), превращается во внешние предписания и контроль.

Можно сказать, что «Стоглав» характеризуется не тем, что в нем есть, а тем, чего в нем нет, - своим отступлением от главного. Хотя на этом Соборе и обнаружилась по крайней мере теоретическая приверженность к требованиям, предъявляемым православной богословской мыслью к иконописи, его суждения, будь то по отдельным иконографическим темам или по вопросам принципиального характера (как творчество, мораль и т.д.), лишены основного — богословского обоснования. Если принципиально, с точки зрения церковной, ссылка на предания в виде существующих образцов «пресловущих иконописцев» является нормальной (ссылки на древность всегда имели большую силу авторитета), то понимание самого этого принципа и некритическое отношение к существующим образцам привели Собор вместо творчества в предании к пассивному консерватизму. С одной стороны, он проявил здоровое стремление к пресечению игры воображения («измышления», «самомышления», как он ее называет); с другой стороны, Собор или делал вид, что не замечает ее существования в целом ряде новых композиций, или действительно не замечал. Отсюда получилось противоречие между теоретическими решениями Собора и практическим его отношением к существующим иконам. Целый ряд композиций, написанных в это время и находившихся перед глазами Собора, представляет собой, как увидим, фантазии русских мастеров, основанные не только на византийских образцах, но и на прямых заимствованиях из римо-католичества. Собор пассивно принял те отступления от православного вероучения, которые он по своему заданию должен был исправить, и тем самым дал возможность продолжать эти отступления, то есть как раз закрепил «поисшатавшиеся обычаи».

Стоглавый собор проявил себя характерным выразителем переходной эпохи и потому имел большие последствия для дальнейших путей церковного искусства (не только русского, но и вообще православного): именно в нем отразилась богословская беспомощность эпохи, замена критерия подлинности консерватизмом и живого творческого предания внешними правилами.

Можно сделать вывод, что Собор 1551 г. действительно достиг своей универсальной цели: он подверг пересмотру все стороны русской церковной жизни, чтобы очистить ее по возможности от всех недостатков. Он составил ряд исправительных предписаний относительно епархиального управления, епархиального суда, жизни высшего и низшего

духовенства, монашествующих и мирян. Конечно, не все постановления Собора были удачны, но очень многие были бы подлинно благотворны, если бы были действительно проведены на практике. К сожалению, историки констатируют тот печальный факт, что этого на самом деле не случилось, что застарелые недуги церковной жизни остались в прежнем своем виде. Хотя в предисловии к Соборному уложению и сказано, что по зову царя русские епископы охотно и быстро стеклись на этот Собор, «как небопарные орлы», но, видимо, эта поспешность была чисто внешняя, а подлинного желания исправить Русскую Церковь, начиная с самих себя, у них не было.

Обнажив разноречие и «бесчинства» в церковных службах, Собор — ни в коей мере не будучи реформаторским, но, напротив, охранительным — тем не менее, усилил тягу к религиозному просвещению. Однако «Стоглав», по большому счету, так и остался именно обзором обычаев и рекомендаций, а не сведенным воедино кодексом законов (его сохранившиеся списки, хотя и многочисленные, содержат массу внутренних структурных разноречий). Ссылки же на его решения (в особенности о каноничности двуперстного крестного знамения и «сугубой», т.е. двойной аллилуйи в соборных молитвах) как на церковные законы впоследствии способствовали расколу. В любом случае его тексты остаются ценнейшим источником сведений о церковной и светской истории русского государства XVI в.

Резкость и некорректность проведения реформ вызвала недовольство среди значительной части духовенства и мирян, что привело к расколу церкви на новообрядцев (принявших реформы Никона) и старообрядцев (не принявших реформы). На Большом Московском церковном соборе 1667 г. положения Стоглавого собора были признаны написанными «неразсудно, простотою и невежеством»; сама подлинность «Стоглава» была подвергнута сомнению. До половины XIX века в литературе господствовало мнение о «Стоглаве» как о не подлинном Соборном уложении 1551 года. Митрополит Платон (1829 г.), не сомневаясь в факте созыва Собора 1551 года, усомнился, однако, в том, что положения «Стоглава» были утверждены на этом Соборе. Такая точка зрения объяснялась нежеланием признать подлинными решения официального органа, которые Русская Церковь впоследствии нашла ошибочными и которыми руководствовались «раскольники». В дальнейшем историками «Стоглав» рассматривался как уникальный памятник русского права XVI века, дающий представление об образе жизни общества того времени. К началу XX века было известно не менее 100 списков рукописного «Стоглава».

«Стоглав», по нашему мнению, является многоплановым памятником права, он регулировал жизнь не только церковных людей, но и мирян. В частности, регулирование брачно-семейных отношений целиком осуществлялось церковным правом. В «Стоглаве» представлены яркие картины из жизни русского народа, его обычаи, уходящие корнями в языческую эпоху. Борьба с волхвами, чародеями, лжепророками отражается только в памятниках церковного права, составляющих значительную часть правовой системы русского государства. Без «Стоглава» представление об образе жизни русских людей XVI в. было бы неполным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляев И.В. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. М., 1858. Ч.4. С. 21-30.
2. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
3. Жданов И.Н. Сочинения. Спб., 1904. Т. 1.
4. Карташов А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1983. Т. 1

5. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1990.
6. Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав. СПб., 1909.
7. Черепнин Л.В. Земские Соборы русского государства в XVI – XVII вв. М., 1978.
8. Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. Исследования социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.
9. Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.

КАТЕХЕТИКА И МИССИОЛОГИЯ

Иерей Игорь Морозов

Проректор по лицензированию и аккредитации Новосибирской православной духовной семинарии, старший преподаватель кафедры церковного богословия.

БИБЛЕЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ МИССИИ И МОЛОДЕЖНОЕ СЛУЖЕНИЕ

Аннотация. Данная статья посвящена становящейся с каждым днем все более актуальной теме богословского понимания миссии. Помимо очевидных положений в миссионерской концепции Русской Православной Церкви, существует также проблема миссии в молодежной среде. Она связана с молодежным служением в Церкви, которое требует особых подходов. Статья представляет собой попытку осмысления феномена библейского понимания миссии и молодежного служения.

Ключевые слова: миссия Церкви, миссиология, молодежное служение.

Igor Morozov, Priest

Vice-Rector for Development and Accreditation of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, professor of missiology.

BIBLICAL UNDERSTANDING OF MISSION AND YOUTH MINISTRY

Abstract. This article is devoted to the topic of the theological understanding of the mission, which is becoming more and more relevant every day. In addition to the obvious provisions in the missionary concept of the Russian Orthodox Church, there is also the problem of mission in the youth environment. It is connected with youth ministry in the Church, which requires special approaches. The article is an attempt to comprehend the phenomenon of the biblical understanding of the mission and youth ministry.

Keywords: mission of the Church, missiology, youth ministry.

Все принципы православной миссионерской деятельности основываются и выводятся из Священного Писания, как самого авторитетного источника вероучения Православной Церкви. Они или даны непосредственно Господом Иисусом Христом, или же выработаны апостолами в процессе проповеднического служения.

Наставления Спасителя ученикам при послании их на проповедь (до Воскресения Его из мертвых) изложены в Мф. 10 гл. и Лк. 10 гл. Основные темы наставлений: «Проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное» (Мф. 10:7; Ср.: Лк. 10:9); «Я посылаю вас, как овец среди волков: и так будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16; Ср.: Лк. 10:3); «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф. 10:27-28); «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается» (Лк. 10:16; Ср.: Мф. 10:40).

После Своего Воскресения Господь делает следующие повеления апостолам, благословляя их на проповедь: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Ду-

ха, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:19-20); «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16:15-18); «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:8).

Разница между этими наставлениями лишь в том, что до Своего Воскресения Христос заповедует апостолам проповедовать в мире о наступлении Царства Небесного, а после Воскресения из мертвых Спаситель повелевает ученикам принимать людей в Свое Царство посредством крещения.

Принципы миссионерской деятельности, применяемые апостолами, изложены в книге «Деяния святых апостолов», а также в соборных и пастырских посланиях (преимущественно апостола Павла) [1].

В Ветхом Завете прообразом миссионера и миссионерского делания были пророки и их пророчества. Пламенные речи пророков возвещали пророческое слово от лица Самого Бога и были обращены ко всему народу.

В Новом Завете — апостолы. Сама природа Церкви Христовой апостольская. Преподобный Макарий (Глухарев) так писал об этом: «Созерцая подобный небесам образ первой Церкви Христовой, начертанный в книге Деяний Апостольских, мы видим, что она вся была Апостольской, что дружина действователей не ограничивалась ни числом двенадцати, ни числом семидесяти Апостолов, но возрастала с удивительною быстротою; что все верные или действовали непосредственно как Апостолы, или содействовали и помогали Апостолам (...), что все принимали живейшее участие в деле Иисуса Христа, которое было своим для каждого (...) Но как Господь Иисус Христос во веки Един и Той же и обещался не разлучаться со Своими до скончания века, то первая Церковь Его есть образец, которому Христианская Церковь должна подражать во всяком веке. И хотя внешние выражения, в которых открывается дух Евангелия, могут принимать изменения, но самый дух истинной Церкви Христовой всегда один и тот же — любовь к Богу и к человекам во Христе Иисусе. Чем избильнее и явственнее сей дух чистой любви Божией в Христианской Церкви, тем более жизни и света Христова в сей Церкви. А чем более жизни и света Христова в Церкви, тем в ней более ревности, усердия и способности к распространению благодатного Царства Божия на земле, тем в ней имя Церкви Апостольской плодоноснее» [2].

Молодежь, будучи активным субъектом исторического процесса, нашла свое отражение и на страницах Священного Писания. Основные ситуации, в которых упоминаются молодые люди, связаны, в первую очередь, с возрастными особенностями этой социальной группы: отсутствием знаний, жизненного опыта, высокой активностью и мобильностью.

Эти особенности определяют и формы взаимодействия с молодежью.

Ученичество или обучение. «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится» (Прит. 22:6). Задача старшего поколения (отцов) передать свои знания и накопленный опыт поколению, идущему ему на смену. «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6:4). В этом суть традиционного общества.

В Ветхом Завете выделяется целая группа учительных книг. Среди них Екклесиаст и Притчи, можно рассматривать как назидательное обращение, прежде всего, к молодым людям.

Духовное окормление. Кроме приобретения знаний молодежь особенно нуждается в духовном окормлении или наставничестве. В Священном Писании много примеров такого наставничества. В Ветхом Завете это Моисей и Иисус Навин (Числ. 11:28), пророк Илия и Елисей, а в Новом Завете — Павел и Тимофей и т.д.

Помощь старшим наставникам в их служении. Часто процесс обучения проходил в практической форме, когда ученик выступал в роли помощника своего учителя, наставника. На страницах Священного Писания мы можем встретить много таких примеров.

Молодой человек помогает пророку Илие в его служении (3 Цар. 18:43-44), погребение Анании и Сапфиры (Деян. 5:6,10), и конечно, помощь апостолу Павлу со стороны Тимофея и Тита.

Самостоятельное служение. Но готова ли молодежь к самостоятельному ответственному служению? Да, готова! Ведь мудрость находится в зависимости не от возраста, а от обитающего в человеке «духа и дыхания Вседержителя» (Быт. 1:7), она — принадлежность человека вообще как разумного существа, но не одних стариков (ср. Пс. СХVIII:100; Дан. 11:21). Прекрасный пример этому — речь младшего из друзей многострадального Иова. «И отвечал Елиуй, сын Варахиила, вузитянин, и сказал: «Я молод летами, а вы — старцы; поэтому я робел и боялся объявлять вам мое мнение. Я говорил сам себе: пусть говорят дни, и многолетие поучает мудрости. Но дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение. Не многолетние [только] мудры, и не старики разумеют правду» (Иов. 32:6-9).

Библия дает нам целую галерею молодых людей — лидеров, оказавшихся на высоте своего служения: юный Давид, Иоанн Марк, Тимофей и т.д.

«Никто да не пренебрегает юностью твоею, — пишет святой апостол Павел, — но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4:12). На плечах молодых лежит немалая доля ответственности за служение Церкви, ее настоящее и будущее. Сейчас, когда традиционное общество ушло в прошлое, разрушен институт семьи, утрачен механизм передачи духовной традиции новым поколениям, особую актуальность приобретает библейский подход в отношении к молодежи.

Выделенные нами условно из Священного Писания формы работы с молодежью можно привести к общему знаменателю. Им выступает личность учителя-наставника. В массовом порядке эту функцию выполняет отец, в исключительных случаях — духовный наставник. Их авторитет непререкаем.

Если это экстраполировать на современное миссионерское служение в молодежной среде, сразу становится понятна особая роль руководителя, наставника, лидера молодежного движения. Молодежь, особенно подростки, очень склонны к подражанию, копированию поведения старших товарищей или неформальных лидеров. Отсюда вытекают высочайшие требования к духовно-нравственному облику всех без исключения, работающих с молодежью. «Все люди, и особенно молодёжь, удивительно чутки ко всякой фальши. Если священник говорит о Христе, а сам думает о деньгах, о комфорте, об удовольствиях, то эту ложь... сразу чувствуют, и это обесценивает все остальные труды, предпринятые ради Церкви» [3].

Молодежное движение всегда должен возглавлять, духовно окормлять или курировать взрослый, духовно зрелый человек, имеющий жизненный опыт и житейскую мудрость. Это не исключает одновременного наличия молодых руководителей и лидеров.

Священнослужители не должны пренебрегать молодежью. «Ключевая роль здесь принадлежит приходскому священнику, который должен быть очень внимателен к своей пастве, одновременно преодолевая в себе инерцию снисходительного патернализма по отноше-

нию к окормляемым им молодым людям: приходят юноша или девушка в храм, молятся, причащаются - ну и славно, хорошие ребята. А ведь их тяга к духовной жизни свидетельствует о том, что в каком-то смысле эти юноши и девушки люди незаурядные. На них следует обратить пристальное внимание, их нужно поддержать, к ним нужно проявить заботу. И подумать о том, как способствовать тому, чтобы их религиозный талант - а это именно религиозный талант - не только преобразил их собственную жизнь, но и послужил на благо Церкви Божией» [4].

Следуя библейской традиции, молодежная миссия должна начинаться в семье. Но в настоящее время семья переживает глубокий кризис. Глубокое духовно-нравственное оскудение привело к ослаблению традиционных семейных связей. Развитие цивилизации освободило участников семьи от необходимости жесткой интеграции для поддержания физического существования. Семейный союз превратился в поле брани между супругами, родителями и детьми [5].

Надо быть реалистом и понимать, что вернуть традиционный уклад жизни, патриархальную семью в наше время невозможно. Но вернуть веру в Спасителя и Бога нашего Иисуса Христа семье возможно. Для этого необходимо, чтобы миссионерская работа с подростками и молодежью обязательно включала в себя и работу с их родителями, семьями. Православный приход должен стать тем объединяющим началом, который соберет под своим кровом автономные индивидуальные личности и превратит их в соборное целое — православную общину.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миссиология. Учебное пособие. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. С. 14-15.
2. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской Миссии / под ред. К.В. Харламповича. Казань, 1905. С.162 – 163.
3. Святейший Патриарх Алексий II. Обращение к духовенству г. Москвы 15 декабря 2004 г. // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/20309.html>
4. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на Съезде православной молодежи в мае 2001 года [Электронный источник]. URL: <http://www.zavet.ru/publ/kiriloo1.htm>
5. Концепция молодежного служения Русской Православной Церкви (утвержден на заседании Священного Синода 24 марта 2022 года (журнал № 19)) // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5911694.html>

Иерей Дионисий (Денис) Васильев

старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕРКОВНОГО ОТНОШЕНИЯ К НАУЧНОМУ ЗНАНИЮ: ОТ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО И ТЕРТУЛЛИАНА К СВЯТЫМ ОТЦАМ IV-V ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ КНИГИ БЫТИЯ)

Аннотация. Свв. Отцы IV-V вв. по Р.Х., создавшие комментарии на первую главу Книги Бытия, критически подходят к античному натурфилософскому наследию по причине наличия в нём духовно опасных воззрений — пантеизма и атеизма. Объектом святоотеческой критики становятся отрицание разумного творческого и телеологического начала в природе, постулирование вечности материи, которая признаётся за источник всего сущего, и нетеистические воззрения на творческие силы вселенной.

Вместе с тем, в своей критике Свв. Отцы не доходят до безусловного отрицания античного наследия. Указывая на духовно опасные элементы античной натурфилософии, они не отвергают ни научный поиск как таковой, ни его достижения, попутно формулируя правила «демаркации» между наукой и религией.

Ключевые слова: Книга Бытия, Святые Отцы, пантеизм, атеизм, натурфилософия, наука и религия.

Dionysios (Denis) Viktorovich Vasilyev, Priest

chief lecturer of Humanitarian sciences' department of Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

THE EVOLUTION OF THE CHURCH'S APPROACH TOWARDS THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE: FROM CLEMENT OF ALEXANDRIA AND TERTULLIAN TO THE HOLY FATHERS OF IV-V CENTURIES AD (BASED ON COMMENTS ON THE FIRST CHAPTER OF THE BOOK OF GENESIS)

Abstract. The Holy Fathers of IV-V centuries AD, who commented on the first chapter of the book of Genesis, demonstrate critical approach towards the ancient heritage of natural philosophy due to the presence of dangerous spiritual elements within, namely pantheism and atheism. The Holy Fathers polemicize against negation of intelligent creative and teleological

principle of the nature, postulation of the eternity of matter, conceived as the origin of reality, and non-theistic views on the creative powers of the universe.

Nevertheless, the Fathers' criticism never succumbs to total and indiscriminate rejection of the ancient legacy. Pointing at spiritually dangerous elements of the ancient natural philosophy, they, however, deny neither the scientific research itself, nor its results, simultaneously formulating the rules of "demarcation" between science and religion.

Keywords: the Book of Genesis, Holy Fathers, pantheism, atheism, natural philosophy, science and religion.

Отношение Свв. Отцов к античному философскому наследию характеризуется высоким уровнем критичности. Учителя Церкви IV — VIII вв. (в нашей статье рассмотрены высказывания свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, блж. Августина Иппонского) ищут в писаниях древних натурфилософов — приверженцев стихийного материализма и античного атомизма — аспекты, несовместимые с православием, и прямо указывают на них. Речь идёт об отрицании разумного творческого и телеологического начала в природе, постулировании вечности материи, которая признаётся за источник всего сущего, и нетеистических воззрениях на творческие силы вселенной, приводящих к мировоззренческим выводам пантеистического или атеистического характера. Разбору святоотеческой критики натурфилософских концепций нами были посвящены отдельные статьи (см. [3] и [4]).

Принципиальное отношение Свв. Отцов к заблуждениям древности интересно, поскольку демонстрирует эволюцию церковного отношения к античному наследию: полемика (вплоть до отрицания) с языческими мудрецами не всегда была актуальна для Церкви. Пожалуй, лучшим примером «примирительного» периода является александрийский пресвитер Климент — видный апологет III века по Рождестве Христовом, ректор александрийской огласительной школы, автор трилогии «Увещание к эллинам» (Προτρεπτικὸς πρὸς Ἑλληνας), «Педагог» (Παιδαγωγός), «Строматы» (Στρωματεῖς — «Узорчатые ковры») [9]. По мнению протопресвитера И. Мейендорфа, «... Климент принадлежит к типу апологета, но более философски и творчески настроенного, чем авторы кратких апологий, адресованных римским императорам» [7, с. 64]. Решая актуальную для своего времени задачу — «...сделать христианство понятным и доступным современному эллинистическому миру, "проложить мосты" между христианской верой и греческой философией...» [Там же], — Климент Александрийский доказывал, что языческие учения частично содержали в себе христианские истины и что «между философией и Евангелием нет полной противоположности — обе стремятся к достижению высшей Истины» [Там же]: «Философия нужна была грекам ради праведности, до прихода Господа, и даже сейчас она полезна для развития истинной религии, как подготовительная дисциплина для тех, кто приходит к вере посредством наглядной демонстрации... Ибо Бог — источник всякого добра: либо непосредственно, как в Ветхом и Новом Заветах, либо косвенно, как в случае философии. Но возможно даже, что философия была дана грекам непосредственно, ибо она была «детоводителем» (Гал. 3,24) эллинизма ко Христу — тем же, чем и Закон был для евреев. Таким образом, философия была приготовлением, проложившим человеку путь к совершенству во Христе («Строматы», 1,5)». Иными словами, Климент Александрийский находит и подчёркивает у античных философов те моменты их учений, которые свидетельствуют об их теистических тенденциях. Апологет не был одинок в своём убеждении: на древних афонских фресках Платон и Аристотель соседствуют с ветхозаветными праведниками [Там же].

Совершенно иначе относятся к античному философскому наследию Свв. Отцы. Прежде всего, они постулируют превосходство религиозного благочестия над естественнонаучным поиском и неподсудность религиозной жизни научным воззрениям.

Блж. Августин утверждает суверенность Священного Писания по отношению к светским наукам по причине разницы в их предназначении — Библия предназначена для спасения души, науки — для удовлетворения житейских потребностей: «Но раз слова Писания, о которых мы говорим, изъясняются с столь многих сторон, пусть же умерят себя те, которые, надмеваясь светскими науками, на эти слова, предназначенные для всех благочестивых сердец, смотрят как на нечто неискusstное и грубое, — которые, не имея перьев, пресмыкаются по земле и, обладая полетом лягушек, смеются над гнездами птиц» [1, с. 152]. Священное Писание опускает естественнонаучные подробности, ненужные для спасения души: «Многие входят в длинные рассуждения о подобных предметах, которые нашими авторами с гораздо большим благоразумием опущены, как бесполезные для блаженной жизни и, — что еще хуже, — теряют при этом драгоценное время, которое должно быть посвящено спасительным предметам» [1, с. 158]. «...Авторы наши имели правильное познание о фигуре неба, но Духу Божию, который говорил чрез них, не угодно было, чтобы они учили людей о подобных, бесполезных для спасения, предметах» [1, с. 158]. Отсутствие в Священном Писании детальных сведений о физическом мироустройстве не унижает священные книги: их предмет и назначение в другом — в спасении душ: «Еще опаснее заблуждаются некоторые нетвердые наши братья, которые, слыша, как эти нечестивцы тонко и пространно толкуют о числе небесных тел и о каких угодно вопросах, касающихся элементов видимого Мира, превращаются в нуль и, предпочитая их со вздохом себе и находя великими, брезгливо обращаются к писаниям спасительнейшего благочестия, и едва-едва касаются того, чем должны бы были питаться со сладостью, гнушаясь жесткости хлебного колоса (*segetis*) и вождедея цветов шиповника» [1, с. 152]. Излишнее углубление в вопросы мироустройства вредно для спасения по причине непроизводительной с духовной точки зрения траты времени: «На это я отвечу, что для правильного понимания, так ли все это, или не так, <речь идёт о вращении небосвода — иер. Д.В.> произведено множество исследований людьми трудолюбивыми и с тонким умом; входить в рассмотрение подобных вопросов у меня теперь нет времени, да не должно его быть и у тех, которых мы хотим наставить в видах собственного их спасения и потребной пользы нашей святой церкви» [1, с. 159]. «Но пусть говорят о небе, что хотят, отчуждившиеся от Отца, иже есть на небесах, — нам пускаться в утонченные исследования о расстояниях и величине звёзд и тратить на подобные изыскания время, необходимое на более важные и лучшие предметы, и бесполезно и непристойно» [1, с. 163].

Блж. Августин делает важнейшее с точки зрения православной гносеологии утверждение: какова бы ни была природа физического мира, её устройство не опровергает факт Божественного творения: «Я, со своей стороны, стою на середине, не утверждая ни того, ни другого, и прямо говорю, что в начальной ли фазе, или же полною сотворена Богом луна, она сотворена Им совершенною, Бог есть творец и зиждитель природ» [1, с. 162].

Те же мотивы наблюдаем у свт. Василия Великого. Рассуждать о физической природе мира — не дело Церкви: она должна радеть о спасении душ пасомых: «Исследование о сущности каждого существа, или подпадающего нашему умозрению, или подлежащего нашим чувствам, введет в толкование самые длинные и многосложные рассуждения, и при рассмотрении этой задачи нужно будет потратить более слов, нежели сколько можно сказать о каждом из прочих вопросов. Сверх того ни мало не послужит к назиданию Церкви — останавливаться на таком предмете» [2, с. 15]. Святой предельно ясно формулирует назначение картины мира, представленной в Священном Писании — спасение человеческих душ: «Не

паче ли прославлю Того, Кто не затруднил ума нашего предметами пустыми, но устроил так, чтобы все было написано в назидание и усовершенние душ наших?» [2, с. 135]. Вообще Церкви не подобает вмешиваться в естественнонаучные споры: «И если мы предпримем теперь говорить о таких предположениях, то сами впадем в такое же пустословие, как и их изобретатели» [2, с. 20]. Явления, не объяснимые с точки зрения науки, могут быть предметом веры: «А если и не открыт <способ — иер. Д.В.>, то простота веры да будет крепче доказательств от ума» [2, с. 19]. Церковные воззрения на мир, хотя и не предназначены для объяснения природных феноменов и не включают их количественных характеристик, не менее важны, чем естественнонаучные: «И поскольку писавшие о мире много рассуждали о фигуре земли, что она такое, шар ли, или цилиндр, или походит на кружок, со всех сторон одинаково обточенный, или на лоток, имеющий в середине впадину (ибо ко всем сим предположениям прибегали писавшие о мире, и каждый из них опровергал предположение другого), то не соглашусь еще признать наше повествование о миротворении стоящим меньшего уважения потому единственно, что раб Божий Моисей не рассуждал о фигурах, не сказал, что окружность земли имеет сто восемьдесят тысяч стадий, не вымерил, на сколько простирается в воздухе земная тень, когда солнце идет под землю, и как тень сия, падая на луну, производит затмения. Если умолчал он о не касающемся до нас, как о бесполезном, то неужели за сие словеса Духа почту маловажнее объюродевшей мудрости?» [2, с. 135].

Далее, отвергая нетеистические взгляды на мир, Святые Отцы постулируют целесообразность творения. Свт. Василий Великий подчёркивает, что в основе мироздания лежит принцип разумности и добра: «В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а удалять от себя вредное» [2, с. 113]. Свт. Григорий Нисский также указывает, что мир сотворён премудрым и всесильным Творцом: «Но на каждый вопрос о веществе решение у нас одно — не предполагать, будто бы премудрость Божия не могущественна, и могущество не премудро; а напротив того держаться той мысли, что одно с другим неразрывно, что то и другое оказывается одним и тем же, так что совокупно и вместе с одним усматривается и другое. Ибо премудрая воля Божия явлена могуществом в совершаемом, а действительное могущество Божие довершено премудрою волею» [5].

Полное постижение сущности Бога и Его Промысла, воплощённого в бытии, по словам Отцов, невозможно. Свт. Василий Великий говорит, что разум человека перед лицом Бога подобен младенческому, почему полное познание бытия для нас бесполезно: «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование, как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом» [2, с. 10]. Сам Бог принципиально иноприроден человеку и миру; человеческие критерии к Нему не применимы. «Он — то, что ускользает от восприятия твоего разума; Он не ограничен величиной, не имеет (досл.: не охвачен) внешних очертаний, не соразмерен никакой силе, не связан временем, не заключен ни в какие границы. К Богу не приложимо то, что приложимо к нам» [2, с. 154].

Свт. Григорий Нисский отмечает, что человек способен увидеть только результат Божественного творчества; способ творения нам недоступен: «Ибо подлинно единому Богу свойственно было видеть, что свет будет таким добром; нищета же нашего естества смотрит только на то, что совершилось, а закона, по которому совершается это, ни увидеть, ни похвалить не в состоянии; потому что похвала воздается тому, что познано, а не тому, что не известно» [5]. Вообще, неспособность человека полностью постичь Божественную премудрость естественна: «Если же затруднится сим дебелисть нашего ума, будучи не в состоянии проникнуть в тонкость Божией премудрости: то никто да не дивится тому, взирая на бед-

ность нашего естества, для которого вожделенно не то, чтобы ни в чем не погрешать, но чтобы в состоянии быть постигнуть хотя что-либо одно» [5].

Со святыми Василием и Григорием согласен свт. Иоанн Златоуст. Разумность и телеологичность творения не должны отвергаться на основании невозможности постижения их разумом: «И то самое, что мы не в состоянии постигнуть и понять цель всего сотворенного, пусть будет для нас не основанием неверия, но побуждением к славословию» [6, с. 56]. Неспособность постичь премудрость Творца разумом должна быть поводом не к хуле и неверию, а к прославлению Его: «Когда разум твой окажется бессильным и ум не будет в состоянии понять, тогда заключай о величии твоего Господа из того самого, что могущество Его таково, что мы не знаем с точностью даже цели созданного Им» [6, с. 56].

Время апологетической «икономии» II — III вв. по Рождестве Христовом, когда учителя Церкви, собирая «с востока и запада» (Мф. 8,11) стадо Христово, искали опоры в культурном наследии античности, подошло к концу. На смену поиску общих у античной философии с православием элементов приходит нарочитая демонстрация различий между ними. Философия как второй «детоводитель ко Христу» исчерпала себя. Начиная с IV в. (периода массовой катехизации после прекращения гонений при равноап. Константине Великом) Церковь Божия вступала в трудную и славную эпоху борьбы за Божественное учение с внешними и внутренними врагами — эпоху Вселенских Соборов.

Вместе с тем, важно отметить, что в своей критике Свв. Отцы не доходят до безусловного отрицания античного наследия. А ведь такая тенденция также имела место в раннехристианской апологетике. Одним из виднейших её представителей был современник Климента Александрийского Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155 или 165 — 220 или 240 гг. до Рождества Христова). Ригористичный «реакционер в отношении человеческого разума» [8, с. 170], чуждый понятия «христианского гнозиса», Тертуллиан был, по мнению протопресв. Киприана (Керна), полной противоположностью Климента. По мнению Тертуллиана, наиболее полно выраженном в труде «Прескрипция против еретиков» («De praescriptione haereticorum»), философия является причиной возникновения ересей, а значит, источником зла [8, с. 179]. Характерны два высказывания Тертуллиана. Первое: «Мы не нуждаемся ни в любопытстве после Иисуса Христа, ни в изысканиях после Евангелия» [8, с. 179]. Второе: «Что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами?» Очевидно, что для данного мыслителя вера и знание, христианство и античность находятся в непримиримой вражде. Нелишним, по нашему мнению, будет напомнить печальный результат, к которому привела излишняя ригористичность Тертуллиана: «Его прямолинейный и решительный нрав не могли его удержать на линии умеренности и сдержанного отношения к людским слабостям. Ригоризм и суровость увлекли его в течение монтанизма. В начале III века он порывает с Церковью» [8, с. 179].

По поводу приведённых выше высказываний Тертуллиана о Киприане (Керне) пишет: «Так намечается один из путей христианского сознания, приводящий в конечном итоге к своеобразному христианскому духовному нигилизму» [8, с. 179]. По счастью, Свв. Отцы избежали этой опасности: критикуя духовно опасные элементы античной натурфилософии, они не отвергают ни научный поиск как таковой, ни его достижения.

Так, Отцы утверждают недопустимость принуждения к принятию религиозной картины мира. Например, блж. Августин указывает, что человека, не желающего видеть связи земного миропорядка с небесным, нельзя принуждать к такому видению: «Если же кто-нибудь этих названий <меры, числа и веса — иер. Д.В.>, которыми привык обозначать низменные предметы, не хочет относить к высшим предметам, для созерцания которых старается очистить свой ум, в таком случае не следует заставлять его это и делать» [1, с. 179].

Более краток и категоричен свт. Иоанн Златоуст: «Но он не верит Писанию? Так отворотись от него, как от неистоваго и безумнаго [6, с. 11]», — убеждение человека, отрицающего авторитет Священного Писания, нецелесообразно.

Крайне важна выводимая Отцами недопустимость использования Священного Писания, авторитета Бога и Церкви в естественнонаучных спорах. Блж. Августин указывает на недопустимость произвольных космологических построений со ссылкой на Священное Писание: «Между тем крайне позорно, даже губительно и в высшей степени опасно, что какой-нибудь неверный едва-едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах <“о земле, небе и остальных элементах видимого мира, о движении и обращении, даже величине и расстояниях звезд, об известных затмениях солнца и луны, круговращении годов и времен, о природе животных, растений, камней и тому подобном” — иер. Д.В.> яко бы на основании христианских писаний, несет такой вздор, что, как говорится, блуждает глазами по всему небу» [1, с. 152]. Ссылки на Бога и Его чудеса не должны использоваться в научных спорах: «И никто не должен в опровержение их <исследователей, ссылающихся на объективно существующие свойства воды — иер. Д.В.> говорить так, что по действию всемогущества Божия, для которого все возможно, даже и такие тяжелые воды, какими мы их знаем и ощущаем, могли разливаться выше того небесного тела, на котором находятся звёзды» [1, с. 153]. Использование Библии для опровержения доводов естествоиспытателей недопустимо, ибо ведёт к падению авторитета учения Церкви и насмешкам над Священным Писанием: «Считаем нужным здесь снова предостеречь против того заблуждения, против которого мы предостерегали в первой книге, чтобы кто-нибудь из наших, в виду слов псалма: Основа землю на водах (Пс. СXXXIV, 6), не вздумал ссылаться на это свидетельство Писаний в опровержение людей, столь тонко рассуждающих о тяжести элементов, потому что не сдерживаемые авторитетом наших Писаний и не зная, в каком смысле сказаны слова псалма, они скорее станут смеяться над свящ. книгами, чем отвергнуть то, что или восприняли на несомненных основаниях, или исследовали путем очевиднейших опытов» [1, с. 154].

Святые Отцы объясняют безразличие Библии к естественнонаучным подробностям принципом соответствия между подаваемым материалом и уровнем подготовки слушателей. Так, свт. Василий Великий указывает, что «антропоморфные» черты Бога в Священном Писании — дань удобству восприятия неподготовленными слушателями: «Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле» [1, с. 33]. Свт. Иоанн Златоуст также подчёркивает, что библейские повествования рассчитаны на неподготовленную аудиторию: «Поелику он знал, что такое наставление соответствует им, то и избрал этот путь <наставления от предметов видимых — иер. Д.В.>» [6, с. 10].

Наконец, учителя выводят важнейший принцип непротиворечия добросовестного научного подхода религиозному знанию. Блж. Августин говорит, что нападки на Священное Писание — свидетельство недобросовестного научного подхода. Истинные суждения о природе не могут противоречить слову Творца: «Такому я отвечаю, что я с удовольствием достиг того самого хлеба, от которого научился не обращаться к человеку за ответом согласно с верою о том, что отвечать людям, которые стремятся клеветать на наши спасительные писания; так что все, что только могли бы они сказать о природе вещей на основании верных доводов, все это, как можем мы показать, не противно нашим писаниям, — с другой стороны все, что из каких-либо своих книг они привели бы противного нашим писаниям, т. е. кафоличе-

ской вере, все это, как можем мы или показать с некоторой силою, или же с несомненно-стью верить, совершенно ложно» [1, с. 153].

Итак, пастыри Церкви протестовали не против как такового научного (пусть даже преднаучного) подхода к бытию: святые восставали не против «стихий», «архэ», «гомеомерий» и «атомов». Для светочей церковного богословия неприемлемыми были те аспекты синкретических религиозно-философских воззрений, которые, будучи приняты в качестве мировоззренческой основы, подрывали бы веру Церкви в «Единого Бога... Творца небу и земли,... Имже вся быша».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блаженный Августин Иппонский. Творения. М.: Паломник, 1997.
2. Василий Великий, святитель. Беседы на Шестоднев. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
3. Васильев Д.В., диак. Критика атеистических элементов античных натурфилософских концепций в святоотеческих комментариях на первую главу Книги Бытия // Вестник Оренбургской духовной семинарии, 2019. Выпуск 2 (11). С. 114 - 122.
4. Васильев Д.В., иер. Критика пантеистических элементов античных натурфилософских концепций в святоотеческих комментариях на первую главу Книги Бытия // Вестник Оренбургской духовной семинарии, 2020. Выпуск 2 (15). С. 12 - 18.
5. Григорий Нисский, святитель. О Шестодневе, слово защитительное брату Петру [электронный ресурс] // НИ-КА [сайт]. URL: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=oshestodneve> (время обращения: 10.05.2021).
6. Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого архиепископа Константинопольского избранные творения. Беседы на Книгу Бытия. Т.4, Кн.1. СПб., Изд-во СПбДА, 1898.
7. Иоанн Мейендорф, протопресв. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985.
8. Киприан Керн, архим. Патрология. Т.1. М. Париж: Прав. Св.-Тих. Богосл. Ин-т, 1996.
9. Климент Александрийский // Мень А. Библиологический словарь: В 3 т. М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.

Иерей Марк Дылевский

Выпускник Новосибирской православной духовной семинарии, священник храма в честь Рождества Иоанна Предтечи села Криводановка Новосибирской области

ПРИМАТ РИМСКОГО ПАПЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ЗНАЧЕНИЕ И КРИТИКА

Аннотация. Примат римского папы есть власть римского папы над римо-католичеством в вопросах веры, нравственности и управления. Настоящая статья анализирует историческое значение этого примата. Апологетические выводы делаются на основании знакомства с широким кругом источников и литературы.

Ключевые слова: римо-католичество, папизм, западные исповедания.

Mark Dylevsky, Priest

Graduate of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary. Priest of the church in honor of the Nativity of John the Baptist of the village of Krivodanovka, Novosibirsk region

THE PRIMACY OF THE POPE: BACKGROUND, SIGNIFICANCE AND CRITICISM

Abstract. The primacy of the Pope is the authority of the Pope over Roman Catholicism in matters of faith, morality and governance. This article analyzes the historical significance of this primate. Apologetic conclusions are drawn on the basis of acquaintance with a wide range of sources and literature.

Keywords: Roman Catholicism, Papism, Western confessions.

История Католической Церкви на Западе всегда была обособлена от церковного уклада восточной византийской традиции. Это было связано и с географическим положением папской кафедры, и с политическим участием папы в вопросах правления, и с особенностями богословского учения.

Ещё до раскола христианской Церкви налицо было множество предпосылок, которые свидетельствовали о различном развитии Востока и Запада, что в итоге и способствовало расколу. Одним из спорных вопросов как раз были притязания западного папы на первенство перед патриархом на Востоке.

Крестовые походы, благословляемые папой римским, привели к окончательному расколу Восточной и Западной Церквей. Этот же факт способствовал дальнейшему развитию и укреплению власти папы римского, выразившемуся в примате о его непогрешимости.

Вопрос о первенстве папы является одной из главных причин разделения Западной и Восточной христианских Церквей на сегодняшний день. Сразу оговоримся, что православное богословие не приемлет претензий папского престола на абсолютную власть в Церкви и понимает первенство исключительно как *primus inter pares* — «первый среди равных». Католическая доктрина, приписывающая папе римскому функции управления всей Вселенской Церковью, в православии получила наименование «папизм».

В раннехристианскую эпоху христианства титул «Папа» мог применяться не только к западным епископам, но и ко всем епископам как выражение особого почтения к священноначалию. Позднее этот титул закрепился лишь в Западной Церкви, конкретно за епископами Рима и Александрии. Сегодня полное название католического папы звучит так: «Епископ Римский, викарий Иисуса Христа, преемник князя апостолов, Верховный понтифик Вселенской Церкви, примас Италии, архиепископ и митрополит Римской области, суверен государства Ватикан, раб рабов Божиих».

С самого разделения на патриархаты Римская Церковь активно участвовала в обсуждении проблем других кафедр посредством адресованных им посланий. Такими посланиями Римская кафедра участвовала в спорах о дате празднования Пасхи, проблеме принятия еретиков и подобных вопросах.

Во времена эпохи Вселенских Соборов IV-VII веков авторитет Римской Церкви среди Поместных Церквей значительно укрепился, что также начало укреплять и авторитет папского титула в Западной церкви в целом.

К 451 году, после IV Вселенского Собора, в христианском мире сложилось 5 патриархатов: Римский, Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский.

При том что сама христианская Церковь в это время только формировалась и наполнялась новыми учениями, созывая Вселенские и Поместные соборы, Римская Церковь была относительно автономной. Непосредственно это выражалось в том, что на Вселенские Соборы Римская Церковь чаще всего посылала представительства, в отличие от других кафедр, главы которых чаще всего являлись на Вселенские Соборы лично.

На Римской кафедре в этот период стали появляться свои традиции, а в дальнейшем и свои догматы, которых не разделяла вся остальная христианская Церковь и которые в итоге привели к расколу.

Вместе с тем в Римской Церкви постепенно развивалось учение о примате папы римского как верховного главы всей христианской Церкви, носителя высшей юрисдикции и авторитета в вопросах веры и христианской морали. С этим учением связано формирование особой вероучительной системы католицизма.

На Римском соборе 382 года папа Лев I Великий впервые заявил о примате епископа Римского по отношению к апостольским кафедрам Востока. В дальнейшем Римский собор 494 года впервые назвал папу римского «наместником Христа» (*vicarius Christi*).

По учению католиков идея папского примата заключается в следующем: «Примат Апостола Петра и его непогрешимость в делах веры, обетованной ему Господом, перешли к его преемнику — Римскому епископу. Апостол Петр и его преемник, Римский епископ, есть по католическому убеждению та скала, на которой построена Церковь».

При этом католики ссылаются на слова Иисуса Христа, сказанные апостолу Петру в Евангелии:

- Мф. 16,13-19: «Ты — Петр, и на сем камне создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»;
- Лк. 22,31-32: "Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих";
- Ин. 21,15-17 троекратное вопрошение о любви и повеление пасти овец (т.е. всю Церковь).

Эти места из Евангелия являются главными аргументами в пользу примата Римского епископа, но есть и другие:

- руководящая роль ап. Петра среди апостолов (Деян. 1,15; 2,14; 4,8; 5,3; 5,8; 5,29);
- основание ап. Петром Римской кафедры и смерть его в Риме;
- ссылка на традицию древней неразделенной Церкви среди пяти патриархов упоминать в богослужении Римского епископа первым, что якобы отражало признание первенствующей его роли.

На Востоке учение о примате папы римского в полном объеме не принималось, но до определённого времени и не оспаривалось.

Николай Афанасьев считает, что уже в доникейский период авторитет свидетельства Римской Церкви был настолько высок, что принятие или отвержение Римом того или иного учения предопределяло решение прочих Церквей. Призвание Рима заключалось в выполнении роли арбитра, улаживавшего спорные проблемы посредством свидетельства об истинности или ложности того или иного учения. Рим был подлинным центром, куда сходились все, кто желал, чтобы их учение было принято сознанием Церкви. Свидетельство Римской Церкви значило больше любого юридического вердикта, поэтому, считает Афанасьев, известная латинская формула «*Roma locuta, causa finite*» могла появиться уже в те времена, когда власть Рима еще не приобрела силы закона.

Постепенно папы римские стали претендовать на высший сюзеренитет в Европе на основании поддельного документа в форме императорской конституции — «Константинова дара» (VIII-IX века). Особый импульс политические притязания пап получили после «Пипинова дара» (середина VIII века), которым франкский майордом Пипин Короткий давал папе римскому власть светских правителей на отвоёванных у лангобардов землях — будущей папской области.

Различия между Церквями Запада и Востока к IX веку стали кардинально большими, что способствовало внутреннему накалу в каждой из Церквей. В античности и раннем Средневековье в каждом регионе была своя церковная традиция, свои праздники, песнопения и облачения. И только обрядовая унификация, протекавшая на Западе вокруг Рима, а на Востоке — вокруг Константинополя, привела к резкой поляризации латинской и греческой традиций.

Впервые вопрос ребром поставили болгары: решив принять крещение в середине IX века, они обнаружили, что христиане Востока и Запада имеют очень разные церковные обычаи, и со свойственной варварам простотой потребовали пояснить, какие из них «правильные». Уже тогда Рим и Константинополь были на грани раскола, но дело удалось уладить.

Одним из решающих факторов в формировании учения о непогрешимости Римского епископа сыграл Великий раскол 1054 года, избавивший папу от всякой внешней церковной зависимости. Вскоре начался процесс консолидации Западной Церкви вокруг римского престола, который утратил связь с соборным началом, сохранявшимся на Востоке.

В начале 1054 г. в Константинополь для переговоров с императором были отправлены папские легаты во главе с епископом Гумбертом. Легаты имели поручение и относительно переговоров с Константинопольской Церковью. Послы Льва IX сразу же продемонстрировали высокомерие по отношению к Михаилу и его сторонникам. Они устроили диспут с Никитой Стифатом, его признали побежденным, а трактат сожгли. Патриарх, в свою очередь, также пытался унизить приехавших. Позвав Гумберта и других

легатов на собор, он указал им место позади греческих архиереев. Это стало последней каплей.

16 июля 1054 г. в храме Святой Софии кардинал Гумберт положил на алтарь буллу об отлучении Михаила Керулария и ряда его сторонников от церкви, воскликнув: «Видит Бог и судит». В ответ в городе начались волнения, и легаты вынуждены были бежать. Попытка императора примирить священников не увенчалась успехом.

Патриарх Михаил созвал в столице собор, который 20 июля предал анафеме всех, кто составлял вышеупомянутую буллу. Таким образом, ни одна из двух анафем не касалась Церквей в целом (в отношении Римской она даже не касалась ее главы: Лев IX к тому моменту умер, и место понтифика оставалось вакантным). Однако именно эти события по установившемуся вскоре убеждению привели к разделению на Православную (Восточную) и Католическую (Западную) христианские Церкви.

Термин «православие» («ортодоксия») существовал задолго до разделения Церквей: Климент Александрийский во II в. обозначал им истинную веру и единомыслие всей Церкви в противовес инакомыслию. Название «Православная» укрепилось за Восточной Церковью после церковного раскола 1054 г., когда Западная Церковь присвоила себе название «Католической», т.е. «всеобщей».

После отпадения от православия (1054 г.) Римско-Католическая Церковь продолжает утверждаться во мнении о своей непогрешимости и власти римского папы над Церковью. Никем и ничем не сдерживаемая, она доводит это учение до самых категорических и крайних выводов.

В скором времени в Католической Церкви начались изменения, затрагивавшие множество истин, непогрешимых для Православной Церкви. Утверждается мнение о возможности развития догматического учения и в связи с этим провозглашаются новые, неизвестные Древней Церкви догматы; в результате учение этой Церкви наполняется большим количеством нововведений, чуждых истинному богословию.

Полтора века, прошедшие со времени раскола 1054 года до IV крестового похода, не были использованы для уврачевания ран, нанесенных церковному единству. Наоборот, за это время были посеяны семена разделения христиан на «правильных» и «не вполне правильных».

Христианский мир для латинян оказался совершенно отождествленным с Римской Церковью, то есть с Западной частью тогдашней империи. Все же, что оказывалось за пределами этого своеобразного «европейского союза», выглядело чуждым и подозрительным, нуждающимся в «возвращении домой», в перестройке и перекройке по западному образу и подобию, пусть даже посредством силы. Если для латинских паломников конца XI века Константинополь был городом храмов и христианских святынь, то участникам IV крестового похода он уже представлялся гнездом «восточных схизматиков», о котором жители Западной Европы говорили: «Град Константинополь, так долго бывший безбожным».

Разгром Константинополя произвел сильнейшее впечатление на многих людей по обе стороны разделившегося христианского мира. И греческие хронисты, и папа Иннокентий III выражали свое возмущение бесчинствами крестоносцев. Однако Римский епископ сожалеет лишь об имевшем месте насилии и приветствует цель, достигнутую в результате этой страшной трагедии. Едва получив вест о взятии Константинополя, папа Иннокентий III назвал это событие «великим чудом». И позже, осуждая кровопролитие, он особенно

сожалел, что это кровопролитие повредит возвращению Греческой Церкви «...к церковному единству и к послушанию Апостольскому престолу».

События 1054 и 1204 годов оставили глубокий и болезненный след в коллективной памяти целых наций, что заставило многие поколения людей переживать случившееся как свою личную трагедию. Несомненно, после этих событий не было никакой возможности объединения Церквей Восточной и Западной, так как исключительно благодаря решениям папы римского и всего священноначалия Римской Церкви началась эпоха крестовых походов, приведшая к разграблению Константинополя.

Лионский собор (1272-1274) был созван папой римским Григорием X (1272-1276 годы) с целью заключения церковной унии с православными церквями, организации крестового похода в Святую землю и обновления нравственной жизни духовенства и мирян. В работе Собора приняли участие более 500 епископов, 60 аббатов и около 1000 других священнослужителей.

На Соборе были зачитаны послания императора Михаила VIII и византийского духовенства, в которых признавались примат папы римского и вероучение Римско-Католической Церкви. В письме императора Михаила также содержалась просьба позволить Греческой Церкви сохранить Символ веры без Filioque. На 4-м заседании собора (6 июля 1274 года) Георгий Акрополит от имени императора произнес торжественную клятву, в которой утверждалось верховенство папы в христианской Церкви, и подписал унию Западной и Восточной Церквей (Лионская уния).

Лионская уния не была принята большей частью византийского общества. Её также отказались признать Сербия, Болгария, Эпир и Трапезундская империя. Уния была официально разорвана сыном Михаила VIII императором Андроником II Палеологом (1282).

Как можно заключить из итогов этого Собора, Православная Восточная Церковь даже под давлением правящего императора Михаила VIII не пожелала подчиниться Католической Церкви и продолжила отстаивать истинные догматы Церкви и Символ веры.

Опираясь на древнецерковные вероучительные тексты, православные христиане исходят в своем учении о Церкви из того, что Церковь — это высшая святость на земле, это царство Духа Святого, реализация обетования Христова об «ином Утешителе», пребывающем с нами вовек (см.: Ин1 14,16). В Церкви все призваны к жизни в Духе. Духоносным является все Тело Церкви. Таким образом, вера православная — это вера кафолическая, то есть общая вера Церкви, состоящей из многих членов, объединенных любовью и единомыслием. Эта вера хранится в их сердцах, согласно пророчеству Иеремии о Новом Завете: (1 Иер. 31,33).

В отличие от православного, римско-католическое учение, признающее единоличную власть папы над Церковью, ставит Церковь в приниженное положение, так как обрекает ее членов на безоговорочное и слепое послушание папе, совесть церковную — на молчание. Все это находится в противоречии с духом христианской свободы, с духом Нового Завета.

В римском католицизме вера в святость Католической (соборной), то есть всеобщей Церкви подменена верой в непогрешимость папы.

Следующий важный момент православного учения о Церкви, не принятый католицизмом, — незыблемость догматических основ. Как сказано в «Окружном послании Восточных Патриархов» (1848), исторический путь Православной Церкви показал, что «У нас ни Патриархи, ни Соборы не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранителем благочестия у нас является самое Тело Церкви, то есть самый народ».

И, наконец, еще одно принципиальное разногласие между православным и католическим пониманием учения о Церкви — вопрос церковного единства.

О том, каково то единство, которое должно проявляться в жизни Церкви, говорит Сам Господь: «Как Ты, Отче, во Мне, и я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... да будут едино, как Мы едино» (1Ин. 17:21-22). Не единство внешнее, основанное на подчинении всех одному (одному апостолу или одному епископу), должно быть основой единства церковного, а единство внутреннее, органичное.

Римский католицизм понимает единство как безоговорочное подчинение всех одному. Истинная Церковь для католика та, которая во всем подчиняется папе. Дело выглядит почти так, как если бы в тех случаях, когда требуется различать между добром и злом, правдой и неправдой, в папе видели средоточие всей духоносности Церкви и единственного обладателя истины.

Римо-католикам Церковь представляется не как воплощение троической жизни в мире, а как монархическое государство, в котором все подданные подчинены одному обладателю абсолютной власти.

Перед нами, следовательно, тут два совершенно различных образа Церкви и два различных понимания ее единства.

Как известно из начального церковного предания, преемниками апостолов являются все епископы. Это преемство осуществляется через цепь рукоположений, начатую святыми апостолами. Ставить вопрос о том, преемником какого именно апостола является тот или иной епископ, не имеет смысла уже по одному тому, что епископские рукоположения совершаются соборно, несколькими епископами. Этому вопросу и не должно придавать какого-либо особого значения: апостол Павел осудил тех, кто говорил: «я Павлов», «я Аполлосов», «я Кифин». Апостол Петр поставлял епископов в разных городах, в частности, в Антиохии и в Риме. По преданию, в Антиохии им был рукоположен Еводий, в Риме — Лин. Но ни Еводий, ни Лин не рукополагали сами себе преемников. Поэтому последующие Римские епископы преемниками апостола Петра по рукоположению не являются.

Но есть другой вид преемства — преемство по кафедре. Римская кафедра учреждена, как известно, апостолами Петром и Павлом. В этом смысле епископов Римской, а также епископов Антиохийской и других кафедр, учрежденных апостолом Петром (и Павлом), можно считать преемниками этих апостолов независимо от того, от кого они получили рукоположение, подобно тому, как епископы Ефесские считаются преемниками апостола Иоанна Богослова, епископы Александрийские — преемниками евангелиста Марка и т. д. Это обстоятельство опять-таки не имеет какого-либо чрезвычайного значения, так как в благодатном плане все епископы равны. Но православные охотно, с радостью оказывают епископам апостольских кафедр особое уважение в память тех дорогих для христианского сердца исторических воспоминаний, которые с этими кафедрами связаны.

Все это очень просто, понятно и естественно. Но если смотреть на Римского епископа глазами римо-католиков, то есть видеть в нем носителя чрезвычайной и неограниченной власти над Церковью, вопрос о его преемстве ап. Петру становится чрезвычайно сложным и запутанным.

Апостолу Петру в лике апостолов принадлежала некая первенствующая роль. В перечне апостольских имен имя Петр всегда стоит на первом месте. В Деяниях апостольских повествуется о том, что именно Петр предложил избрать двенадцатого апостола на место отпавшего Иуды. Петр выступает с речью в день Пятидесятницы, произносит речь на Апостольском соборе и т.п.

Однако все вопросы общецерковного значения апостолы решают сообща, соборно. Петр не повелевает апостолам. Наоборот, об апостолах сказано в книге Деяний, что они «послали» ап. Петра в Самарию (Деян. 8,14). В послании к Галатам (Гал. 2,11) говорится, что апостол Павел «лично противостоял» ап. Петру, когда тот, лицемеря, не только сам поступал «не прямо по истине Евангельской», но и других принуждал вести себя не так, как надо (см.: Гал. 2,14).

Следовательно, не могло быть и речи о слепом, безоговорочном повиновении всех ап. Петру. Каждому пастырю и архипастырю надо помнить, что он не только учитель, но и ученик Церкви. В данном случае Церковь говорила устами апостола Павла, а ап. Петр был лишь ее учеником.

В апостольское время первенствующее положение во Вселенской Церкви принадлежало Иерусалимской кафедре; первым епископом ее был Иаков Праведный, брат Господень.

С Римской кафедрой сносились и согласовывались другие Поместные Церкви. Все это делалось по ее молчаливому согласию. Но не было и не могло быть никаких определений о благодатных преимуществах Римской Церкви перед прочими Церквями. Сама Римская кафедра также находилась под наблюдением других Церквей, и уклонение ее от чистоты православия не могло не вызывать соответствующей реакции с их стороны.

Важная роль в жизни Церкви принадлежала, естественно, и епископу этого города. Если каждый епископ призван нести попечение о всей Церкви (хотя пределы его юрисдикции строго ограничены), то тем более такое попечение о Вселенской Церкви входило в обязанность епископа первенствующей кафедры.

Тогда строй церковной жизни был еще очень далек от того, чтобы подчиниться Римскому епископу, и его решение провести не удалось. Как пишет церковный историк Евсевий Кесарийский, «...ибо всем епископам это не понравилось», так что это отлучение осталось декларационным.

Постепенно формально-юридическое осознание своих прав в Римской Церкви нарастает. Папа Бонифаций I (418–422) называет Римскую кафедру главою всех Церквей: «Если кто-нибудь от Римской кафедры отколется, тот да будет исключен из христианской религии». В эпоху Вселенских Соборов была сформулирована последовательная православная экклезиология, в том числе и касательно роли и преимуществ тех или иных кафедр.

Вопрос о первенстве (примате) той или иной кафедры — не догматический; он подлежит усмотрению Церкви. Церковь же при решении этого вопроса учитывала конкретную историческую обстановку. В этом отношении характерна формулировка 28-го правила Халкидонского Вселенского Собора: «Престолу первого Рима отцы естественно предоставили преимущества, как царствующему граду». Следуя тому же принципу, Халкидонский собор предоставил «равные преимущества» Константинополю.

Упомянутое 28-е халкидонское правило, равно как похожее правило II Вселенского Собора, красноречиво свидетельствуют о том, насколько Церковь далека была от нынешних римско-католических взглядов на природу преимуществ первенствующей кафедры. Церковь, как видим, не считала их безусловно и навечно закрепленными за Римом.

Отступление от православия начинается тогда, когда светлое и живое общецерковное дело утверждения истины перестает быть общецерковным и объявляется подлежащим чьей-то исключительной компетенции, когда принцип кафолической церковности подменяется принципом механистического подчинения авторитету с признанием заранее и наперед всего, что авторитет изречет.

Завершением развития католического учения о власти папы над Церковью явился провозглашенный в 1870 г. папой Пием IX на I Ватиканском соборе догмат о папской непогрешимости в делах веры, переносящий функции Церкви на ее высшего иерарха.

Постановление Ватиканского собора гласит: «Твердо держась предания, дошедшего до нас от начала христианской веры, мы во славу Бога, Спасителя нашего, к возвышению католической религии и ко благу христианских народов, с согласия Священного Собора, учим и определяем как богооткровенное учение, что когда римский первосвященник говорит со своей кафедры (*cum ex cathedra loquitur*), то есть когда, исполняя свое служение как пастырь и учитель всех христиан, он в силу своей высшей апостольской власти определяет учение о вере или нравственности, которое должна содержать вся Церковь, он через Божественную помощь, обещаемую ему в лице блаженного Петра, обладает тою непогрешимостью (*infallibilitate*), которою Божественный Спаситель благоволил наделить Свою Церковь, для определения учения относительно веры и нравственности, и что поэтому такого рода определения римского первосвященника сами по себе, а не с согласия Церкви, неизменны (*ex sese, non autem ex consensu ecclesiae irreformabiles*). Если же бы кто дерзнул противоречить этому нашему определению, от чего да хранит Господь, то да будет анафема».

Таким образом римо-католики пытаются еще больше укрепить фундамент всей догматики католичества — учение о папской власти, о видимом главе Церкви, «заместителе и наместнике Христа», заслоняющем невидимого Главу — Христа. Решением I Ватиканского собора утверждается, что познание истины дается папе самостоятельно, лично, вне связи с Церковью.

Состоявшийся уже в наше время II Ватиканский собор (1962—1965), несмотря на сильное реноваторское течение в его лоне, не дерзнул вносить каких-либо изменений в это догматическое определение. В догматической конституции «О Церкви» он со всей категоричностью подтвердил учение о непогрешимости папских определений *ex cathedra*. Согласно разъяснению II Ватиканского собора, они «...не нуждаются ни в чьем утверждении и не допускают никакой апелляции к чьему бы то ни было суждению». Римскому первосвященнику, как верховному учителю Вселенской Церкви единолично (*singulariter*), присуща харизма непогрешимости самой Церкви.

Более того, догматическая конституция II Ватиканского собора (1962—1965) распространяет обязанность верующих «религиозно подчинять свою волю и ум» наставлениям римского первосвященника и на те случаи, когда он говорит не *ex cathedra* (*etiam cum non ex cathedra loquitur*).

В отличие от этой догмы католицизма, не имеющей корней в древних вероучительных текстах, в Православной Церкви слова, действия и поступки любого епископа могут быть предметом рассмотрения и канонически законный епископский суд может вынести приговор любому из них. Из-под действия этого принципа, само собой разумеется, не изъят в Православной Церкви и первый из ее епископов — Константинопольский патриарх.

Не находит подтверждения догмат о папской непогрешимости и в учении о таинствах. По православному учению, епископы становятся преемниками апостолов через таинство Священства и в этом таинстве получают необходимые для их служения особые дары. Благодать епископства преподается в Римско-Католической Церкви тоже через таинства. Но таинства, в котором Римскому епископу, как преемнику апостола Петра, преподавались бы исключительные дары, отличающие его от других епископов и других апостолов, Церковь никогда не знала, и в латинском обряде такого таинства тоже нет. Так называемая папская коронация, по пониманию самих римо-католиков — это не таинство, а лишь

торжественная церемония, которая к папской власти (получаемой до этого, во время избрания) ничего не прибавляет и не сообщает вступившему на папский престол никаких особых благодатных даров. Таким образом, чрезвычайные полномочия, которыми не обладает никто из епископов, — неограниченную власть над Церковью и исключительный дар непогрешимости — человек получает без всякого священнодействия. Причина этого только в том, что Церковь никогда не знала такой власти и такого дара.

Безосновательность учения о папской непогрешимости можно подтвердить множеством исторических примеров заблуждений Римских епископов в области вероучения и нравоучения.

Католики утверждают, что то или иное папское заблуждение, ныне не признаваемое, является «частным» заблуждением папы. Кто может определить, какое утверждение папы является официальным (*ex cathedra*), а какое частным? Обычно папы никогда сами не объявляют свои утверждения частными мнениями. Фактически толкователем выступает Ватиканская курия, то есть руководящие круги Католической Церкви, среди которых преобладают представители ордена иезуитов. Получается выгодная для католических иерархов ситуация: мнение ныне живущего папы католику трудно внутренне принять как его личное заблуждение. Всякое официально высказанное мнение ныне правящего папы должно признаваться абсолютно непогрешимым, в то время как мнение умершего в силу изменившейся ситуации можно истолковать как частное и ошибочное. Таким образом, его ошибка примиряется с догматом о папской непогрешимости.

Итак, примат о непогрешимости папы действует в Католической Церкви и по сей день, но, возможно, уже не имеет такого веса, как ранее. Это, впрочем, не отменяет того, что в самой догматике Католической Церкви заложены неверные принципы. В настоящее время невозможно воссоединения Православия с римо-католичеством в том числе и по этой причине.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сказкин С.Д. История Средних веков. Том 1 [В двух томах. Под общей редакцией С. Д. Сказкина], Упадок папства в IX—XI вв. Ключийское движение [Электронный ресурс] // WikiReading [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/77204> (Время обращения: 12.05.2022);
2. Гергей Е. История папства. Возвышение папства: христианство в средние века (XII-XIII века) [Электронный ресурс] // Sedmitza.ru [сайт]. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/441602> (Время обращения: 12.05.2022);
3. Иванцов-Платонов А.М. О западных вероисповеданиях. Римско-католическая церковь. Часть пятая, глава 11. Исторические судьбы западного христианства в Средние века; постепенное усиление папства от VIII до XIV века и отклонение западного христианства от Православия в учении веры и жизни церковной [Электронный ресурс] // Портал «Слово» [сайт]. URL: https://www.portal-slovo.ru/theology/37686.php?ELEMENT_ID=37686&PAGEN_1=2 (Время обращения: 12.05.2022);
4. Сказкин Сергей Данилович «История Средних веков. Том 1» [В двух томах. Под общей редакцией С. Д. Сказкина], Социальные и политические предпосылки возвышения папства в XII—XIII вв. [Электронный ресурс] // WikiReading [сайт]. URL: <https://history.wikireading.ru/77205> (Время обращения: 12.05.2022).

РАБОТЫ УЧАЩИХСЯ НПДС

Диакон Антоний Шамилов

Студент 4 курса Новосибирской православной духовной семинарии, клирик храма свт. Тихона Задонского г. Обь, Новосибирская область

КАМЧАТСКИЙ АПОСТОЛ

Аннотация. В эссе рассматривается деятельность митрополита Нестора (Анисимова), миссионера и церковного деятеля Русской Церкви XX века.

Ключевые слова: православная миссия, история Русской Церкви, миссиология.

Anthony Bashirov, Deacon

A 4th-year student of the Novosibirsk Orthodox Theological Seminary, a cleric of the Church of St. Tikhon Zadonsky, Ob, Novosibirsk region

THE APOSTLE OF KAMCHATKA

Abstract. The essay examines the activities of Metropolitan Nestor (Anisimov), a missionary and church leader of the Russian Church of the XX century.

Keywords: Orthodox mission, history of the Russian Church, missiology.

Деятельность митрополита Нестора (Анисимова) привлекает внимание как православных миссионеров, так и церковных историков. Масштаб его личности еще только предстоит оценить внимательным исследователям. Вот почему работы в данном направлении продолжают оставаться актуальными. Задачей эссе является привлечь дополнительное внимание к фигуре митрополита Нестора.

Мое знакомство с жизнью и делами митрополита Нестора (Анисимова) произошло совершенно случайно. В конце 3 курса семинарии я стал задумываться о будущей дипломной работе. Предмет, по которому я собирался писать свою работу, был выбран уже давно — история Русской Православной Церкви, но с темой определиться никак не получалось. Однажды после обычных занятий что-то подтолкнуло меня зайти в семинарский храм в честь свт. Тихона Задонского: наверное, это было внутреннее смятение, которое я всячески старался побороть. Зайдя в храм и перекрестившись, я увидел одного из наших преподавателей по истории Русской Церкви — Наталью Алексеевну, очень кроткую, чуткую женщину, которая могла найти подход к совершенно любому человеку. Увидев ее, я решил посоветоваться с ней в надежде, что она мне подскажет выход из моего тупика. Наталья Алексеевна меня внимательно выслушала, а после, улыбнувшись, предложила взяться за описание жизни архипастыря, который, по ее словам, должен был меня поразить и в тоже время вдохновить. Этим архиереем и был митрополит Нестор (Анисимов), «камчатский апостол» и один из руководителей Новосибирской епархии.

В жизни владыки Нестора есть очень интересный эпизод, который он описал в своей книге «Мои воспоминания». Служа на Камчатке, будучи еще иеромонахом, отец Нестор часто был вынужден приезжать в Санкт-Петербург ради ходатайств в отношении Камчатского благотворительного братства. Приезжая в столицу, отец Нестор всегда останавливался в Александро-Невской лавре; вот и в тот раз, остановившись в своей уже привычной келье, он получил от тогдашнего митрополита Антония (Вадковского) благословение на проведение лекции, посвященной жизни на Камчатке и сбору средств для камчатского братства; лекция

должна была проходить в одном из лекционных залов епархиального дома. Были разосланы пригласительные билеты, в местных газетах вышли статьи. Одна из таких петербургских газет попала в руки отцу Нестору. Содержание заметки одновременно и возмутило, и удивило его. Дело в том, что на странице газеты был изображен улыбающийся монах-негр с подписью: «КАМЧАТСКИЙ МОНАХ НЕСТОР — НЕГР»¹. В самой статье говорилось о некоем монахе-негре Несторе, который якобы не говорил по-русски, но отлично владел английским и собирался провести лекцию «...о Камчатке, где он служил, разъезжая по делам священнослужения на лодке с Камчатки на Ямайку»².

Ситуация и правда была смешная и нелепая одновременно. Прибыв на лекцию и получив разъяснения, приглашённые архиереи в шутку стали называть отца Нестора «негром». Кто же на самом деле этот камчатский монах Нестор—«негр»?

В 1885 году, 9 ноября, в одной из семей военных в городе Вятке родился второй ребенок — мальчик, которого назвали Николаем. Это был будущий митрополит Нестор. С ранних лет любовь к Богу и Церкви ребенку прививали мать и бабушка. В Вятском мужском монастыре Николай впервые побывал на архиерейском богослужении, которое его очень сильно потрясло. После этого маленький Николай, стоя на коленях перед иконой, постоянно молился: «Боженька, сделай меня архиереем...»³: чистой и беззлобной душой маленький Коля испрашивал у Господа благословение на будущее архиерейское служение для истинного и искреннего служения.

Отец Николая очень хотел, чтобы оба его сына пошли по его стопам и стали военными. Брат Николая Иларий окончил специальное училище, а после и московское Алексеевское военное училище. Николай также подал документы на поступление в казанское училище, но провалил экзамены. По Божиему Промыслу его ждало другое служение. Вместо этого он поступил на миссионерские курсы (калмыцко-монгольский отдел), а после их окончания остался при монастыре. Через некоторое время наблюдателю курсов архимандриту Андрею (князь Ухтомский) пришло письмо с просьбой прислать выпускников курсов для миссионерской деятельности.

Это был решающий момент, переменявший всю жизнь совсем юного Николая. Представляя себя на его месте, думаю, что не смог бы принять такой шаг, взвалив на себя огромную ответственность. Поражает, насколько глубока и тверда была вера Николая, насколько он был мужественен и решителен в своих действиях. Приняв этот путь, в этом же, 1907 году, 17 апреля, Николай принял монашеский постриг от своего духовника, архимандрита Андрея, а 9 мая был возведен в сан иеромонаха. 26 мая молодой иеромонах, которому не исполнилось и 22 лет, отправился к своему месту служения, на малоизвестную дикую Камчатку для проповеди Благовестия.

Сейчас это трудно представить, ведь мы живем в эпоху информационных технологий и комфорта. Многие ли смогут сейчас, оставив все, уехать в глушь для проповеди без комфортной жизни? Думаю, что, если и найдутся такие смельчаки, то единицы, и, к моему большому стыду, приходится принять тот факт, что и сам я не смог бы пойти на такой мужественный шаг. Даже мысленно перенесшись в то время, понимаю, что все равно бы не смог.

¹ Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова), Т.2. – М. ПСТГУ, 2005. 575с., 139с.

² Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова), Т.2. – М. ПСТГУ, 2005. 575с., 139с.

³ Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова), Т.2. – М. ПСТГУ, 2005. 575с., 9с.

В своих заметках и воспоминаниях отец Нестор описывает трудности, вставшие перед ним на Камчатке. Читая их, нельзя не восхищаться, насколько бодр был его дух. Нет ни малейшего признака уныния или отчаяния. Благодаря крепкой и твердой вере в Господа отец Нестор подобно апостолам проповедовал Евангелие Иисуса Христа местному населению. Сердца аборигенов были открыты для слова Божия, поэтому, принимая православие, они горели пламенной верой и любовью. А ещё у них был пример в лице отца Нестора, который дарил им заботу и веру, являя собой образ истинного пастыря.

Жизнь на Камчатке была нелегка. Отцу Нестору приходилось заниматься не только проповедью, но и учить местное население грамоте и медицине, прививать личную гигиену. Камчатка очень богата, но ее сокровища шли не на благо родины, а на благо иноземцев. Прибывая на Камчатку, японцы и американцы вылавливали рыбу и забирали другие ресурсы края в обмен на безделушки.

Видя все это, отец Нестор очень сокрушался и думал о том, как переменить ход дел в пользу отечества. Он решил создать Камчатское благотворительное братство, с помощью которого началось бы развитие Камчатского края. По истечении долгого времени Господь наградил Своего верного слугу за множество потраченных сил и терпение: Камчатское благотворительное братство было создано, а его покровителем стал сам цесаревич Алексей Николаевич. Царская семья внесла неоценимый вклад в создание и развитие братства, жертвуя не только финансово, но также передав в дар храм, связанную лично Александрой Федоровной с дочерьми шерстяную одежду и многое другое.

В 1914 году отец Нестор приезжает в столицу для получения пожертвований, собранных для Камчатского братства. В июле становится известно о начале Первой мировой войны, и все собранные средства были переданы на военные нужды. В нелегкое время отец Нестор решил не возвращаться на Камчатку, а поступил в драгунский полк лейб-гвардии священником и параллельно возглавил санитарный отряд. На протяжении двух лет он ухаживал за ранеными, сквозь свист пуль перевозил секретные донесения и духовно укреплял защитников отчизны. За участие в боевых операциях отец (тогда уже игумен) Нестор был удостоен высшей награды для священнослужителя — креста на Георгиевской ленте. Подобной награды в период Первой мировой войны удостоились всего чуть больше двухсот священников. Вернувшись на Камчатку, отец Нестор продолжил свои труды с еще большим усердием. К 1917 году на Камчатке было 32 церкви, 60 часовен и 45 школ⁴.

16 октября 1916 года состоялась епископская хиротония отца Нестора. Будучи в епископском сане, он участвовал в Поместном Соборе 1917-1918 гг. Беспорядки и кровопролитие, устроенные революционерами в Москве, побудили владыку написать книгу «Расстрел Московского Кремля», за которую он долгое время претерпевал гонения и отсидел несколько лет в лагерях.

После нескольких лет преследований в России со стороны большевиков владыка оказался в городе Цуруге в Японии, в российском консульстве, а после, в 1921 году, попал в Харбин, где его служение затянулось на долгие годы. Здесь он основал Камчатское подворье, Дом милосердия и трудолюбия, а также большое количество приютов. Ежегодно в день расстрела Царской семьи владыка Нестор совершал особое поминовение.

⁴ Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. Т. 1. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. 575 С. 22 С.

Находясь в подчинении заграничного Синода, владыка Нестор посещал страны Европы и Азии, встречаясь с представителями Русской Православной Церкви Заграницей, а также с предстоятелями православных поместных и инославных Церквей.

В 1933 году, уже в сане архиепископа, владыка Нестор посетил Индию. Христиане Индии во главе с индусским Католиком-Патриархом возжелали воссоединиться с Русской Православной Церковью. После тщательного изучения их учения, не выявившего канонических отступлений, было согласовано воссоединение с Русской Церковью, официальная дата была назначена на 1939 год. К большому сожалению, воссоединение не состоялось: виной тому стала война между Англией и Японией, из-за которой путь в Индию оказался закрыт.

В то время Китай находился под японской оккупацией. Владыке Нестору приходилось налаживать контакты с оккупантами, тем самым защищая свою паству и местное население. В 1945 году советская армия освободила Китай (и русских эмигрантов) от японской оккупации — владыка Нестор приветствовал советскую армию от лица харбинских христиан. В этот же год он был назначен управляющим Харбинской епархией. Позже православные христиане Харбина очень тепло и с сыновьей любовью отзывались о владыке Несторе, отмечая его особую заботу и попечительство.

Перед самым отъездом в Россию, в 1948 году, владыку Нестора арестовали в Харбине.

Спустя 8 лет тюрьмы, в 1956 году, владыка Нестор назначается митрополитом Новосибирским и Барнаульским. Положение в епархии было крайне тяжелым: «Кляузы, жалобы, ссоры, злоба отчаяния». В одном из писем епископу Афанасию (Сахарову) владыка Нестор писал о Новосибирской епархии: «...скрываются священники-самозванцы, а также и миряне и женщины служат, причащают, крестят, мажут елеем и всяким маслом, отпевают. Много сектантов...»⁵.

Несмотря на преклонный возраст и множество болезней, владыка Нестор мужественно и ревностно нес архиерейское служение на Новосибирской кафедре. Оно выпало на возобновившиеся гонения со стороны советской власти. Постоянные проверки и слежка; запрет на строительство храмов; возмущение и озлобление самих православных христиан.

Митрополит Нестор часто писал патриарху Алексию, советуясь с ним по вопросам жизни епархии. В частности, наблюдалась острая нехватка священнослужителей. Нередко православные из далеких деревень просили владыку о назначении священнослужителя, так как они не могут приобщаться к таинствам Церкви.

В одном из своих письменных докладов Святейшему Патриарху Алексию владыка Нестор сообщал о необходимости открыть в Сибири духовную семинарию. К такому рассуждению владыку подвела нехватка священников: как писал митрополит Нестор, «...штат 14 стариков священников»⁶. Но, к сожалению, позволения приобрести здание под семинарию рядом с епархиальным управлением не последовало.

После недолгого служения на Новосибирской кафедре, 8 сентября 1958 года, Владыка был отправлен на покой. 4 ноября 1962 года митрополит Нестор скончался и был похоронен в Переделкине, в ограде храма патриаршего подворья Троице–Сергиевой Лавры.

Вкратце описать жизнь владыки очень трудно. Она полна трудностей, которые он преодолевал с мужеством, крепкой верой и помощью Божией. Каждый раз, перечитывая его жизнеописание, я все больше удивляюсь его непоколебимой стойкости. Он всегда был радо-

⁵ Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова), Т.2. – М. ПСТГУ, 2005. 575с., 391-394с.

⁶ Нестор, Митрополит Новосибирский и Барнаульский «Почтительный доклад» 24 ноября 1957г. Епархиальный архив.

стен, всегда в благодати Духа Святого, которая его врачевала и восполняла. Ею он делился и со своей паствой, ею он врачевал и смягчал души людей, укреплял их во время войны и гонений. Он проповедовал Благовестие всей своей жизнью.

И, возвращаясь к вопросу, заданному в начале, я с уверенностью могу сказать, что камчатский митрополит Нестор-«негр» является примером истинного пастыря, который «...душу свою полагал за овцы»⁷.

В результате можно сделать вывод, что жизнь и труды митрополита Нестора были уникальными не только для своего времени, но и показательны для православной миссии и пастырского служения в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Священное Писание Нового Завета. М., 2003 г.
2. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. / Авт.-сост. О.В. Косик. Т. 1. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. 575 с.
3. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова). В 2 т. / Авт.-сост. О.В. Косик. Т. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. 575 с.
4. Архивные документы Новосибирской Епархии за 1957-1958 гг.

⁷ Ин. 10,11

Агеев Иван Викторович

Студент 3 курса Новосибирской православной духовной семинарии

УЧЕНИЕ СЯТИТЕЛЯ КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКОГО О ЦЕРКВИ И ЕЕ ТАИНСТВАХ

Аннотация. В работе рассматривается учение святителя Кирилла Иерусалимского о Церкви и таинствах Церкви. Статья базируется на трудах святителя, его «Поучениях огласительных и тайноводственных». Реконструируется и осмысливается его богословский вклад.

Ключевые слова: Святитель Кирилл Иерусалимский, учение о Церкви, учение о таинствах.

Ageev Ivan Viktorovich

A 3rd-year student of Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

THE TEACHING OF ST. CYRIL OF JERUSALEM ON THE CHURCH AND ITS SACRAMENTS

Abstract. The work examines the teaching of St. Cyril of Jerusalem about the Church and the sacraments of the Church. The article is based on the works of the saint, his "Catechetical and Secret Teachings". His theological contribution is reconstructed and comprehended.

Keywords: St. Cyril of Jerusalem, the doctrine of the Church, the doctrine of the Sacraments.

В данной работе речь пойдет о Церкви и ее таинствах по творениям святителя Кирилла, епископа Иерусалимского.

Особую роль в раскрытии и разъяснении богословских истин сыграли Свв. Отцы IV века, среди которых следует особо назвать свт. Кирилла Иерусалимского. Святитель Кирилл известен нам как правящий архиерей святого града Иерусалима, ревностный пастырь и возделыватель виноградника Христова. В своих трудах он разъясняет смыслы таинств церковных и объясняет, что Церковь — тело Христово, которое пребывает здесь, на земле: именно в Церкви мы подлинно встречаемся со Христом в таинстве Евхаристии; вступить в общину верующих мы можем через таинство Крещения; в таинстве Миропомазания мы получаем печать дара Духа Святого.

Цель данной работы — в некоторой степени обобщить богословский опыт, касающийся Церкви и таинств путем решения следующих задач:

- рассмотреть житие свт. Кирилла Иерусалимского (IV век по Р.Х.) в контексте истории Древней Церкви;
- обобщить учение святителя Кирилла о Церкви и ее таинствах;
- сделать выводы о таинственной жизни Церкви.

Методология исследования включает в себя историко-критический метод и экзегетический метод толкования текста.

Святитель Кирилл родился в то время, когда закончились ужасающие гонения на Церковь императором Диоклетианом. Церковь восстанавливала свои силы для продолжения благовестия Евангелия Христова. Христианская Церковь прошла достаточно длинный путь: от малочисленной общины апостолов и их преемников до государственной религии, которую стали исповедовать большинство жителей Византийской империи.

Как известно, история христианской Церкви берёт свое начало в Сионской горнице. С момента схождения Духа Святого на апостолов начинается история благовестия евангельской истины всем людям. Главными проповедниками выступили апостолы — ученики Господа нашего Иисуса Христа, которым была дана благодать совершать таинства Крещения, Евхаристии и хиротонии.

В начале своего существования христианство виделось маленькой сектой внутри иудейства: все массовые восстания того времени списывались на заговор и подстрекательство христиан. В I веке пострадали практически все апостолы за исключением евангелиста Иоанна Богослова, который дожил до II века. К концу I века христианское благовестие трудами апостолов и их сподвижников территориально распространилось очень широко, но самих христиан было не так много. Даже ко времени Константина Великого они составляли не больше 10% всего населения Римской империи: христианство продолжало оставаться «малым стадом», гонимым меньшинством. Те отрывочные сведения, которые дошли к нам от ранней Церкви, прежде всего, говорят о Крещении и Евхаристии. Как и в апостольской общине в Иерусалиме, они остаются главными таинствами.

Для того чтобы понять, что же вынудило святителя Кирилла написать свои труды, попробуем разобраться в основных событиях IV века в истории Древней христианской Церкви, которые относятся ко времени жизни угодника Божия.

В 306 году императором Римской империи становится Константин I Великий (306-337). В начале своего правления Константин, как и все предыдущие императоры, был язычником. Во время войны, во сне, императору явился Сам Господь Иисус Христос и повелел начертать на щитах и знамёнах своего войска греческие буквы ХР (писатели конца IV в. называют эту монограмму «лабарум»), а на следующий день Константин увидел в небе видение креста и услышал голос, говорящий: «Сим победиши!» Это знамя привело Константина к победе в сражении у Мульвийского моста и обратило его к новой вере. В 313 году император издает закон о свободе вероисповедания, и христианство стало обретать статус государственной религии.

В 325 году проходит I Вселенский Собор в Никее, на котором было осуждено арианство и принят Никео-Цареградский Символ веры.

Под давлением императора Константина I масса восточного епископата подписала Никейский орос без достаточного внутреннего понимания и убеждения. Смирились пред волей Константина и открытые противники православной веры. Император Константин сильно разочаровался: иллюзия, что посредством Вселенского Собора он умиротворил Церковь и свою империю, не принесла желанного плода. На Западе просто не ощущали ни арианского яда, ни реальной цены никейского противоядия. Вскоре после Никейского собора умер епископ Александр Александрийский. Общим голосом народа без всяких споров в преемники ему был избран знаменитый диакон Афанасий, правая рука владыки Александра уже на I Вселенском Соборе. Будучи умным человеком, Афанасий одарен был еще и неукротимо твердой волей, не робевшей перед бедствиями: он был герой и монах-аскет. Враги Афанасия хорошо знали, что при жизни Константина трудно будет добиваться прямой отмены никейской веры, а потому повели свою антиникейскую и проарианскую борьбу против защитников Никей, «от них же первый» был епископ Афанасий.

Святитель Кирилл Иерусалимский — епископ Иерусалимской Церкви с 350 года по 386 год. Свт. Кирилл принадлежит к числу замечательнейших мужей христианской Церкви IV века.

Исторические известия о нем не очень обильны. Св. Кирилл родился в 315 году, но о месте рождения, его воспитании и способах образования его ничего достоверного не сохранилось. Его родители были людьми православными и благочестивыми. Предание сообщает, что у святителя была сестра. Ее сын, Геласий, занимал Палестинскую кафедру. В 335 году Кирилл стал диаконом, а в 346 году удостоивается сана пресвитера. Став священником, Кирилл начал выполнять свое послушание, которое на него возложил его правящий архиерей, а именно произнесение проповедей перед таинством Крещения для оглашенных. Здесь и открылся дар, которым Господь наградил своего служителя: Божественная благодать, которая «всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая» одарила его даром красноречия. Без какой-либо подготовки отец Кирилл произносил свои поучения.

К своему послушанию он отнесся с полной ответственностью. В 350 или 351 году, после смерти архиеп. Максима, он стал его преемником на Иерусалимской кафедре. Владыка Кирилл был миролюбивым, смиренным и кротким человеком, более занятым обучением пастырей, чем бесконечными богословскими спорами, которые вносили разлад в Церковь после Никейского собора. Начало епископского служения свт. Кирилла в 351 году было ознаменовано явлением на небе знамения креста Господня 7 мая, около 9 часов утра. Крест из света простирался от Голгофы до горы Елеон и на столько же в ширину. Сияние его превосходило солнечный свет и было видимо всеми в продолжение нескольких часов. Жители Иерусалима, пораженные изумлением и страхом, с женами и детьми спешили в церковь воздать славу Христу. Многие неверующие люди поспешили принять таинство Крещения. Необычайное событие явления креста описано, кроме некоторых церковных историков, и самим свт. Кириллом.

Святительское служение св. Кирилла было исполнено тревог и бедствий. Рукоположивший его митрополит Акакий был арианином и, чтобы дискредитировать владыку, начал унижать его и его кафедру. Однако владыка Кирилл всегда заботился о возвышении Иерусалимской кафедры. Акакий хотел поставить на Иерусалимскую кафедру более послушного приемника, чем Кирилл, но для этого был нужен удобный случай для созыва собора и смещения святителя с кафедры.

Вскоре в Иерусалиме начался голод, который обретал более широкие масштабы. Этим бедствием Господь укреплял веру своего верного раба и хотел прославить его. Иерусалимская кафедра и ее глава не остались в стороне: владыка открывает социальную программу помощи в бедствии, первой в ход идет казна Иерусалимской кафедры. Раздав все деньги, владыка навлекает на себя недовольство соседних епископов. Понимая, что бедствие не кончилось, святитель начал продавать лишние церковные сосуды на рынках и базарах.

Какой-то гражданин увидел на актрисе одну из тех вещей, которые он пожертвовал в Иерусалимскую церковь, узнал от нее, что она приобрела вещь у купца, а купец сообщил ему, что вещь продана ему свт. Кириллом. Это обстоятельство дало Аაკию возможность обвинять св. Кирилла в растрате церковной собственности. В качестве местного митрополита Акакий собрал собор из подвластных ему епископов и заставил их объявить свт. Кирилла низложенным с кафедры.

Иерусалимский святитель принужден был покинуть и кафедру, и свой родной город. Он удалился сначала в Антиохию, а потом в Тарс. Местный епископ Силуан принял его с глубоким уважением и дал приют изгнаннику. Акакий, однако же, не успокоился на этом: он написал, что владыке Силуану не стоит держать у себя изгнанника и иметь с ним какое-либо

общение. Прочитав письмо и видев святость жизни святого Кирилла, Силуан все же оставил в гостях Иерусалимского первоиерарха.

В 359 году состоялся Селевкийский собор, на котором владыка Кирилл был восстановлен на кафедре. Владыка вновь вернулся в свой город в царствование Юлиана, преемника арианина Констанция.

Император Юлиан, язычник, приказал построить заново в Иерусалиме древний иудейский храм. Приказ был отдан для посрамления христиан перед иудеями. Свт. Кирилл же предвидел, что храму не суждено быть восстановленным. Кирилл Иерусалимский многим возвещал, что наступает такое время, когда в иудейском храме не останется камня на камне и исполнится предсказание Христа Спасителя. Слова владыки оправдалось во всей точности. «В одну ночь сильное землетрясение извергло камни древних оснований храма», причем пострадали и рядом стоявшие здания; иудеи пришли в ужас. Так христианская вера вновь восторжествовала, а Юлиан и его замысел были посрамлены.

В 367 году, в царствование императора Валента, святитель вновь был изгнан. Через 12 лет, в 379 году, владыка вновь вернулся на кафедру, но пробыл на ней всего 7 лет. В 381 году свт. Кирилл вместе с другими защитниками православной веры заседал на Втором Вселенском соборе в Константинополе. Иерусалимская Церковь была названа «матерью всех церквей». После Вселенского Собора владыка прожил недолго. Он скончался 18 марта 386 года, пробыв епископом 35 лет, из них 16 проведя в ссылке.

В конце II и в III веке подготовка к Крещению приобретает более определенный характер. Готовящемуся приступить к таинству Крещения необходимо было прийти к епископу и исповедать ему свое желание стать членом Церкви. Епископ собирал сведения о нравственных качествах его души, поведении в семейной и общественной жизни и заносил его имя в церковный «катастикс» (книгу). В этой книге содержался список оглашенных и членов общины. Оглашенные могли присутствовать на богослужении, однако во время литургии, после чтения Евангелия и проповеди, они должны были выходить из храма. Желаящие принять христианское крещение проводили время в посте и молитвах и ежедневно посещали богослужения, каясь в своих грехах. Крещение совершалось в Великую Субботу. Современное пасхальное богослужение содержит в себе элемент, сохранившийся с тех времен: наш ночной крестный ход был в те времена ходом вокруг храма новокрещенных, облаченных в белые одежды и держащих горящие свечи. Последование таинства в описываемый период уже включало в себя упоминание о сочетании Христу (ставшее позже частью таинства) и чтение Никео-Цареградского Символа веры. Начиная с конца II века, епископы посвящали на особое служение в Церкви так называемых экзорцистов. Посвященные на это служение читали заклинательные молитвы, в которых именем Божиим запрещалось нечистым духам приближаться к новокрещенному. После заклинательных молитв человек, принимающий Крещение, отрекался от сатаны и свидетельствовал свое сознательное сочетание Христу. В отличие от современного чина, где отрицание от сатаны совершается три раза, в этот период оно повторялось пятнадцать раз. О практике освящения воды для совершения таинства Крещения в Греческой Церкви также упоминается со II-III веков.

В IV-V веках приступающие ко Крещению исповедовали свою веру «в слова точных и определенных, по установленной форме, при этом громко, во всеуслышание, с места возвышенного, в присутствии верующих». Блаженный Августин свидетельствует, что такой обычай существовал в его время в Риме. Тогда же утвердился обычай крестить по преимуществу взрослых с целью осознанного принятия ими таинства. Но в то же время 124-е правило Карфагенского собора (419 г.) анафематствует тех, кто отвергает необходимость Крещения младенцев, в котором последние освобождаются от первородного греха. Со времени Кон-

стантина Великого совершение таинства Крещения из естественных водоемов переместилось в баптистерии (специально устраиваемые при храмах бассейны). Непосредственно после погружения пресвитер помазывал чело крещаемого елеем и облакал его в белые одежды — символ чистоты и праведности, полученные им в таинстве. На крещенного надевали нательный крест. После Крещения новопросвещенного причащали Святых Тайн. Тяжелобольных и находящихся в заключении крестили через обливание или окропление. В IV веке таинство Крещения и Миропомазания распространяются несмотря на запреты их совершения над людьми, которые желают их принять. В таинстве Крещения появляются молитвы, которые дошли до нас и доныне и теперь входят в состав чинопоследования. Великое дело — предстоящее крещение, оно — искупление пленным, оставление прегрешений, смерть греха, обновление души, светлое одеяние, святая нерушимая печать, колесница на небо, райское наслаждение, предуготование Царствия, дарование усыновления.

О практике оглашения в Иерусалимской Церкви известная паломница Этерия (Эгерия) пишет вот что: оглашаемые делились на 2 разряда — тех, кто еще не определился со временем крещения, и тех, кто уже решился креститься на ближайшую Пасху. Последние записывали свои имена за 8 недель до Пасхи, и, испытав свидетельства о них, епископ включал их в число просвещаемых. Затем на протяжении 40 дней поста над просвещаемыми ежедневно произносились экзорцизмы. По прошествии определенного времени просвещаемые «получали Символ веры». Собственно, чин Крещения во времена Кирилла описан в «Тайноводственных поучениях» — причем независимо от решения вопроса об их авторстве, поскольку, даже если они принадлежат не Кириллу, а его преемнику, описанная в них практика представляет аутентичную картину иерусалимского чина последней трети IV в. Крещению предшествовал чин отречения от сатаны, совершавшийся в преддверии храма. 1-е тайноводственное поучение Кирилла практически полностью посвящено объяснению этого чина. Затем, после перехода во «внутренний притвор», крещаемые снимали с себя одежду и помазывались специальным елеем, «елеем экзорцизма», после чего их вели к крещальной купели, где после исповедания веры — «во имя Отца и Сына и Святого Духа» (скорее всего, это исповедание нельзя отождествлять с той проверкой знания Символа веры, о которой говорит Этерия) — они «погружались троекратно в воду, и вновь из воды появлялись». За крещением следовало помазание св. миром, которое Кирилл называет «елеем радости». Описанный иерусалимский порядок крещения, обладая сходством с константинопольским, принятым в настоящее время повсюду в Православной Церкви, имеет с ним достаточно существенные различия: в последнем «елеем радования» считается предкрещальный елей, а исповедание веры происходит не между помазанием и погружением в воду, а до освящения воды. Крещение и миропомазание увенчивала евхаристическая литургия.

В III и IV веках чин Миропомазания достигает своего полного развития и складывается из тех элементов, какие в него входят и в настоящее время: помазание святым миром (с произнесением слов: «Печать дара Духа Святаго. Аминь»), соединенное с молитвой и крестным знаменем, которое называлось печатью.

Евхаристическая молитва в раннехристианский период всегда завершалась так называемой эпиклезой — молитвой призывания Духа Святого на предложенные Дары. Впоследствии эта молитва сохранилась лишь в Восточной Церкви. В конце средних веков по этому поводу возникла полемика с латинской Церковью, носившая чисто схоластический характер. Западные богословы утверждали, что преложение свв. Даров осуществляется «установительными словами», то есть словами, произнесенными Господом во время Тайной Вечери: «Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов... Пиите от нея вси, сия есть кровь Моя нового завета, еже за вы изливаемая во оставление грехов».

Введение в употребление лжицы в VII веке было вызвано соображениями предосторожности. Церковь посещали огромные толпы людей, в большинстве своем невежественных и страдающих предрассудками. Это давало серьезные основания опасаться, что освященные Дары могут стать объектами злоупотребления или небрежности. Необходимо было каким-то образом защитить таинства от использования не по назначению, поэтому обычай получения Причастия в руки был упразднен. Нужно заметить, что духовенство по сей день принимает Причастие в руки и отдельно от мирян.

Святителю Кириллу Иерусалимскому общепризнанно принадлежат следующие труды:

- 18 огласительных слов («Поучения огласительные»);
- 5 тайноводственных слов («Тайноводственные поучения»).

Также руке святителя приписываются:

- «Беседа о расслабленном при купели» (345 год);
- «Послание к царю Констанцию о явившемся на небесах знамени креста»;
- Слово на Сретение Господа нашего и Спасителя.

В труде «Поучения огласительные» святитель дает толкование на Символ православной веры. «Тайноводственные поучения» святителя Кирилла истолковывают обряды совершения и смысл таинств Крещения, Миропомазания, Елеосвящения, Евхаристии и проч. Обладавшие огромной популярностью, «Огласительные поучения» святителя Кирилла были переведены на все основные языки христианского Востока, включая сирийский, армянский, грузинский, коптский, арабский.

Как пишет в своей работе протоиерей Василий Мезенцев, главными творениям Св. Кирилла являются «Катехизические беседы», которые состоят из 1-ого предогласительного слова, 18-ти огласительных и 5-ти тайноводственных. Они впервые были произнесены в 348 году в Иерусалимском храме Воскресения для готовившихся принять крещение в пасхальный праздник. Каждое слово предварялось чтением мест Священного Писания, выбранных в соответствии с содержанием слова.

По мысли Н. Сагарды, в основу огласительных слов положен древний символ Иерусалимской Церкви; но в истолковании его сообразно с целью ознакомить просвещаемых прежде всего с тем, что им предстоит пережить и принять при самом вступлении в Церковь, — члены о покаянии и крещении раскрываются прежде других членов Символа веры. Никейский Символ веры был новым и неизвестным документом, для понимания которого нужно было уяснить его смысл и толкование. В труде «Поучения огласительные» святитель и делает попытку написать такое толкование. Таким образом, содержание огласительных и тайноводственных слов св. Кирилла в следующем кратком пересказе представляется так: предогласительное слово разъясняет готовящимся ко крещению превосходство нового состояния человека после крещения и соединенные с ним обязанности и указывает, как они должны проводить время до крещения, подготавливаясь к достойному принятию его.

I слово: призыв ко крещению. Крещение для тех, кто истинно поверил в Господа и признал его своим Спасителем.

II слово: необходимость покаяния в грехах. Покаяние способно настроить человека на борьбу против греха и дьявола. Для того чтобы человек мог вести эту борьбу, ему нужно средство. Что же это за средство?

III слово: крещение — это средство, благодаря которому человек способен вести борьбу с грехом.

IV слово: начинается объяснение Символа православной веры.

V слово: святитель Кирилл объясняет смысл слова «верую». Владыка советует оглашенным заучить Символ веры.

VI слово: владыка рассказывает о единстве Бога. Эта речь направлена готовящимся ко крещению для того, чтобы они могли различить, где истина, а где ересь.

VII слово: объясняется, что Бог Отец — Родитель Иисуса Христа.

VIII слово: изъясняет термин «Вседержитель», опровергает язычников, иудеев и тех из еретиков, которые признавали два начала в мире и считали всякое богатство собственностью дьявола, и раскрывает учение о Божественном Промысле, власти и господстве, распространяющихся на всё в мире.

IX слово: учение о Боге как о Творце и Устроителе всего видимого и невидимого мира.

X, XI слова: излагается II член Символа веры

XII слово: защищается истинность воплощения против заблуждений иудеев и еретиков; излагаются причины воплощения Сына Божия и изображаются обстоятельства его, предсказанные пророками, место, время и другие подробности рождения, особенно факт рождения от Девы.

XIII слово: искупительный подвиг Спасителя нашего на Кресте. Святитель говорит, что страдания Господа на Кресте суть исполнение ветхозаветных пророчеств.

XIV слово: Воскресение Иисуса Христа, Вознесение на небо, сидение одесную Бога Отца.

XV Слово: о Втором Его Пришествии, предшествующих и сопровождающих его знамениях, описывается всемирный Суд и утверждается вечность Царства Христова.

XVI, XVII слова: содержат изложение учения о Святом Духе, Его Божестве и благодатной деятельности в мире.

XVIII слово: защищается воскресение тела против учения язычников, самарян и еретиков и описываются свойства воскресших тел. Затем святитель говорит о Церкви, ее основании, ее признаках, ее имени и достоинстве и, наконец, о вечной жизни, которая предлагается в Церкви всем познавшим истину и живущим праведно, и о многообразных путях к наследованию этой жизни, дарованных в Церкви людям от Бога по Его бесконечной благодати.

В пяти тайноводственных словах новопросвещенным объясняются три таинства, которых они перед этим удостоились: Крещение, Миропомазание и Причащение.

В первом слове св. Кирилл раскрывает символическое значение тех обрядов, которые предшествуют крещению и совершались в преддверии баптистерия, именно — отрицания сатаны и всех дел его, гордыни и служения дьяволу и сочетания со Христом через краткое исповедание веры во Св. Троицу и в Крещение.

Второе слово объясняет таинственное значение и благодатную силу действий, совершаемых уже при самом крещении: отложения одежды, помазания освященным елеем, нового исповедания веры и троекратного погружения.

В третьем тайноводстве проповедник говорит о миропомазании, совершавшемся непосредственно после крещения, указывает начало его в сошествии Св. Духа на Иисуса Христа при крещении, объясняет его внутреннее значение, внешний образ совершения и прообразы в Ветхом Завете.

Два последние тайноводственных слова объясняют таинство Евхаристии. Четвертое слово говорит о сущности этого таинства, его элементах и таинственном действии, указывает его ветхозаветные прообразы. Главная цель этого слова — утвердить слушателей в том, что хлеб и вино в Евхаристии истинно прелагаются в Тело и Кровь Иисуса Христа, хотя вид хлеба и вина и остается.

В пятом слове излагается с необходимыми объяснениями порядок совершения литургии верных: умовение рук священнослужителем, целование мира, «горе имеем сердца», молитва благодарения и освящения Даров, поминовение живых и умерших, молитва Господня (с объяснением каждого ее прошения), «Святая святым», причащение Тела и Крови Господней и благодарение.

Как и все греческие отцы, св. Кирилл понимает крещение как нечто большее, чем просто оставление грехов. Уничтожив власть смерти своей смертью и Воскресением, Христос вывел человечество из плена смерти, незаконно захватившей власть над человеческой природой. Приобщаясь через крещение страданиям Христа, мы приобщаемся этой победе: «Никто да не думает, что крещение есть благодать оставления только грехов, ... как Иоанново крещение давало только отпущение грехов. Напротив, мы точно знаем, что оно как служит очищением грехов и сообщает дар Св. Духа. Так бывает и верным изображением Христовых страданий. Посему то и Павел, недавно взывая, сказал; "Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть..." (Римл. 6:3,4)... Посему да познаем, что все, что ни претерпел Христос, пострадал Он ради нас и нашего ради спасения на самом деле, а не в воображении, и мы делаемся причастниками Его страданий... Во Христе истинная была смерть, душа Его действительно разлучилась с телом, и погребение было истинное... Но в нас смерти и страданий одно подобие, спасение же не подобие, а самая действительность. Крещаемый во имя Христа погружается вместе с Ним в Иорданские воды, получает власть над грехом и сподобляется сошествия Святого Духа» [о]. Эту мысль мы находим у свт. Кирилла Иерусалимского, наставлявшего оглашаемых: «Крещение прославлено для тебя Самим Единородным Сыном Божиим. <...> Крестился же Он не для того, чтобы получить прощение грехов, (ибо Он был безгрешен), но будучи безгрешным, крестился для того, дабы крещаемым даровать Божественную благодать и славу. По словам Иова, в водах был дракон, могший поглотить Иордан. Итак, поелику надлежало сокрушить главы дракона, Он, нисшедши в воды, связал сильного, дабы мы получили от Него власть наступать на змиев и скорпионов. Притекла жизнь, дабы наконец прекратилось действие смерти; дабы все мы, быв спасены, могли сказать: "Смерть! где твое жало? Ад! Где твоя победа?" (1Кор.15:55). Крещением притупляется жало смерти» [о].

В «Тайноводственных поучениях» крещальное водоосвящение не упоминается, но в «Огласительных поучениях» Кирилл говорит о нем в следующих выражениях: «Приступи ко крещению не так, как к воде простой, но как к духовной благодати, с водою даруемой. Ибо как приносимое в жертву, простое по природе, оскверняется через призывание идолов, так напротив, простая вода, получив силу от призывания Святого Духа и Христа и Отца, делается святой». Свт. Кирилл подчеркивает и особую святость крещального мира: «Святое мироздание, по призывании Святого Духа, не простое уже, или, как бы сказал иной, обыкновенное мироздание, но дарование Христа и Духа Святого, от присутствия божества Его соделавшееся действенным».

Как указывает прот. Иоанн Мейендорф, св. Кирилл, размышляя о смысле таинства Миропомазания, устанавливает связь между «помазать» и «христианин». Быть христианином означает быть помазанником, означает приобщение к помазанию ветхозаветных царей, священников и, наконец, самого Христа: «Во Христа крестившись и во Христа облекшись, со-

делались вы сообразными Сыну Божию. Потому что Бог, предопределивший нас в усыновление, соделал нас сообразными славному телу Христа. Посему, став причастниками Христовыми, справедливо называетесь помазанными... Помазанными же соделались вы, приняв изображающее Святого Духа. И все над вами совершено в образе, потому что вы образ Христов, Как Христос, омывшись в реке Иордане и сообщив водам благоухание Божества, вышел из вод, и было на Него существенное наитие Духа Святого (потому что подобное почивает на подобном), так подобно и вам, исшедшим из купели священных вод, дано миропомазание, изображающее собою то же самое, чем помазан Христос. А это есть Дух Святой... Ибо Христос не от человека и не елеем или миром телесным был помазан, но Отец, предопределивший Ему быть Спасителем целого мира, помазал Его Духом Святым... И как Христос действительно был распят, и погребен, и воскрес, а вы сподобились в крещении уподобительно быть с Ним распятыми и погребенными и воскреснуть, так и в рассуждении миропомазания: Он помазан духовным елеем радости, то есть Духом Святым, который именуется елеем радости, потому что есть причина духовного радования, а вы, приобщившись Христу и став Его причастниками, помазаны миром. В замечательном описании евхаристии Кирилл говорит, что для преложения св. Даров существенно призывание Св. Духа: Потом ... умоляем человеколюбца Бога ниспослать Святого Духа на предлежащие дары, да сотворит Он хлеб телом Христовым, а вино кровию Христовой. Ибо без сомнения, чего коснется Св. Дух, то освящается и прелгается» [о].

Поводом для написания толкования таинства Евхаристии послужили случаи грубого своевольного искажения некоторыми епископами и священниками литургических текстов и уклонения в различные ереси после дарования христианам в 313 году свободы вероисповедания. Святитель Кирилл, как известно, был предстоятелем Иерусалимской Церкви и, пользуясь авторитетом Иерусалимской кафедры, в письменной форме писал верным чадам Христовой Церкви объяснения о таинстве Причащения, чтобы те не впадали в ереси, которые создавали епископы, не понимавшие истинного значения и смысла таинства для верных. Приведенный ниже текст из св. Кирилла часто цитировался как доказательство того, что в ранней Церкви преложение св. Даров связывалось с призыванием Духа Святого. Такое призывание есть и в нашей литургии. Вся евхаристическая молитва, начиная со слов «Благодарим Господа...», имеет троичный характер: она адресована Отцу через Христа в Духе Святом и составляет единое целое. Нельзя сказать, что преложение св. Даров совершается в какой-то определенный момент этой молитвы. Оно достигается молитвой всей Церкви к св. Троице и без призывания Св. Духа (причем не только на хлеб и вино, но на всю Церковь) эта молитва становится неполной, теряет свой троичный характер. И сам св. Кирилл в другой своей проповеди утверждает то же самое: «Хлеб и вино евхаристии до святого призывания ... Троицы были простым хлебом и простым вином, а по совершении призывания хлеб делается телом Христовым, а вино кровию Христовой» [о]. В сочинениях св. Кирилла содержится также важный комментарий на молитву Господню. Особенно интересно его толкование прошения о хлебе насущном: «Хлеб обыкновенный не есть насущный, а сей святой хлеб есть насущный, то есть имеющий действие на сущность души. Сей хлеб не во чрево вмещается и потом выходит из него, но сообщается всему твоему составу, к пользе души и тела. А слово "днесь" употреблено вместо "ежедневно", как и Павел сказал: «...заставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить "ныне"» (Евр. 3, 13)» [о].

«Насущный» по-гречески $\pi\tau\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$, то есть буквально «надсущный» или «сверхсущный». Св. Кирилл считает, что этот хлеб, «...имеющий действие на сущность души», есть не что иное, как Евхаристия. Здесь же мы узнаем, что во времена Кирилла люди принимали причастие не из лжицы (ложечки), но прямо в руки: «Посему, приступая, не с разжатыми дланями рук, не с распростертыми перстами подходи, но левую соделав престолом для пра-

вой... и согнув длань, прими тело Христово и скажи при сем: аминь. Потом, с осторожностью освятив очи прикосновением святого тела, приобщись, внимательно наблюдая, чтобы от него не утратить чего-либо. Ибо, если утратишь что, лишишься как бы собственного своего члена... После того, как приобщись тела Христова, приступи и к чаше с кровию не с распростертыми руками, но в согбенном положении с поклоном и чувством, говоря: аминь, освятишь, причащаясь и крови Христовой. И пока еще на губах твоих остается влажность, прикасаясь руками, освяти и очи, и чело, и прочие орудия чувств. Потом, дождавшись молитвы, благодари Бога, который сподобил тебя толиких тайн» [о].

Учение святителя Кирилла Иерусалимского о Церкви, содержащееся в его писаниях, сохраняет непреходящую важность. «Церковь, - учил святитель Кирилл, - называется соборной (кафолической), потому что она в целой вселенной от пределов земли до пределов ее и по тому что во всеобщности и без всякого опущения преподает все, долженствующее входить в состав человеческого ведения, догматы о видимом и невидимом, о небесном земном; еще потому, что подчиняет благочестию весь человеческий род, и начальников и подначальных, ученых и неученых, наконец потому, что, как повсеместно врачует и исцеляет она всякого рода грехи, совершенные душою и телом; так в ней же приобретает все именное добродетелью какого бы то ни было рода — и в делах, и в словах, и во всяком духовном даровании» [о].

Действие Святого Духа в Церкви св. Кирилл связывает с разнообразием людей, ей принадлежащих, и с великим множеством даров Духа, распределенных между ними: «Велик, всемогущен и чуден в дарованиях Дух Святой. Сочти, сколько вас теперь, какое здесь число душ. Каждому на пользу действует Он, и, пребывая посреди нас, видит нрав каждого, видит и помысел и совет, и что говорим, и что думаем. Велико подлинно сказанное нами, но и сего еще мало. Ибо вникни ты, чей ум просвещен уже Духом, сколько христиан во всей этой пастве, сколько их во всей Палестине, и от сей области простришь мыслью ко всему Римскому царству, а от него обрати взор на целый мир, на племена персов, на индийские народы, на готов, на сарматов, галлов, испанцев, мавров, ливиян, эфиопов и на прочие неизвестные нам и по имени племена, потому что многие из них остаются у нас без наименования. И у каждого народа обрати внимание на епископов, на пресвитеров, на диаконов, на монашествующих, на дев и на прочих мирян. И представь себе великого Снабдителя дарований, который в целом мире дает кому чистоту, кому всегдашнее девство, кому милосердие, кому нестяжательность, кому силу изгонять сопротивных духов. Как свет одним своим лучом все озаряет, так и Святой Дух просвещает имеющих очи. Ибо если кто, слепотствуя, не бывает сподоблен благодати, то пусть укоряет в том не Духа, но свое неверие» [о].

В этом отрывке св. Кирилл явно указывает на схождение Духа в Пятидесятницу. Дух Святой всегда приходит лично к каждому из нас. В присутствии Святого Духа сборище людей, толпа превращается в осмысленное собрание — Церковь. Различие дарований служит не к разделению, но к единству. Быть разными — великое благо, и Церковь освящает и воссоединяет людей и народы во всем их разнообразии.

Значение трудов святителя в православном богослужении велико. Последования различных богослужений во времена епископства владыки Кирилла зафиксировала в своих заметках Этерия. По ее словам, «...приятнее всего и наиболее примечательно здесь то, что всегда как песни, так и антифоны и чтения, а также и молитвы, произносимые епископом, читаются так, что всегда оказываются приспособленными и подходящими ко дню, который празднуется, и к месту, где совершается служба». Так же Этерия отмечает, что епископ Кирилл ввел в своей епархии систему богослужебных чтений, которые тщательно выбирались под праздник, который будет отмечаться. В ночь на Страстную Пятницу, пишет Этерия, народ,

клир во главе с епископом обходили места, которые связаны с последними днями из жизни нашего Спасителя.

Оказавшись одним из первых епископов Иерусалимской Церкви после возрождения города в IV в. и фактически основателем ее обновленной литургической традиции, святитель Кирилл первоначально стал почитаться святым именно в этом контексте. Из жития видно, что святитель показал себя ревностным пастырем, который душу свою положил за овец своих, как и заповедал нам Христос в Евангелии. Владыка мудро противостоял арианской ереси. За правду и стремление спасти людей вверенного ему престольного града Иерусалима от голода, владыка Кирилл неоднократно изгонялся из города и лишался своей кафедры. Но Господь прославил своего верного служителя даром красноречия. Из уст святителя вышли известные труды, которые могут использовать современные священнослужители при подготовке к огласительным беседам к святому таинству Крещения.

Важно сказать, что катехизические беседы были произнесены святителем без какой-либо подготовки и записаны одним из его слушателей. Достоинство этих бесед заключается в том, что они емкие, краткие, написаны на простом языке. Из текста видно, что святитель произносил их с большой отеческой любовью, порой с пренебрежением структурой, но за этим скрывается великое искусство педагога и архипастырская любовь к своей пастве. Подчас трудные догматические истины, на которых нередко спотыкались иные иерархи Церкви, преподносятся просто, без лишнего мудрования и сложности. Этим святитель хотел донести до своего слушателя, да и до нас, простоту, открытость и глубину православной веры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поучения огласительные и тайноводственные / Святитель Кирилл, архиепископ Иерусалимский. Москва: Благовест, 2010. 349, [1] с. Цит. по: Святитель Кирилл Иерусалимский. Тайноводственные поучения [Электронный ресурс] // Азбука.ру [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kirill_Ierusalimskij/tajnovodstvennyye-pouchenija/ (05.01.2022).
2. Мезенцев В., прот. Патрология [Электронный ресурс] // Азбука.ру [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Patrologija/patrologija/2_2_3 (05.01.2022).
3. Лекции по патрологии, I-IV века : пособие по курсу патрологии для духов. учеб. заведений Рус. Православ. Церкви / Н. И. Сагарда. - М.: Изд. Совет Рус. Православ. Церкви, 2004. — XLIV, 752 с. Цит по: Николай Иванович Сагарда. Лекции по патрологии I-IV века [Электронный ресурс] // Азбука.ру [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Sagarda/lektsii-ro-patrologii-1-4-veka/ (05.01.2022).
4. Лебедев А.П., проф. Краткие сведения о св. Кирилле архиепископе Иерусалимском // Творения иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Иерусалимского. — Издание второе. Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой. Цит. по: А.П. Лебедев, проф. Краткие сведения о св. Кирилле архиепископе Иерусалимском века [Электронный ресурс] // Азбука.ру [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Lebedev/kratkie-svedenija-o-sv-kirille-arhiepiskope-ierusalimskom/ (05.01.2022).
5. Введение в святоотеческое богословие: конспекты лекций / Иоанн Мейендорф. Минск: «Лучи Софии», 2007. 384 с. Цит по: протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие [Электронный ресурс] // Азбука.ру [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/vvedenie-v-svjatootcheskoe-bogoslovie/ (05.01.2022).

Егоров Арсений Александрович

Студент Новосибирской православной духовной семинарии

«ДИДАХИ» КАК ДРЕВНЕЙШИЙ КАТЕХИЗИС

Аннотация. «Дидахи» как древнейший христианский источник может служить пособием для изучения жизни Древней Церкви. В том числе по этому источнику можно судить о том, как веровали древние христиане. В работе рассматривается этот памятник в веруочительном аспекте.

Ключевые слова: «Дидахи», катехизис, история Древней Церкви.

Egorov Arseniy Alexandrovich

Student of Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

"DIDACHE" AS THE OLDEST CATECHISM

Abstract. "Didache" as the oldest Christian source can serve as a guide for studying the life of the Ancient Church. In particular, this source can be used to judge how the Ancient Christians believed. The work considers this artifact in the religious aspect.

Keywords: "Didache", catechism, history of the Ancient Church.

Для чего мы изучаем «Дидахи»? С точки зрения церковной истории, это произведение является одним из древнейших, и благодаря этому мы можем приблизиться к мышлению того времени, взглянуть на деятельность и кругозор людей I-II веков, развитие православия от самых истоков. А если посмотреть со стороны догматики, то оно является началом письменного наставления апостолов, в том числе обрядовой стороны христианства.

Книга «Дидахи» — один из древнейших памятников христианской литературы. Написанная, вероятно, в Сирии в первой половине второго века после Рождества Христова, она всегда пользовалась большим уважением среди христиан. Содержит она краткие наставления апостолов и их ближайших преемников, которые устно сохранялись в разных христианских общинах. Кто-то заботливо собрал, систематизировал и записал эти наставления с целью сохранить их для будущих поколений. В Древней Церкви книга «Дидахи» часто употреблялась в ходе подготовки оглашенных к таинству Крещения.

Хотя «Дидахи» в итоге не вошла в официальный канон священных книг (за исключением непродолжительного периода времени), некоторые отцы Древней Церкви приравнивали ее к Священному Писанию. На сегодняшний день данная книга также не входит в состав канонических книг Писания. Опираясь на нее догматически можно, но лишь частично, потому что в ходе существования христианства в канонах Церкви произошло немало перемен. Поэтому при обращении к «Наставлению святых апостолов» необходимо опираться на современное состояние православной догматики.

На памятник ссылались Евсевий Кесарийский, свт. Афанасий Великий и другие древние христианские писатели. Евсевий Кесарийский упоминает «так называемые Учения апостолов». Выражение «так называемые» может указывать на сомнения или в апостольском происхождении сочинения, или в правильности названия. «Дидахи» дважды упоминается в творениях Дидима Слепца, обнаруженных в Туре. Дидим, вероятно, вслед за свт. Афанасием называет «Дидахи» «книгой катехизиса апостолов».

В Новое время текст его стал известен только благодаря находке митрополита Никомедийского Филофея (Вриенниоса), который обнаружил список «Дидахи» XI в. в 1873 г. в библиотеке Иерусалимского Свято-Гробского подворья в Константинополе. Оно находилось в греческой рукописи Hierusolymitanus 54, написанной в 1056 г. нотарием Львом (протограф восходит к 4-5 векам). Эта находка вызвала целое научное движение и сопровождалась жаркими спорами. Причем все вероисповедания пытались опереться на этот древнейший памятник первохристианской эпохи. Первоначально был сделан вывод, что книга относится к апостольскому времени, вернее, к рубежу I-II вв. Сейчас за истинную принимается более поздняя датировка — первая половина II в., хотя окончательно вопрос так и не решён.

Наиболее вероятным местом происхождения «Дидахи» является либо Египет, либо регион Сирии-Палестины. В пользу Египта говорит то, что там зафиксировано первое использование «Дидахи» (Климентом Александрийским, хотя цитаты в «Дидаскалии апостолов» опровергают этот аргумент) и что оттуда происходят самые ранние письменные источники (оксиринхский папирус и коптский перевод). На александрийскую традицию может указывать употребление слова κλῆσις (Didache 9,4) и заключительное славословие молитвы «Отче наш» (Didache 8,2), приведенное в форме, известной по коптским рукописям, а также широкое употребление «Дидахи» александрийскими авторами III-IV вв.

Разбор «Дидахи», в частности, дан в трудах следующих учёных: К.Е. Скурат («Воспоминания. Труды по патрологии» (I-V века), А.И. Сидорова (учебник бакалавра теологии «Патрология»), П.К. Доброцветова (учебник бакалавра теологии «Святые Отцы и читатели Церкви»), А.А. Ткаченко (Православная Энциклопедия).

В составе «Дидахи» можно выделить 3 главные части:

1. Первая часть (1-6 глл) содержит нравственное учение о «двух путях» (пути порока и пути добродетели);
2. Вторая часть (7-10 глл) — литургическая;
3. Третья часть (11-16 глл) посвящена вопросам церковной дисциплины.

Глава I

«Есть два пути: один - жизни и один - смерти; велико же различие между обоими путями.

И вот путь жизни: во-первых, возлюби Бога, создавшего тебя, во-вторых, ближнего своего, как самого себя, и не делай ничего другому, чего ты не желал бы, чтобы случилось с тобою. Учение же этих заповедей таково: благословляйте проклинающих вас и молитесь за врагов ваших, поститесь за тех, которые преследуют вас; ибо какая благодать, если вы любите любящих вас? Разве и язычники не делают того же? Вы же любите ненавидящих вас, и не будет у вас врага.

Воздерживайтесь от плотских и телесных похотей. Если кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую, и будешь совершен. Если кто отнимет у тебя верхнюю одежду, отдай ему и нижнюю. Если кто возьмет у тебя что-либо твоё, не требуй назад, ибо ты не можешь. Всякому просящему у тебя давай и не требуй назад, ибо Отец хочет, чтобы всем было раздаваемо от даров каждого. Блажен дающий по заповеди, ибо он неповинен. Горе тому, кто берет! Ибо если он берет, имея в том нужду, то он неповинен; а неимеющий нужды даст отчет, зачем и на что он взял и, подвергшись заключению, будет спрошен о том, что он сделал и не выйдет оттуда до тех пор, пока не заплатит последнего кодранта. Впрочем, об этом сказано еще так: пусть запотеет милостыня твоя в руках твоих, прежде чем ты узнаешь, кому даешь».

Итак, первая глава говорит нам о том, что есть два пути: жизни и смерти. Чтобы люди могли пойти по пути жизни, им нужно любить Бога, близких и не делать ничего плохого против окружающих; молиться за своих врагов; быть милостивым к просящим и нуждающимся и по возможности делиться тем, что есть у тебя. Чтобы не пойти по пути смерти, нужно соблюсти хотя бы эти критерии.

Глава II

«Не убивай, не прелюбодействуй, не развращай детей, не предавайся блуду, не воруй, не занимайся волхвованием; не составляй яда, не умерщвляй младенца во чреве и по рождению не убивай его. Не пожелай того, что принадлежит ближнему твоему, не преступай клятвы, не лжесвидетельствуй, не злословь, не помни зла. Не будь двоедушен, ни двуязычен, ибо двуязычие есть сеть смерти. Да не будет слово твоё пусто, но да будет оно согласно с делом. Не будь алчен, или хищник, или лицемерен, или коварен, или надменен. Не злоумышляй против ближнего своего. Никого не возненавидь, но одних обличай, за других молись, иных же возлюби свыше души своей».

Во второй главе нас учат о грехах. Здесь перечислены лишь некоторые «ошибки человека» (грехи), которых, конечно, гораздо больше. По моему мнению, они все направлены на отношение к окружающим нас людям.

Глава III

«Чадó моё! Убегай от всякого зла и от всего подобного ему. Не отдавайся гневу, ибо гнев ведет к убийству. Не будь вспыльчив, ни сварлив, ни страстен, ибо все это порождает убийства. Чадó моё! не будь похотлив, ибо похоть ведет к блуду. Воздерживайся от непристойных речей и не будь наглым, ибо все это порождает прелюбодеяния. Чадó моё! не гадай по птицам, ибо это ведет к идолопоклонству. Не будь также заклинателем или звездочетом, не твори очищений и не желай даже смотреть на это, ибо это все порождает служение идолам. Чадó моё! не будь лжив, ибо ложь ведет к воровству; ни сребролюбив, ни тщеславен, ибо все это порождает воровство. Чадó моё! удержи́сь от ропота, ибо он ведет к богохульству; не будь также своенравен и не имей дурных помыслов, ибо все это порождает богохульства. Но будь кроток, ибо кроткие наследуют землю. Будь терпелив и милостив, и незлобив, и спокоен, и добр и страшись во всякое время тех слов, которые ты слышал. Не превозносись и не будь дерзким. Да не прилепляется сердце твоё к высокомерным, но обращайся с праведными и смиренными. Случающиеся с тобой тяжелые обстоятельства принимай как благие, зная, что без Бога ничего не бывает».

В третьей главе, как мы можем понять, нас призывают опасаться всякого зла, контролировать свои чувства и эмоции. Также нас призывают делать добрые дела, например, быть милостивыми, спокойными, добрыми и т.д. И все, что происходит в этой жизни, принимать как происходящее по воле Божией.

Глава IV

«Чадó моё! поминай ночью и днем того, кто возвещает тебе слово Божие и почитай его как Господа, ибо где возвещается господство, там Господь. Каждый день стремись к общению со святыми, дабы найти успокоение в их словах. Не причиняй раскола, но примиряй спорящих. Суди по справедливости. Обличая проступки, не взирай на лицо. Не сомневайся в том, будет ли (суд Божий) или нет. Не будь протягивающим руки, чтобы получить и складываю-

щим их, когда нужно дать. Если имеешь что-нибудь от рук своих, давай выкуп прегрешений своих. Не колеблись давать и отдавая не ропщи, ибо ты узнаешь, кто есть добрый Воздаятель за заслуги. Не отворачивайся от нуждающегося, но разделяй все с братом своим, и не говори, что это твоя собственность, ибо если вы имеете общение в бессмертном, не тем ли паче и в смертных вещах? Не отнимай руки своей от сына своего или от дочери своей, но с юности научай их страху Божию. Не приказывай ничего с гневом рабу своему или служанке, уповающим на того же Бога, дабы они не перестали бояться Бога, Который над вами обоими; ибо он не по наружности призывает, но приходит к тем, кого уготовал Дух. Вы же, рабы, покоряйтесь господам вашим, как образу Божию со страхом и скромностью. Возненавидь всякое лицемерие и все, что не угодно Господу. Не оставляй заповедей Господних, но береги то, что получил, ничего не прибавляя и не отнимая. В церкви исповедуй грехи свои и не приступай к молитве своей с дурной совестью.

Таков путь жизни!»

В четвертом разделе «Дидахи» призывает читателей каждый день стремиться к общению со святыми, чтобы найти утешение в их словах, быть праведными, не отворачиваться от просящих; не давать в гневе приказов рабам, чтобы они не перестали бояться Бога, который и над рабом, и над господином. Итак, необходимо помнить о заповедях Божиих и беречь то, что у тебя есть, а также каяться в Церкви и не приступать к молитве с дурной совестью.

Глава V

«А вот путь смерти: прежде всего он зол и полон проклятия. (Тут) убийства, прелюбодеяния, страсти, блуд, воровство, идолопоклонство, чародейство, яд, разбои, лжесвидетельства, лицемерие, двоедушие, коварство, надменность, подлость, самомнение, корысть, сквернословие, зависть, дерзость, высокомерие, чванство. (По этому пути идут) гонители добрых, ненавистники истины, друзья лжи, те, которые не признают воздаяния за праведность, не присоединяются к доброму делу, ни к справедливому суду, не бодрствуют в добре, но во зле, от которых далеки кротость и терпение, которые любят суету, гоняются за воздаянием, не сострадают бедному, не удручаются об удрученном, не знают Того, Кто сотворил их. (Тут) детоубийцы, искажители образа Божия, отвращающиеся от нуждающегося, удручающие несчастного, заступники богатых, незаконные судьи бедных, во все грешники! Бегите, дети, от всех таковых!»

В пятой главе говорится о пути, ведущем к духовной смерти. На нем встречаются очень страшные грехи. Этого направления придерживаются люди, безразличные к доброму, которые не стремятся и не хотят прийти к Богу и творить добрые дела, а идут по этому пути, потому что в нем есть много удовольствия и исполнения своей воли. Естественно, нас просят избегать и даже убегать от таких.

Глава VI

«Смотри, что кто-нибудь не совратил тебя с этого пути учения, ибо такой учит вне Бога. Ибо, если ты можешь снести иго Господне в целости, то будешь совершен; если же нет, то делай то, что можешь. Что же касается пищи, понеси что можешь; но особенно воздерживайся идоложертвенного, ибо это есть служение мертвым богам».

В главе номер шесть нам говорится о соблазне, который необходимо уметь терпеть. В этом контексте нас призывают воздерживаться от пищи, которая посвящена идолам, так как это служение мертвым богам.

Глава VII

«Что же касается крещения, крестите так: наперед провозгласив все это, крестите в живой воде во имя Отца и Сына и Святого Духа. Если же нет живой воды, крестите в другой воде; если не можешь в холодной то в теплой. А если нет ни той, ни другой, возлей воду на голову трижды во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Глава номер семь рассказывает о крещении. Нужно крестить в живой (проточной) воде во имя Отца и Сына и Святого Духа. Если не можешь в холодной, то можно в теплой; в крайнем случае можно трижды возливать воду на голову во имя Отца и Сына и Святого Духа. Перед крещением крестящий и крещаемый должны были поститься два-три дня.

Оглашенные (катехуменат) — это в первую очередь христиане. Они еще не приняли крещения, но уже считались членами Церкви Христовой и присутствовали на части богослужений, слушали Священное Писание. Во II-III веках срок оглашения был не менее трех лет. Гонения и ереси, вероучительные споры требовали от христиан стойкости и знания своей веры. Поэтому Церковь очень ответственно подходила к принятию в свое лоно новых членов и очень благоговейно относилась к самому таинству Крещения. И ко времени, когда в VI веке христианство стало государственной религией в Византии и в Церковь вошло много язычников, сподвигнутых родственниками-христианами или желающих продвижения по службе (статус христианина этому способствовал), Церковь встретила их уже проверенной практикой длительной подготовки к крещению. В какой-то степени катехуменат был буфером между Церковью и миром: с одной стороны, Церковь через огласительные беседы говорила с миром; с другой — институт оглашенных защищал Церковь от проникновения в нее духа мира сего. Но главное, эта промежуточная стадия между сознанием язычника и верного христианина нужна была самим оглашенным: для испытания своей верности Христу, покаяния, «перемены ума» в самом прямом смысле — перемены приоритетов, ценностей, всего мировоззрения и поведения. Главной задачей катехизации было не столько обучение основам веры, сколько введение оглашенных в жизнь и Предание Церкви.

Что должен делать оглашенный и крестные?

В Древней Церкви таинство Крещения совершалось на ближайшие праздники Пасхи и Пятидесятницы, в Рождественский и Богоявленский сочельник. Оглашенный должен был пройти несколько подготовительных бесед сначала со священником, затем с местным епископом. Крещаемый должен был верить в Истинного Бога, соблюдать православные обычаи, строя свою жизнь на основе религиозности. На беседах должны были присутствовать крестные, чтобы были свидетелями согласия оглашенного. Перед самым обрядом крещаемый и крестные должны были поститься (отказаться от мяса, вина). Приступить к крещению могли только те, кто пробыл в чине оглашенных достаточное количество лет, изменил свою жизнь, имел свидетельство верных о серьезности своих намерений, мог лично исповедовать веру и не имел беснования.

Глава VIII

«Да не совпадают посты ваши с постами лицемеров; ибо они посеяться во второй и пятый день по субботе, вы же поститесь в среду и в канун (субботний). Также не должны вы мо-

литься как лицемеры, но как повелел Господь в своём Евангелии, так и молитесь: Отче наш, сущий на небе, да святится имя твоё; да придет царствие твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день и прости нам долг наш, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение; но избавь нас от лукавого. Ибо Твоя есть сила и слава во веки. Молитесь так трижды в день».

В этой главе мы видим, что в «Дидахи» нам встречается образ правильного поста, который закрепился до нашего времени. Сейчас в Русской Православной Церкви постятся среду и пятницу. Также здесь дана молитва «Отче наш», которая была дана в Нагорной проповеди; ею молились трижды в день.

Глава IX

«Что касается Евхаристии, благодарите так. Прежде о чаше: благодарим Тебя, Отче наш, за святую лозу Давида, отрока Твоего, которую Ты явил нам через Иисуса, отрока Твоего. Тебе слава во веки!»

В девятой главе нам показывается образец благодарственной молитвы в Древней Церкви. Также указывается: «Никто же да не ест и не пьет от вашей Евхаристии, кроме крещенных во имя Господне; ибо об этом сказал Господь: не давайте святыни псам».

Глава X

«Исполнивши все, так благодарите:

Благодарим Тебя, Святой Отче, за святое Имя твоё, которое Ты вселил в сердца наши, и за ведение и веру и бессмертие, которые Ты открыл нам через Иисуса, Сына Твоего.

Тебе слава во веки!

Ты, Владыка Вседержитель, создав всё, Имени Своего ради, дал людям пищу и питье на пользу, чтобы они благодарили Тебя, нас же благословил духовною пищею и питьем и жизнью вечной через Твоего Отрока.

Прежде всего благодарим Тебя потому, что Ты всесилен.

Тебе слава во веки!

Помни, Господи, Церковь Свою, да охранишь её от всякого зла и сделаешь её свершенной в любви Твоей, и собери её от четырех ветров, освященную, во Царствие твоё, которое Ты уготовал ей.

Ибо Твоя есть сила и слава во веки!

Да придёт благодать и да прейдет мир сей!

Осанна сыну Давидову!

Если кто свят, пусть приходит, а кто нет - пусть покается.

Маранафа! («господин наш пришёл»)

Аминь».

Здесь приведена установившаяся молитва благодарения: «Пророкам же предоставляйте благодарить, сколько они хотят».

Глава XI

«Если кто, придя к вам, станет учить вас всему тому, что сказано выше, того примите. Если же учитель, совратившись сам, станет учить другому, чтобы опровергнуть ваше учение, такого не слушайте. Если же (он учит с тем), чтобы умножить правду и познание Господа, примите его как самого Господа.

Что же касается апостолов и пророков, согласно правилу Евангелия, поступайте так: всякий приходящий к вам апостол да будет принят как сам Господь. Но он не должен оставаться более одного дня, в случае же нужды может остаться и на второй; если же останется три дня, то он лжепророк. Уходя, апостол не должен брать ничего, кроме хлеба (необходимого) до тех пор, пока где-нибудь не остановится. Если же потребует денег, то он лжепророк. И всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не расследывайте; ибо всякий грех простится, а этот грех не простится.

Но не всякий, говорящий в духе, есть пророк, а только кто имеет нрав Господень, ибо по нраву своему будет признан лжепророк и (истинный) пророк. И никакой пророк, начиная в духе трапезу, не станет есть с нею, если только он не лжепророк. Всякий пророк, научающий истине, если он не делает того, чему учит, есть лжепророк. Всякий же изведанный, истинный пророк, поступающий согласно со всемирною тайною Церкви, но учащий не делать всего того, что он сам делает, да не будет вами судим, ибо его суд у Бога; так поступали и древние пророки. Если же кто скажет в духе: дай мне денег, или чего-нибудь другого, не слушайте его; если же попросит дать для других, неимущих, никто да не судит его».

Если кто придет в дом наш и начнет говорить про истинную веру, то мы должны его принять. Апостол не должен просить ничего кроме хлеба. Но не всякий, кто говорит в духе, является пророком. Если он просит что-то для себя, то не нужно его слушать, а если просит для кого-то неимущего, то он не будет виновен.

Апостолы — это проповедники для язычников, а пророки — тоже проповедники, но, скорее всего, для христианских общин. Пророки несли собственно пророческое служение, давая непосредственные откровения от Бога и, кроме того, наряду с епископами и диаконами имели право служить литургию: в тексте говорится, что пророки — «первосвященники ваши».

Глава XII

«Всякий, приходящий во имя Господне, да будет принят; а потом, испытавши, вы узнаете его; ибо вы должны иметь рассудок и отличать правое от левого. Если пришедший - странник, помогите ему, насколько можете; но он не должен оставаться у вас более двух или, в случае нужды трех дней. Если же он, будучи ремесленником, захочет поселиться у вас, то пусть, работает и ест. А если он не знает ремесла, то поразмыслите и позаботьтесь (устроить его так), чтоб христианин не жил у вас без дела. Если же он не захочет так поступать, то он хриstopродавец. Держитесь подальше от таких!»

Всякий, кто приходит во имя Господне, должен быть принят. Мы должны иметь рассудок и отличать «правое от левого» (истинного от лжеца). Странник может оставаться на 2-3 дня, но не более. Если он умеет работать, то пусть работает и ест, а если не может, то необходимо сделать так, чтобы начал работать.

Глава XIII

«Всякий же истинный пророк, желающий поселиться у вас, достоин пропитания своего; точно также и истинный учитель, как работник, достоин пропитания своего. Поэтому, взявши всякий начаток от произведений точила и гумна, от быков и овец, отдай начаток этот пророкам, ибо они первосвященники ваши. А если нет у вас пророка, отдайте бедным. Если ты приготовишь пищу, то, взявши начаток, отдай его по заповеди. Точно также, если ты открыл сосуд вина или масла, взявши начаток, отдай его пророкам. Взявши начаток серебра и одежды и всякого имущества, как тебе угодно, отдай по заповеди».

Труд апостолов и пророков составлял проповедование Слова Божия людям: приходил в разные общины и рассказывать учение Иисуса Христа.

Глава XIV

«В день Господень, собравшись вместе, преломите Хлеб и благодарите, исповедавши наперед прегрешения ваши, дабы чиста была жертва ваша. Всякий же, имеющий распрю с другом своим, да не приходит вместе с вами, пока они не примирятся, дабы не была осквернена жертва ваша; ибо такого есть наречение Господа: на всяком месте и во всякое время надлежит приносить Мне жертву чистую, ибо Я Царь великий, говорит Господь, и имя моё чудно в народах».

Перед тем как преломить Хлеб и благодарить, требуется примириться с враждующими, потому что жертва, которая приносится, должна быть чиста.

Глава XV

«Поставляйте себе также епископов и диаконов, достойных Господа, мужей кротких и несребролюбивых, и правдивых, и испытанных, ибо и они также исполняют для вас служение пророков и учителей; поэтому не презирайте их, ибо они у вас должны быть почитаемы вместе с пророками и учителями. Обличайте друг друга не во гневе, но в мире, как имеете в Евангелии; со всяким же, кто погрешает против ближнего, никто да не разговаривает, и пусть он не услышит от нас (слова), пока не покается. А молитвы ваши и милостыни, и все дела творите так, как имеете в Евангелии Господа нашего».

Выбирать себе духовника (епископа, диакона, священника) следует среди тех, которые достойны Господа, не сребролюбивы, и почитать их, как и пророков. И с согрешившим мы, по слову «Дидахи», не должны даже разговаривать, пока он не покается.

В наше время выбор духовника является ответственным делом, в котором нужно обязательно все взвесить, потому что именно этот выбор является подспорьем в несении своего креста. Он помогает правильно вести православный образ жизни и проходить различные искушения с преградами. Чаще всего православные христиане выбирают того священника духовником, который ближе к сердцу (внешне приятен или выделяется какими-либо привлекательными внутренними чертами). Если прочитать XV главу, то можно сделать вывод, что в первые века имели важные черты именно характера и отношения к окружающим.

Глава XVI

«Бодрствуйте о жизни вашей: да не погаснут светильники ваши, и чресла ваши да не будут развязаны, но будьте готовы, ибо вы не знаете часа, в который приходит Господь ваш. Часто сходитесь вместе, исследуя то, что полезно душам вашим; ибо не принесёт вам пользы все время веры вашей, если вы не сделаетесь совершенными в последнее время. Ибо в по-

следние дни умножатся лжепророки и губители и превратятся овцы в волков, и любовь превратится в ненависть. Ибо когда возрастет беззаконие, станут (люди) ненавидеть друг друга и преследовать и предавать, и тогда явится обманщик мира, наподобие Сына Божия, и станет творить знамения и чудеса, и земля предастся в руки его, и будет он творить беззакония, каких никогда не было от века.

Тогда придет тварь человеческая в огонь испытания, и многие соблазняются и погибнут, а пребывшие в вере своей спасутся в самом проклятии. И тогда явится знамение истины: первое знамение - разверзнется небо, потом знамение гласа трубного, и третье - воскресение мёртвых, но не всех, а как сказано: придёт Господь и все святые с Ним. Тогда узрит мир Господа, грядущего на облаках небесных».

Мы должны бодрствовать, потому что не знаем, когда придет Господь. Грешники и беззаконующие будут наказаны.

Заключение.

Изучив древнее произведение «Дидахи», можно смело говорить, что оно действительно является катехизисом, потому что в нем и вправду есть краткие наставления в вере. Присутствует поучительный характер.

Читая это произведение, в некоторых главах можно отметить моменты, которые существенны и сейчас в Русской Православной Церкви. Например, крещение. Люди должны были, как и сейчас, иметь крестных, поститься перед таинством и понимать, что, став христианами, они должны соответствовать своей вере.

Или, например, выбор духовника. Тогда должны были выбирать того, кто не лжив, не сребролюбив, вёл благочестивый образ жизни. И сейчас то же самое, только выбора стало больше: в то время христианство только развивалось и духовенство было немногочисленным, а сейчас широта выбора выросла, но обязанности духовника остаются такими же — помогать своим духовным чадам справляться с неудачами, ошибками и вести их ко спасению.

Также можно рассмотреть подготовку к принятию Святых Христовых Таинств. Конечно, сохраняется благоговейное отношение к дарам (молитвы, пост, покаяние, примирение). Все пункты «Дидахи» важны, но к последнему, по нашему мнению, нужно отнестись особенно внимательно, потому что приносится чистая жертва Богу. Если не будет мира среди молящейся общины, то о какой чистой жертве можно говорить?

На поставленный вопрос о том, на каких основаниях «Дидахи» можно назвать катехизисом, можно ответить так: в этом творении сохранились упоминания о дошедших до нашего времени и используемых до сих пор правилах, обрядах, обычаях. Основываясь на этих обстоятельствах, по-видимому, можно справедливо назвать труд «Дидахи» древнейшим катехизисом.

Список использованных источников и литературы

1. Структура оглашения в древней церкви по тексту Дидахе // Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института, 2015. Вып. 15. С. 108 – 118.
2. Сидорова О.И. Свидетельство оглашаемым о вере в Церковь (на примере раннехристианских источников 11-У вв.) // Вестник Свято-Филаретовского института, 2020. Вып. 35. С. 116 – 136.

3. Скурат К.Е. Воспоминания. Труды по Патрологии (I-IV века). Москва: Троиц, собор г. Яхрома, 2006. 568 с.
4. Сидоров А.И. Курс патрологии: Возникновение церков. письменности: [Учеб. пособие]. М.: Рус. огни, 1996. 348, [1] с.
5. Святые Отцы и учителя Церкви. Антология. Том 1. Церковная письменность доникейского периода (I — начало IV вв.). Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева). М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2017. 384 с.
6. Ткаченко А.А. Дидахе [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия [сайт]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/171988.html> (Время обращения 17.02.2022).
7. Алымов В.А. «Дидахи» или «Учение двенадцати апостолов» [Электронный ресурс] // Bookitut.ru [сайт]. URL: <https://bookitut.ru/Lekczii-po-Istoricheskoj-Liturgike.41.html> (Время обращения 17.02.2022).
8. Лекции по патрологии: (церковная письменность I-III веков) : курс лекций, читанных студентам Киевской духовной академии / С. Л. Епифанович ; под общ. ред. Н. И. Муравьёва ; [предисл. П. К. Доброцветова]. Изд. 1-е. Санкт-Петербург: Воскресение, 2010. 607 с.

Иванов Дмитрий Дмитриевич

Студент 2 курса Новосибирской православной духовной семинарии

МУЖИ АПОСТОЛЬСКИЕ

Аннотация. Данная статья посвящена важной странице истории Древней Церкви. В ней рассматривается жизнь и деятельность мужей Апостольских — учеников Христовых.

Ключевые слова: мужи апостольские, апостолы, история Древней Церкви

Ivanov Dmitry Dmitrievich

A 2nd-year student of Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

APOSTOLIC FATHERS

Abstract. This article is devoted to the history of the Ancient Church. In particular, the life and work of the Apostolic Fathers — the disciples of Christ are considered.

Keywords: the Apostolic Fathers, Apostles, history of the Ancient Church.

Послания мужей апостольских, безусловно, важны и в наше время: во-первых, это исторический источник, через который мы можем увидеть, какие проблемы были в ранней Церкви, какие существовали догматы и учения. Также, прочитав послания, можно увидеть, что темы, которые затрагивают авторы в своих трудах, актуальны и по сей день, поэтому эти труды полезно читать и черпать из них полезные советы как мирянам, так и духовенству.

В своей работе мы обращались к трудам таких исследователей, как А.И. Сидоров, П.К. Доброцветов, А.Р. Фокин, К.Е. Скурат.

В ходе работы использовались историко-критический, сравнительный методы, метод анализа текстов.

Апостольские мужи — ряд церковных писателей, живших в конце I в. - первой половине II в., бывших современниками, самовидцами, учениками, сотрудниками апостолов. К мужам апостольским относят сщмчч. Климента Римского, Игнатия Богоносца, Поликарпа Смирнского, апостола из 70-ти Варнаву и некоторых других церковных писателей. «Мужами» или «отцами апостольскими» (patres apostolici) они начали называться с конца XVII в., хотя имелись прецеденты и в древности: именно так, например, Тертуллиан называл сщмчч. Климента Римского.

Творения мужей апостольских носят характер писаний апостольских, и это составляет их отличительную черту.

Наиболее важными трудами мужей апостольских считаются Первое послание Игнатия Антиохийского (ок. 115 г. н.э.), Первое послание Климента Римского (ок. 95 г. н.э.; так называемое «Второе послание Климента» представляет собой гомилию, относящуюся примерно к 130 г. н.э.) и серия видений, известных под названием «Пастырь Ермы». В этот ряд обычно включают еще «Учение двенадцати апостолов» («Дидахи», наставление по нравственности и богослужбной практике), т.н. «Послание Варнавы» и изящную апологию христианской веры, известную под названием «Послание Диогнету». «Мученичество Поликарпа» (ок. 155 г. н.э.) обычно замыкает этот ряд. К сожалению, не все труды уцелели и дошли до нас. Что касается содержания трудов, то, по наблюдению русского дореволюционного патролога

Леонида Ивановича Писарева, «...религиозная концепция мужей апостольских в конечном итоге сводится к трем главным вопросам религиозной интуиции — христологии, экклезиологии и эсхатологии», причем христология среди них занимает главное место. К этим вопросам еще следует добавить нравственное богословие, так как нравственные проблемы христианской жизни занимают одно из самых центральных мест в сочинениях отцов апостольских. Отношения народа к их сочинениям было следующим: «Древние христиане с большим почитанием относились к творениям мужей апостольских: их даже сохраняли в одном кодексе со Священным Писанием». Известны два знаменитых древнейших кодекса, сохранивших в себе библейские книги — Иерусалимский и Синайский.

Предметом данной работы стали жития и труды сщмч. Климента Римского, Поликарпа Смирнского и Игнатия Богоносца.

Сщмч. Климент — третий епископ Римский (92 – 101). В христианство он обращен ап. Петром, был сотрудником ап. Павла в распространении Церкви, как свидетельствует об это сам апостол. Свою веру св. Климент запечатлел мученической кончиной при имп. Траяне. Памятником его деятельности осталось его Послание к Коринфянам. Впоследствии там некоторые дошли до сомнения в истине воскресения мертвых, благомыслящие же обратились к св. Клименту, тем более что неверы отложились от апостольской иерархии. Св. Климент, проникнутый духом апостольской любви и кротости, призывал своевольных коринфян смириться, покаяться и покориться своей иерархии. Обличал он заблуждения их относительно воскресения мертвых. Послание св. Климента пользовалось большим уважением в Древней Церкви, так что читалось при богослужении наравне с книгами апостольскими. Св. Клименту приписываются еще некоторые сочинения, но нет твердой уверенности, что они написаны им.

Свое Послание к Коринфянам св. Климент начинает с приветствия и пожелания помощи Божией в их делах. Затем св. Климент напоминает Коринфской церкви, какой она была («Все вы были смиренны и чужды тщеславия, любили более подчиняться, нежели повелевать, и давать, нежели принимать. Довольствуясь тем, что Бог дал вам на путь земной жизни, и тщательно внимая словам Его, вы хранили их в глубине сердца, и страдания Его были пред очами вашими» (Кор., гл. 2)[1] и какой стала: «Вся слава и широта дана была вам, и исполнилось, что написано: “Он ел и пил, разжирел и растолстел, и сделался непокорен возлюбленный” (Втор. 32:15). А отсюда ревность и зависть, вражда и раздор, гонение и возмущение, война и плен. Таким образом, люди бесчестные восстали против почтенных, бесславные — против славных, глупые — против разумных, молодые — против старших. Поэтому удалились правда и мир, так как всякий оставил страх Божий, сделался туп в вере Его, не ходит по правилам заповедей Его и не ведет жизни, достойной Христа, но каждый последовал злым своим похотям, допустив снова беззаконную и нечестивую зависть, чрез которую и смерть вошла в мир» (1Кор., гл. 3)[1].

После окончания вступительной части св. Климент указывает на проблему, из-за чего начались проблемы в Коринфской церкви. Эта причина — зависть. Чтобы убедить народ, св. Климент приводит примеры из Священного Писания, а именно из Ветхого Завета, так как в I веке еще не сформировался канон Нового Завета. Св. Климент приводит в пример Каина и Авеля, как Каин убил Авеля из зависти, что Бог не принял его жертву: «И было спустя несколько дней, приносил Каин от плодов земли жертву Богу; и также Авель приносил от первородных овец и от туков их; и призрел Бог на Авеля и на дары Его; на Каина же и на жертвы его не посмотрел. И весьма опечалился Каин, и опало лицо его. И сказал Бог Каину: что ты стал печален, и от чего опало лицо твое? Не согрешил ли ты, если ты хотя правильно принес жертву, но неправильно разделил? Успокойся. К тебе обращение его и ты будешь

обладать тем. И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле; и было в то время, как они находились в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его»[1].

Одним примером про Каина и Авеля св. Климент не ограничивается и приводит еще несколько примеров: по причине зависти отец наш Иаков убежал от лица Исава, брата своего; зависть была причиной того, что Иосиф гоним был на смерть и подвергся рабству; зависть принудила Моисея бежать от лица фараона, царя Египетского, когда услышал он от единоплеменника своего: «Кто поставил тебя решителем или судьей над нами? Не хочешь ли убить меня, как убил вчера египтянина?» (Исх., 2:14); за зависть Аарон и Мариам жили вне стана; зависть Дафана и Авирона живых низвела в ад за то, что они возмутились против Моисея, служителя Божия; по причине зависти Давид не только подвергся ненависти иноплеменных, но был гоним и от Саула, царя Израильского.

Впрочем, на одних примерах из Ветхого Завета св. Климент не ограничивается и предлагает вспомнить о том, как святые апостолы Петр и Павел из-за зависти приняли мученические венцы: «Петр от беззаконной зависти понес не одно, не два, но многие страдания и, таким образом, претерпевши мученичество, отошел в подобающее место славы. Павел по причине зависти получил награду за терпение: он был в узах семь раз, был изгоняем, побиваем камнями. Будучи проповедником на Востоке и Западе, он приобрел благородную славу за свою веру, так как научил весь мир правде и доходил до границы Запада и мученически за-свидетельствовал истину перед правителями» (1Кор., гл. 5)[1].

Далее св. Климент предлагает решение проблемы путем покаяния и вспоминает двух ветхозаветных пророков, которые смогли призвать людей к покаянию, чтобы Бог помиловал их: «Господь в каждом поколении милостиво принимал покаяние желавших обратиться к Нему. Ной проповедовал покаяние, и послушавшиеся его спаслись. Иона возвестил ниневитянам погибель, но они, раскаявшись в своих грехах, умолили Бога своими молитвами и получили спасение, хотя были далеки от Бога» (1Кор., гл. 7)[1] и добавляет: «Омойтесь и очиститесь; удалите лукавство из душ ваших пред очами Моими; отстаньте от злодейств ваших; научитесь делать добро, ищите правды, избавьте обиженного, рассудите о сироте, оправдайте вдовицу. И придите, и будем судиться, говорит Господь. И если будут грехи ваши, как пурпур, то убелю их, как снег; и если будут, как червленое, то убелю их как волну. И если хотите и послушаете Меня, то будете наслаждаться благами земли; если же не хотите и не послушаете Меня, то меч истребит вас; ибо уста Господни сказали это» (Ис., 1:16-20).

Чтобы разжечь чувство покаяния у народа Коринфской церкви, св. Климент напоминает историю Лота о том, как жители городов Содомы и Гоморры не послушали слов Лота о покаянии и были стерты с лица земли.

Вторым способом для решения проблемы в Коринфской церкви св. Климент называет смирение: «Будем смиренны, братья, отложив всякое надмение, гордость, неразумие и гнев»[1] и в пример приводит слова Господа нашего Иисуса Христа: «Милуйте, чтобы быть помилованными, отпускайте, дабы вам было отпущено; как вы делаете, так вам будут делать; как даете, так вам дано будет; как судите, так сами судимы будете; как будете снисходить, так к вам будут снисходить; какою мерою мерите, такою отмерится вам» (Мф. 7:1-2 и Лк. 6: 36 – 38). Этой заповедью и этими внушениями утвердим себя, чтобы ходить со смирением, повинуюсь святым повелениям Его. Ибо святое слово говорит: «На кого воззрю, только на кроткого и тихого, и трепещущего слов Моих» (Ис. 66:2).

Также св. Климент приводит и Самого Иисуса Христа как ярчайший пример смирения: «Господь наш Иисус Христос не пришел в блеске великолепия и надменности, хотя и мог

бы, но смиренно. Также смиренно Он и принял крестные страдания за нас, чтобы Своей Кровью искупить наши грехи» [1].

О том, чтобы не повторялись бунты в Церквах, св. Климент говорит, что нужно подчиняться Богу, а не «...тем, которые в надменности и кичливости стали предводителями презренной зависти» (1Кор., гл. 14). Ведь если мы отдадим себя на волю таким людям, то подвергнем себя великой опасности, поэтому нужно быть снисходительными друг ко другу, как милосерд и благ Сотворивший нас, ибо написано: «Добрые будут обитателями земли, и невинные останутся на ней; а беззаконные истребятся с нее» (Притч. 2:21-22). Также св. Климент рассказывает о смирении Авраама, Иова, Моисея, Давида и подводит итог сказанного о смирении: «Смирение и послушливая покорность этих мужей, получивших столь славное свидетельство от Самого Бога, сделали лучшими не только нас, но и прежде бывшие поколения, именно тех, которые со страхом и искренностью принимали глаголы Его»[о] и напоминает, что Бог все знает и ничего от него невозможно скрыть: «Куда пойду и где скроюсь от лица Твоего? Если взойду на небо, Ты там; если пойду на конец земли, и там десница Твоя; если расположусь в безднах, и там Дух Твой» (Пс. 138:7-10.)

Последняя тема, о которой пишет св. Климент в Послании к Коринфянам — это то, что нужно совершать добрые дела и иметь любовь друг к другу. О добрых делах он пишет: «Со всем усилием и готовностью поспешим совершать доброе дело. Ибо Сам Творец и Владыка всего веселится о делах Своих»[о] и напоминает то, как трудился Бог, когда создавал небо, Землю и море и все что населяет их. Совершив все это, Он одобрил и благословил, и сказал: «Раститесь и умножайтесь» (Быт. 1:28). Познаем также, что все праведные украсились добрыми делами; и Сам Господь радовался, украсив Себя делами. Имея такой пример, неленостно последуем воле Его и всей силой будем творить дело правды и не будем забывать о награде которую мы получим от Господа за труды наши: «Вот, Господь, и награда Его пред лицом Его, чтобы воздать каждому по делу его» (Ис. 40:10; 42:11.; Откр. 22:12).

О любви св. Климент пишет так, что высшее проявление любовь к ближнему — это отдание своей жизни за него. Но представляет и примеры языческие: многие цари и вожди во время моровой язвы по внушениям прорицателей предавали себя на смерть, чтобы своей кровью спасти граждан. Многие удалялись из своих городов, чтобы прекратилось возмущение в них. И из верных многие предали себя в узы, дабы других освободить; многие предали себя в рабство и, взявши за себя цену, питали других; многие женщины, укрепленные благодатью Божией, совершили много дел мужественных. Блаженная Иудифь во время осады города испросила позволения у старейшин пойти в стан иноплеменников, и Господь предал Олоферна в руки женщины. Не меньшей опасности подвергла себя совершенная по вере Есфирь, дабы избавить от предстоявшей гибели двенадцать колен Израилевых. В посте и смирении она умоляла всевидящего Господа, Бога веков, Который, видя смирение души ее, избавил народ, для блага которого она подвергла себя опасности.

Второе послание Коринфянам св. Климента Римского.

Второе послание св. Климент начинает с христологии и экклесиологии, о чем было уже указано выше.

Далее св. Климент пишет о презрении мира и стремлении к блаженству другой жизни. Почему же нам стоит презирать мир сей? Странствование плоти нашей в мире этом мало и кратковременно, а обещание Христово велико и дивно, именно: покой будущего Царства и вечной жизни.

Господь сказал нам: «Будете как агнцы посреди волков» (Мф. 10:16). Петр же в ответ на это говорит: а если волки растерзают агнцев? Иисус сказал Петру: «Агнцы не должны бояться волков после смерти своей: и вы не бойтесь убивающих вас и не могущих ничего более сделать, но бойтесь того, кто после смерти вашей имеет власть над душою и телом, власть свергнуть их в геенну огненную» (Мф. 10:28; Лк. 12:4–5).

Что нам должно делать, для того чтобы обрести вечные блага Царствия Божия? Св. Климент на это отвечает так: «Будем подвизаться, зная, что век в борьбе и что на суетные даже подвиги приходят многие, но не все увенчиваются, а только те, которые много потрудились и славно подвизались. Будем же подвизаться так, чтобы всем быть увенчанными»[о]. Будем подвизаться по силам, чтобы удостоиться венца, и если всем нельзя быть увенчанными, то хотя бы приблизимся к нему. Мы должны знать, что и тот, кто вступает в суетный подвиг, если окажется портящим дело, с побоями берется и выгоняется с ристалища. Как вам кажется: что станет с теми, кто не сможет нетленного подвига? О них сказано: «Червь их не умрет, и огонь их не угаснет, и будут они в позор всякой плоти» (Ис. 66:24).

Для того чтобы достичь Царствия Божия, необходимо обязательно жить в покаянии и хранить свою плоть в чистоте. Об этом св. Климент пишет так: «Покаемся, пока живем на земле, ибо мы глина в руке художника. Как горшечник, когда делает сосуд, и он в руках искривится или распадется, может опять восстановить его, а когда поспешит поставить его в горящую печь, тогда уже не поможет ему: так и мы, пока еще живем в мире этом, должны каяться от всего сердца в том зле, которое мы сделали во плоти; чтобы получить от Господа спасение, доколе имеем время покаяния» [1]. Почему же покаяние так необходимо? Это связано с тем, что после смерти душа не может грешить, а значит и не может каяться. Все что она приобрела здесь, на земле, то и останется с ней. Итак, братья, мы тогда только получим жизнь вечную, когда исполним волю Отца, сохраним в чистоте плоть и соблюдем заповеди Господни. Ибо Господь говорит в Евангелии: «Если вы не сохраните малого, кто вам даст великое? Говорю вам: верный в малом и во многом верен будет» (Лк. 16:10). Это значит: сохраните плоть в чистоте и печать без повреждения, чтобы получить жизнь вечную.

Также в достижении Царствия Небесного помогут добродетели. Св. Климент пишет: «Будем исполнять волю Отца, призвавшего нас к жизни, будем более стремиться к добродетели, оставя худую склонность как предшественницу грехов наших; бежим нечестия, чтобы не постигло нас зло. Ибо если мы будем стараться делать добро, то водворится в нас мир» [1]. Те же, кто не стремятся найти его, а предпочитают мирские блага, не знаю, чего они лишаются. И все бы ничего если бы они не учили этому других, за это они примут двойное осуждение и сами они, и слушатели их, ведь как сказал Господь: «Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14).

В своем учении о Лицах Святой Троицы сщмч. Климент говорит о Боге как о «Вседержителе», «Всевидающем Владыке», «Отце и Творце всего мира». Основное внимание он уделяет спасительному влиянию Бога на мир и человека, то есть тайне Домостроительства Божиего. Как пишет сам сщмч. Климент, в тайне Домостроительства участвуют все Лица Святой Троицы: Богу Отцу принадлежит изволение устроить Царство Божие, Иисус Христос является главным орудием тайны Домостроительного спасения, Святой Дух в учении сщмч. Климента показывается как полнота благодатных средств, ведущих в Царствие Божие.

Учение о воле Божией сщмч. Климента таково. По характеристике Н.И. Сагарды, она «...одна господствует над всем самым великим и самым малым. Воля Божия царит в природе, и Климент не перестает изображать, как она все подчиняет своему мановению, поэтому она находит в природе неизменную гармонию и стройность». Таким образом, воля Божия является основанием всего, что происходит в мире. К сожалению, не все разумные твари

подчиняются ей, так как Бог дал человеку то, во что он не может вмешиваться или отнять — это свобода выбора. Человек, уклоняющийся от воли Божией, вредит сам себе. В доказательство того, что все подчинено воле Божией, в Послании к Коринфянам, в 20 главе, сщмч. Климент пишет: «Небеса, по Его распоряжению движущиеся, в мире повинуются Ему: и день и ночь совершают определенное им течение, не препятствуя друг другу. Солнце и лики звезд, по Его велению, согласно, без малейшего уклонения проникают на назначенные им пути. Плодоносящая земля, по Его воле, в определенные времена производит изобильную пищу человекам, зверям и всем находящимся на ней животным, не замедляя и не изменяя ничего из предписанного им. Неисследимые и непостижимые области бездны и преисподней держатся теми же велениями. Беспредельное море, по Его устройению совокупленное в большие водные массы, не выступает за положенные ему преграды, но делает так, как Он повелел. Ибо Он сказал: “Доселе дойдешь, и волны твои в тебе сокрушатся” (Иов. 38,11). Непроходимый для людей океан, и миры за ним находящиеся, управляются теми же повелениями Господа. Времена года — весна, лето, осень и зима мирно сменяются одни другими. Определенные ветры, каждый в свое время, беспрепятственно совершают свое служение. Не иссякающие источники, созданные для наслаждения и здоровья непрестанно доставляют людям свою влагу, необходимую для их жизни. Наконец, малейшие животные мирно и согласно составляют сожителства между собою. Всему этому повелел быть в согласии и мире великий Создатель и Владыка всего, Который благодворит всем, а преимущественно нам, которые прибегли к милосердию Его чрез Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и величие во веки веков. Аминь (1Кор. 20)»[1].

В этом отрывке мы можем заметить, что часто встречаются выражения «в согласии и мире», «миром», «по Его воле» и т.д. Этими словами сщмч. Климент хотел сказать, что все в мире подчиняется мановению Божией воли. Как уже говорилось выше, у человека есть свобода воли, которую Бог не трогает и которая может плохо влиять на человека, что и произошло в Коринфской церкви, где люди из-за своей гордости перестали подчиняться воле Божией.

В продолжение Домостроительства спасения является Боговоплощение, которое понимается как Самоуничжение, Самоумаление второго Лица Святой Троицы. Также сщмч. Климент подчеркивает человечность Иисуса Христа: Он обладает и плотью, и душой. Вероятнее всего, акцент на этом сделан из-за появившегося в конце I века докетизма гностического типа. Спасение людей, осуществляемое через воплотившегося Бога Слова, возможно только в Церкви.

Лейтмотивом в экклезиологии сщмч. Климента является идея гармонии, мира и лада: Церковь сщмч. Климентом сравнивается с воинским подразделением, в котором «...ни великий без малых, ни малый без великих не могут существовать. Все они как бы связаны вместе, и это доставляет большую пользу» (1Кор. 37). Важнейшей экклезиологической идеей здесь является то, что Церковь есть не человеческое, а Божественное установление; также св. Климент подчеркивает в Церкви иерархию, апостольское преемство, которое передано от Христа через апостолов по преемству рукоположения. Также в Послании к Коринфянам акцентируется внимание на соборности Церкви, которую св. Климент описывает, как «...существующую в виде полного, целостного организма, сознающего и чувствующего себя во всех членах, несмотря на их различие, и потому представляющего им право на живое и деятельное участие во всем том, что относится к жизни всего тела»[1].

С экклезиологией св. Климента тесно сопрягается и его нравственное учение, где в первую очередь подчеркивается тот момент, что поскольку Христос есть Основатель и Глава Церкви, то Он и является главным образцом для всех членов Церкви. В частности, святой говорит о смирении Иисуса Христа: «...не пришел в блеске великолепия и надменности, хотя и мог бы, но смиренно» (1Кор.,16) [1]. Еще св. Климент подчеркивает значение любви: «Лю-

бовь соединяет нас с Богом; любовь покрывает множество грехов всех членов Церкви. В частности представляющего им право на живое и деятельное участие во всоставляют людям своею избранные Божии достигли совершенства, без любви нет ничего благоугодного Богу» [1].

В своем учении о Церкви и стремлении утвердить церковную дисциплину св. Климент приводит важное и одно из самых ранних свидетельств одного из главнейших принципов бытия Церкви и ее единства — апостольскую преемственность через возложение рук от Иисуса Христа и апостолов вплоть до наших дней: «Апостолы были посланы проповедовать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос от Бога. Христос был послан от Бога, а апостолы от Христа; то и другое было в порядке по воле Божией. Принявши повеление, апостолы, совершенно убежденные чрез воскресение Господа нашего Иисуса Христа и утвержденные в вере словом Божиим, с полнотою Духа Святого пошли благовествовать наступающее царствие Божие. Проповедуя по различным странам и городам, они первенцев из верующих, по духовном испытании поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих... Ведь апостолы наши знали чрез Господа нашего Иисуса Христа, что будет раздор о епископском достоинстве. По этой самой причине они, получивши совершенное предвидение, поставили вышеозначенных служителей, и потом присовокупили закон, чтобы, когда они починут, другие испытанные мужи принимали на себя их служение».

Именно поэтому Православная Церковь, как и другие Древние Церкви, именует себя Апостольской, так как их епископат ведет свое начало от апостолов и Самого Христа. Отсюда, заключает св. Климент, незаконно поступили коринфяне, сместив беспорочно совершавших служение законных священнослужителей своей обители.

Эсхатология также присутствует в Послании к Коринфянам, но на нее не ставится особый акцент, ибо преимущественно здесь указывается на величие и красоту будущих обетованных благ.

Св. Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, ученик ап. Иоанна Богослова, в 107 г. по приказанию имп. Траяна был брошен в Риме на растерзание львам. Имеются семь его посланий, написанных во время доставки его в Рим на казнь: к Ефесянам, Магнезианам, Траллийцам, Римлянам (из Смирны); к Поликарпу, еп. Смирнскому; к Смирнским и Филадельфийцам (из Трояды). Он убеждал адресатов сохранять правую веру, повиноваться богоучрежденной иерархии, в особенности епископам. По отзыву св. Поликарпа, послания св. Игнатия содержат в себе образцы веры, терпения и всякого назидания о Господе.

Труды св. Игнатия можно характеризовать как христоцентричные. Действительно, Христос занимает центральное место в мыслях и чувствах св. мученика: «Его хочу, за нас умершего, Его ищу, за нас Воскресшего»; «Ни видимое, ни невидимое, ничто не удержит меня придти к Иисусу Христу». Ветхий Завет в трудах св. Игнатия по сравнению со св. Климентом отступает на задний план. На слова иудаистов: «...если я не найду какой-нибудь истины в Ветхом Завете, не поверю Евангелию», у него был дан ответ: «...а для меня древнее Иисус Христос, непреложно древнее Его крест. Его смерть, Его воскресение, производимая Им вера, Христос — наша жизнь». Также св. Игнатий в своих трудах не касается учения о Боге: «Един есть Бог, явивший Себя чрез Иисуса Христа» — вот единственная фраза о Боге Отце, которая встречается в трудах св. Игнатия: это еще раз доказывает, что в трудах св. Игнатия Христос занимает главное место. Зато христология св. Игнатия вполне определенная. Он ясно учит о Божестве Сына Божия, называя Его Богом нашим, Богом Святым. В возвышенном воззрении на Сына Божия св. Игнатий примыкает к христологии ап. Иоанна Богослова. Он называет Иисуса Христа «словом, изшедшим из молчания, мыслью Божией» [1] и этим показывает, как в ранней Церкви люди понимали наименование Сына Божия Словом: они

рассматривали Его как истинное Начало Откровения, явление Которого открыло нам тайны «божественного безмолвия»[1], как слова человека открывают мысли его.

О предсуществовании Иисуса Христа Св. Игнатий учит: «Иисус Христос был прежде веков у Отца и, наконец, явился видимо». «Невидимый» ради нас стал видимым. Вполне торжественно поэтому выступает у Игнатия традиционная троичная формула: «Вы истинные камни, уготованные в здание Бога Отца, возносите на высоту орудием Христа, т.е. крестом, посредством верви Св. Духа». Нельзя не заметить, что учение о предсуществовании, предвечном рождении Сына Божия не намечено у Игнатия ясно. Однако оно и не отрицается. Так, Христос называется у него нерожденным в противоположность временному рождению и в обозначение Его Божества. Равным образом наименование Сын Божий, по-видимому, приурочивается к рождению от Девы Марии и Духа Святого. Христос — сын Давида по плоти, но поистине стал от Девы Сыном Божиим по воле и силе Божественной. Учение о воплощении Сына Божия, в пику заблуждениям докетов, развивается у Игнатия весьма подробно. Воплощение — это осуществление Божественного Домостроительства и выразилось оно в том, что Иисус Христос соделался человеком совершенным. Как это произошло? Игнатий кратко отвечает: «Бог наш Иисус Христос зачат был Мариєю из семени Давидова, но от Духа Святого». Игнатий настаивает на истинности плоти Христовой, понимая под ней совершенное человечество. Он «произошел по плоти из рода Давидова»[0]. Он «истинно произошел от Девы», хотя и сохранил ее девство в зачатии и рождестве. Он истинно крестился от Иоанна, истинно распят был за нас плотью при Понтии Пилате и Ироде тетрархе и пострадал истинно, как истинно воскресил Себя, а не так, как говорят некоторые, «призрачно». Он и по воскресении Своем был и есть во плоти. Явившись апостолам, Он сказал: «Возьмите, осяжите Меня и посмотрите, что Я не дух бестелесный»[0]. По воскресении Он ел и пил как имеющий плоть. Ясно указывая на Божество и человечество Спасителя, св. Игнатий не менее ясно утверждает неразрывное единство во Христе этих двух. Он смело говорит о «крови Бога», «страданиях Бога» и исповедует обожествление человечества Христа, почему называют Его «новым человеком». Два раза он характерно соединяет во Христе природы человеческую и Божию: обличая еретиков в недуге докетизма, Игнатий говорит, что для них «...есть только один Врач, телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии от Бога, сперва подверженный, а потом неподверженный страданию, Господь наш Иисус Христос»[1].

В христологии св. Игнатия ясно показаны две природы Христа, прекрасно отмечено учение о единстве Лица Христова. Развито у Игнатия учение о деле Христа. В этом учении для Игнатия характерно то, что он почти не касается искупления как примирения с Богом, хотя и полагает искупительную смерть Христа за нас в основу нашего спасения. Главным же образом Игнатий понимает искупление как «разрушение смерти» и «обновление» вечной жизни. «Евангелие есть совершение нетления». Начало этого покаяния положено явлением Бога во плоти и Его смертью и воскресением. «В нем наша жизнь воссияла через Него и через смерть Его», так что Христос облагодухал нетлением Церковь и, как Его воскресил Отец Его, подобным образом воскресит и нас, ибо без него мы не имеем истинной жизни. Отсюда таинство Евхаристии, которое есть «...врачевание бессмертия, не только предохраняющее от смерти и дарующее вечную жизнь во Иисусе Христе»[0]. Почему же оно имеет такую силу? А потому, что «...Евхаристия есть плоть Господа нашего Иисуса Христа, который пострадал за наши грехи».

Таким образом, по св. Игнатию, целью спасения являются воскресение и жизнь нетленная. Средством к тому — Евхаристия. Основой — страдания Христа. Потому он так решительно и вооружается против докетов, что они по существу отрицали страдания, Евхаристию, буду-

щее воскресение, тогда как для самого Игнатия надежда на воскресение составляет все, и если нет этой надежды, то не имеет смысла ни его мученичество, ни страдания апостолов.

Он докетов называет «зверями во образе человеческом», «бешеными псами». Особенно возмущает его уклонение от Евхаристии и церковного общения с епископами. Против тех, кто уклоняется, Игнатий выдвигает такие практические меры: во-первых, увещевает верующих избегать еретиков и даже говорить о них; во-вторых, особенно настаивает на необходимости церковного единения, причем почву для него указывает в повиновении епископам и в участии в Евхаристии. И та настойчивость, с которой он выдвигает эту мысль, является плодом сознания опасности докетической ереси, а вовсе не обуславливается новостью епископального института, будто нуждавшегося в защите, как думают протестанты. Ввиду таких задач Игнатий раскрывает учение о Церкви только с тех сторон, какие прямо касались его цели — создать в церковном единении и, в частности, в Евхаристии оплот против ереси докетов. Он выдвигает учение о католической Церкви.

Далее он первый ясно учит о единоличном епископате и выдвигает центральное значение церкви как представителя церковного единства.

Он же первый ясно различает 3 степени иерархии — епископскую, пресвитерскую и диаконскую и не смешивает их, как другие авторы. Но зато он не говорит об апостольском преемстве, иерархии и о форме постановления на священную степень, так как к тому времени не было поводов ни в докетических заблуждениях, ни в идее церковного единства. Св. Игнатий называет Церковь католическую один раз в Послании к Сириянам. «Где Христос, там и католическая Церковь». Эта Церковь должна охватить и иудеев, и язычников и совокупить их в едином теле Христа. Ее название «католическая» указывает на взаимную связь Поместных Церквей. Все они имеют «общее имя и упование», т.е. общее учение, равно как и общее устройство во всех концах земли. У св. Игнатия в его посланиях определенно выступает единоличный епископат наряду с пресвитерием и диаконами. «Без них нет Церкви». Часто Игнатий рассматривает эти три ступени как правящую часть Церкви и увещает подчиниться епископам, пресвитерам и дьяконам, но еще чаще выделяет 2 первых ступени или одну — епископскую, с которой должен согласиться и пресвитерий. «Надлежит вам согласоваться с мыслью епископа, ведь и ваше знаменитое достойное Бога пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре». В собственном смысле верховным епископом является Сам Бог; епископы поставляются по Его воле и являются Его заместителями на земле: им нужно поэтому повиноваться, как Богу, как домоправителям, посланным Домовладыкой. Это признак истинных христиан: «Кто Иисуса Христовы, те с епископом»[о], которые должны следовать с епископом, как Христос Отцу. Кто обманывает епископа, обманывает Самого Бога. Отсюда «...прекрасное дело знать Бога и епископа. Почитающий епископа почтен Богом: делающий что-нибудь без ведома епископа служит дьяволу. Где епископ, там и Церковь». «Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви. Не позволительно без епископа ни крестить, ни совершать вечерю любви, напротив, что одобряет он, то и Богу приятно».

Каковы, по св. Игнатию, функции епископа?

1. Пастырское душепопечение: ничего не должно быть без воли епископа; он должен наставлять верующих, заботиться о вдовах, рабах, устраивать собрания и наблюдать за тем, чтобы на них являлись все; браки должны быть заключаемы с его согласия.
2. Учительство: епископ должен охранять верующих от ложных учений.
3. Совершение таинств: лишь епископу принадлежат право совершать Крещение и Евхаристию и кому он предоставит это.

Рядом с епископами Игнатий ставит пресвитеров, но говорит об их правах неопределенно. Им наравне с епископами должно повиноваться и без них ничего не делать, но сами они должны быть в согласии с епископом и уважать его. Пресвитеры составляют коллегия, окружающую епископа, как апостолы Господа, и его совет или синадрон, решающий церковные дела. На богослужбных собраниях они занимают почетные места вокруг епископа. Им принадлежат служебные и дисциплинарные функции; они вместе с епископом принимают и кающихся. Несомненно, они ниже епископа и Евхаристию могут совершать лишь с его разрешения, но каковы их права, в точности сказать нельзя. Еще менее определено Игнатий говорит о правах диаконов. Он относится к ним с особенною теплотою, называет «сослужителями своими», «сладчайшими», однако ставит ниже пресвитеров: если в отношении к епископу и пресвитеру Игнатий требует повиновения, то в отношении к диаконам — только почтения: диаконы должны удовлетворять всем и повиноваться пресвитерам.

Диаконы являются «служителями тайн Божиих», т. е. Евхаристии, и не только агап «явств и питий»; словом, они являются ближайшими помощниками епископа при совершении таинств и в делах управления. Взаимное отношение всех трех степеней св. Игнатий изображает, приглашая верующих взирать на епископа как на представителя Самого Бога, на пресвитеров как на представителей апостолов и на диаконов как на совершителей служения Иисуса Христа.

В 6-й главе послания к Поликарпу, епископу Смирнскому, излагаются обязанности христианской паствы.

Эсхатология св. Игнатия определена. Лжеучители, если не покаются, пойдут в вечный огонь, мученики же пойдут к Богу и вообще, верующие получают тем большую награду, чем больше понесли трудов и достигнут уготованной им вечной жизни и нетления.

Источники учения св. Игнатия — это послания апостолов. Особенное сходство в его в учении с учением св. Иоанна Богослова.

Профессор Попов считает послания св. Игнатия «...выше других произведений мужей апостольских».

Св. Поликарп, епископ Смирнский, любимый ученик ап. Иоанна Богослова, поставленный им во епископа Смирнского. Он дожил до глубокой старости и был замучен в 167 г. во время гонений при Марке Аврелии. Он писал много посланий христианам соседних церквей для укрепления их в чистой и правой вере. Сохранилось только Послание к Филиппийцам. Боролся он против еретических суждений, главным образом докетов: свидетельствовал, что тот, кто не исповедует пришествие Иисуса Христа во плоти, тот антихрист.

Послание св. Поликарпа имеет нравственно-увещательный характер, а в догматическом отношении дает мало материала. В 7-й главе св. Поликарп имеет в виду тех же лжеучителей-докетов, против которых боролся св. Ириней. Тех, кто не признает плоти Иисуса Христа, Его страданий и будущего Воскресения и Суда, св. Поликарп называет «первенцами сатаны». Сущность этого «слова» в положительной форме он кратко обозначает в Послании к Филиппийцам во 2-й главе, где представляет, в чем заключается вера во Христа, причем речь его во многих пунктах напоминает христологическую часть Символа веры. В других местах он называет Христа Сыном Божиим и вечным Первосвященником (Фил., гл. 12) и часто повторяет, что Он будет судить всех людей в день Суда. В нравственном учении св. Поликарп сводит всю жизнь христианскую к трем добродетелям: вере, надежде и любви (Фил., гл. 3), но говорит и о необходимости аскетических упражнений, в частности, молитвы и поста (Фил., гл. 7). Характерны советы о милостыне (Фил., гл. 10) и христианском незлобии (Фил., гл. 12), в силу которого христиане обязываются молиться за врагов своих, в частно-

сти, за язычников и царей (Фил., гл. 12). В своем послании св. Поликарп, хотя и ясно различает от пресвитеров (в написании), но нигде не говорит в нем о епископе, а увещевает покориться (только) пресвитерам и диаконам, как Богу и Христу (Фил., гл. 5). Объясняют этот факт различно. Одни думают, что епископа в это время в Филиппах не было, и местной церковью управлял пресвитер Валент; другие полагают, что епископы были тождественны с пресвитерами и что филиппийская Церковь управлялась коллегиально. В принципе, отождествление пресвитеров и епископов в первые века не имело оснований, хотя в Послании к Филиппийцам в 6-й главе Поликарп пишет на тему общих обязанностей пресвитеров, которые напоминают и обязанности епископов (они общего пастырского характера), а специально о епископских функциях Поликарп ничего не пишет. Объяснить этот момент лучше всего можно тем, что Поликарп пользовался терминологией, которая особо была распространена на Западе, по которой и пресвитеры и епископы назывались одинаково, епископы не сильно выделялись между коллегами-пресвитерами, хотя только они одни имели епископские права.

Проанализировав труды св. Игнатия Богоносца, можно выделить следующие темы, о которых он пишет:

1. почитание и повиновение епископу: делать так, как он говорит, и не обманывать его;
2. единство с Церковью и епископом;
3. воздержание от ложных учений еретиков;
4. молитва за других, кротость и смирение;
5. хранение веры, любви и христианское делание;
6. увещание епископом супругов безбрачных и вступающих в брак.

Самой распространенной темой в работах св. Игнатия является увещание о повиновении епископам, а также их почитании вместе с пресвитерами и диаконами. Епископ, как Иисус Христос: «Почитающий епископа, почтен Богом». (Смир., гл. 9.). Пресвитеры, как апостолы Иисуса Христа и, наконец, диаконы, как закон Божий, которому следует повиноваться. Также необходимо делать все так, как сказал епископ: «Делающий что-нибудь без ведома епископа, служит дьяволу» (Смир., гл. 9). Также можно добавить, «...что такой обманывает не этого, видимого епископа, но невидимого. Такое дело относится не к плоти, а к Богу, знающего тайное» (Маг., гл. 3).

Почитая и повинуюсь епископу, будем жить как единое целое, призывает святой. Будем пребывать в единомыслии друг с другом, будем любить друг друга не по плоти, но в Иисусе Христе. Будем уважительно и почтительно относиться друг к другу: «Старайтесь делать все в единомыслии Божьем, так как епископ председательствует на место Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов, и дьяконам, сладчайшим мне, вверено служение Иисуса Христа, Который был прежде век у Отца, и наконец, явился видимо» (Маг., гл 6).

Второй не менее актуальной темой в трудах св. Игнатия является избегание еретических учений и общения с еретиками в целом. Чем опасны еретические учения? Тем, что отдаляют человека от Евхаристии, так как они не признают, что Иисус Христос истинно пострадал за нас и был воскрешен Богом. Опираясь на эти лжеучения, они лишают себя возможности быть воскрешенными в последний день. Также святой предостерегает от иудейства: «Если мы доселе еще живем по закону иудейскому, то чрез это открыто признаемся, что мы не получили благодати. И божественнейшие пророки жили о Христе Иисусе, посему и терпели гонения. Вдохновляемые благодатью Его, они удостоверяли неверующих, что Един есть

Бог, явивший себя чрез Иисуса Христа, Сына Своего, Который есть слово Его вечное, происшедшее не из молчания, и Который во всем благоугодил Пославшему Его» (Маг., гл. 8). Будем же молиться за них, чтобы милостивый Господь привел их к покаянию через дела ваши: «Против гнева их вы будьте кротки; против их велеречия — смиренномудренны; их злословию противопоставляйте молитвы, — их заблуждению, — твердость в вере; против их грубости будьте тихи. Не будем стараться подражать им, — напротив, своею снисходительностью окажем себя братьями их, — а постараемся быть подражателями Господу» (Еф., гл. 10). Поэтому будем хранить веру, избегая еретических учений, и любовь, которую заповедовал нам Иисус Христос: «Никто, исповедующий веру, не грешит, и никто, стяжавший любовь, не ненавидит» (Еф., гл. 14).

В заключение необходимо сказать об увещаниях, которые должен давать епископ супругам безбрачным и вступающим в брак: «Сестрам моим внушай, чтобы они любили Господа и были довольны своими сожителями по плоти и по духу. Равным образом и братьям моим заповедуй именем Иисуса Христа, чтоб они любили сожительниц своих, как Господь — Церковь» (Пол., гл. 5). Тем, кто вступает в брак, должно «...вступать в союз с согласия епископа, чтобы брак был о Господе, а не по похоти. Пусть все будет во славу Божию» (Пол., гл. 5).

Священномученик Поликарп Смирнский в Послании к Филиппийцам начинает с увещания к добродетели. В нем св. Поликарп пишет о том, чтобы мы верили в Него и в воскресение несмотря ни на что. Чтобы жили так, как угодно Господу: удаляясь от неправды, любостяжания, сребролюбия, злоречия, лжесвидетельства, «...не воздавая злом за зло», порицанием за порицание (1Пет. 3:9), удара за удар, проклятия за проклятие, и, если будем помнить то, чему учил Господь, говоря: «Не судите..., чтоб не быть вам судимыми» (Мф. 7:1). Прощайте, и будет вам прощено (Лк. 6:37; Мф. 6:12,14). Милуйте, чтобы вам быть помилованными: «Какою мерою мерите, ... возмерится вам» (Мф. 7:2; Лк. 6:38). И блаженны бедные и гонимые за правду, ибо их царствие Божие (Мф. 5:3,10; Лк. 6:20).

Начало же «...всех бед есть сребролюбие» (1Тим. 6:10). Зная, что мы ничего не принесли в мир и ничего не вынесем, будем жить в правде по заповеди Божией. Жен необходимо учить, «...чтобы они пребывали в данной им вере, любви и чистоте, чтобы любили мужей своих со всею искренностью и всех других, равно со всем целомудрием, и детей будем воспитывать в страхе Божиим» (Фил., гл. 4). Вдов нужно учить, чтобы они здраво судили о вере Господней, предстательствовали непрестанно за всех, удалялись всякой клеветы, злоречия, лжесвидетельства, сребролюбия и всякого порока и знали, что они — жертвенник Божий, что Бог все видит и от Него ничто не сокрыто — ни мысли, ни намерения, ни какие-либо сокровенные чувствования сердца.

Далее св. Поликарп пишет об обязанностях пресвитеров, дьяконов, юношей, дев и об общих обязанностях.

Пресвитеры должны «...быть благосердны, милостивы ко всем, обращать заблуждающихся, посещать всякого немощного, не пренебрегать вдов или нищего, всегда «стараться о добром... пред... Богом... и...человеками» (Рим. 12:17; 2Кор. 8:21), воздерживаться от всякого гнева, лицемерия, несправедливости в суде; удаляться от всякого сребролюбия, не быть легковверными к наговорам на кого-либо, жестокими на суде, зная, что все мы должники греха» (Фил., гл. 6).

Дьяконы должны «...быть непорочны пред правдою, как служители Бога и Христа, а не чело­веков, не клеветники, не двоязычники, не сребролюбцы, воздержаны во всем, милосер­ды, старательны; должны поступать согласно с истиною Господа» (Фил., гл. 5).

Юноши и девы: «Юноши должны быть непорочны во всем, преимущественно же заботиться о целомудрии и удерживать себя от всякого порока. Ибо хорошо отражать от себя мирские похоти, потому что всякая «похоть воюет... против духа» (1Пет. 2:11), и «...ни блудники..., ни сластолюбцы, ни мужеложники... Царствия Божия не наследуют» (1Кор. 6:9–10), так как и все делающие непотребства. «Посему должно воздерживаться от всего этого, и покоряться пресвитерам и диаконам, как Богу и Христу, а девам жить с непорочною и чистою совестью» (Фил., гл. 5).

Общие обязанности всех христиан: «Мы должны прощать всех, как и Господь прощает нас за грехи, будем служить ему со страхом и всяким благоговением, будем ревностны в добре, будем удаляться от соблазнов, от лжебратьев и от тех, которые лицемерно носят на себе имя Господне и вводят в заблуждение людей легкомысленных» (Фил., гл. 6).

«Всякий, ... кто не признает, что Иисус Христос пришел в плоти, ... есть антихрист» (1Ин. 4:3). Кто не признает свидетельства крестного, тот от дьявола, и тот, кто толкует слова Господа по своим похотям и говорит, что нет ни Воскресения, ни Суда, тот первенец сатаны. Посему мы должны избегать этих ложных учений и пребывать в постах, в молитве и молить Бога об избавлении от искушений, непрестанно жить в надежде и залоге правды нашей — Иисусе Христе, который ради нас пострадал на Кресте: «Стойте в этих добродетелях и следуйте примеру Господа: будьте тверды и непоколебимы в вере, храните братство во взаимной любви и единении истины, оказывайте друг другу кротость Господа, никого не презирая. Когда можете благодетельствовать, не откладывайте этого, ибо милостыня избавляет от смерти (Тов. 4:10; 12:9). Все будьте уступчивы друг другу, чтобы поведение ваше было безупречно среди язычников» (1Пет. 2:12). (Фил., гл. 10): таким образом не хулится имя Господа и обретается награда за добрые дела.

В заключение можно сказать, что священномученики Климент Римский, Игнатий Богоносец и Поликарп Смирнский имели большой авторитет в ранней христианской Церкви: их учения и наставления слушали и передавали из церкви в церковь. Сами же мужи апостольские являются примерами праведной жизни, что мы видим из их жития, и, наконец, они доказали, что они христиане не только словом, но и делом, добровольно приняв мученический венец за Господа нашего Иисуса Христа.

Таким образом, из проведенной работы можно сделать вывод, что в I-II вв. в разных Церк­вах существовали как одинаковые проблемы, так и индивидуальные, которые требовали особого подхода. Из трудов мужей апостольских можно увидеть, какие проблемы волновали раннюю Церковь, и, если сравнить их с проблемами сегодняшней Церкви, то мы увидим, что большая часть проблем осталась и по сей день, несмотря на то, что ответы на эти про­блемы в истории были даны. Как же тогда получается так, что решение этих проблем есть, но они все равно не исчезают? По-видимому, это связано с тем, что подавляющее число нынешних христиан просто не читает подобные труды: они пребывают в неведении и, живя так, полагают, что все в порядке, тем самым делая то, чего христианам не подобает; а мирские люди, видя этих «христиан», живущих неподобающе, строят свое мнение о Церкви в целом.

Итак, исследовательская работа над трудами мужей апостольских выявила следующие те­мы, о которых мужи писали в своих работах:

- сщмч. Климент Римский: о девстве, зависти, покаянии, смирении, добрых делах, любви, гордости, молитве, чистоте плоти, добродетелях и о вечных благах после смерти за труды в земной жизни;
- сщмч. Игнатий Богоносец: о почитании и повиновении епископу; о том, что должно делать так, как он, говорить и не обманывать его; о том, что нужно быть едиными с Церковью и епископом; о избегании ложных учений еретиков; о молитве, кротости и смирении, вере, любви и о том, что нужно на делах показывать себя настоящими христианами;
- сщмч. Поликарп Смирнский: о добродетели, сребролюбии, избегании еретиков, посте, молитве, надежде, терпении, любостязании.

Общие темы, встречающиеся во всех трудах мужей апостольских, таковы:

- общие темы для святых Климента Римского и Игнатия Богоносца: о молитве, смирении, любви, добродетелях;
- общие темы для святых Климента Римского и Поликарпа Смирнского: о добродетелях и о молитве;
- общие темы для святых Игнатия Богоносца и Поликарпа Смирнского: о молитве и о избегании ложных учений еретиков.

Индивидуальные темы, встречающиеся в трудах мужей, таковы:

- сщмч. Климент Римский: о зависти, покаянии, гордости, чистоте плоти, хранении девства для юношей и дев и о вечных благах;
- сщмч. Игнатий Богоносец: о почитании и повиновении епископу; о том, что должно ему повиноваться и не обманывать его; о том, что нужно быть едиными с Церковью и епископом; о кротости, вере и о том, что нужно на делах показывать себя настоящими христианами;
- сщмч. Поликарп Смирнский: о сребролюбии, посте, надежде, терпении, любостязании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Писание мужей Апостольских. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 670 с.
2. Сидоров А.И., Доброцветов П.К., Фокин А.Р. Церковная письменность доникейского периода / Учебник. Т. 1. М.: Издательский дом «Познание», 2019. 376 с.
3. Скурат К.Е. Воспоминания и труды по патрологии (I-V века). М.: Троиц. Собор г. Яхрома, 2006. 568 с.
4. Сидоров А.И. Святоотеческое наследие и церковные древности. М.: Сибирская Благовонница, 2011. Т. 2: Доникейские отцы Церкви и церковные писатели. 526, [1] с.